

И Р И Н А      Р О С Т О В А



ДИРЕКТИВА 22

СОДЕРЖИТ  
НЕЦЕНЗУРНУЮ  
БРАНЬ

18+

# Ирина Ростова

## Директива 22

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=54104037](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54104037)*

*SelfPub; 2020*

### **Аннотация**

Что скрывает благочестивая организация? Как заглянуть внутрь того, что не просвечивается даже на сканере? Как владеть телепатией и не сойти с ума, или все-таки сойти? Как не начать межгалактическую конфронтацию и сохранить статус-кво? Все совсем не то, чем кажется на первый взгляд. Берите кофе и вместе с главным героем погружайтесь в расследование дела под грифом «Угроза национальной безопасности», иначе говоря – под директивой 22. Содержит нецензурную брань.

# Содержание

Глава 1. Manic Monday	4
Глава 2. Believe / don't believe	38
Глава 3. Work Work	86
Глава 4. Rain	126
Глава 5. Moonlight shadow	165
Глава 6. Can't touch this	204
Глава 7. Try everything	247
Глава 8. Almost there	294
Глава 9. Straight on	354
Эпилог. Story ain't over	398

# Глава 1. Manic Monday

Если ты встаешь в шесть, чтобы успеть доехать на работу к девяти, то у каждого твоего буднего утра есть ритм, который задаешь вовсе не ты. И хорошо, если ты хотя бы в него вписываешься.

Если же ты работаешь как-то иначе, или не работаешь вообще, то у тебя еще есть какие-то шансы на самостоятельность – но по моему опыту, такой свободой мало кто распоряжается эффективно. Обычно все просто летит к чертам, начиная от расписания и заканчивая своевременной чисткой зубов. Не все наделены внутренней дисциплиной. У меня, например, с ней все ну очень фигово.

К тому моменту, когда за окном флаера показывается Управление, я обычно не только просыпаюсь, но уже и замечаю наличие каких-то мыслей в своей голове. Их, впрочем, приходится тщательно отслеживать и фильтровать: в моей семье имеет место быть четкая и яркая картина точечных психических расстройств. Она описывается категориями «редко, но метко», и заставляет всех живых членов семьи каждый раз под лупой изучать свои чудачества и странные идеи на предмет не «ку-ку» ли уже кукушечка, или ты просто странненький.

Впрочем, странненькие мы через одного, так что внутренней работы нам всем достается очень много. Про не-внут-

ренную работу и говорить нечего: семейное шило в жопе передается и множится точно так же, вместе с потенциалом оглушительного сумасшествия.

Чем еще, простите, можно объяснить мое ежедневное появление в Управлении в такой нечестиво ранний час, хотя я мог бы спокойно видеть десятый сон, или хотя бы девятый?

Я даже захожу в кофейню напротив и беру кофе для себя, Кинслеера и Дип: маленькое, ничего не значащее потакание своим и чужим слабостям. Бариста – я никак не могу запомнить его лицо, потому что я «девочка с Давоса», а он темнокожий – почему-то кажется мне очень довольным. У него шикарные псионические щиты, поэтому я не мог бы ощутить даже тени его эмоций, но мне как-то чудится, что у него выдалась хорошая смена. Или что-то в этом роде. Может, это хороший знак и для меня? Хотя, скорее наоборот. Несмотря на то, что на бейдже парня написано «Лангда», он такой же Лангда, как я, например, Маэр: я уверен на 140%, что он не человек, а маворс, а у них таких имен не бывает.

Как я отношусь к тому, что расовый враг наливает мне кофе? Да никак. Не плюет же он туда! А кофе он делает вкусный.

Я забираю стаканы и прощаюсь, и бариста вежливо и молча мне кивает – он не разговорчив, но его, видимо, расовые раздоры прошлого тоже не слишком волнуют. Собственно, его расположение распространяется даже настолько, что за последние полгода он пару-тройку раз даже приносил нам

кофе прямо в Управление по нашей просьбе, когда нам самим было некогда и влом.

И вот он я, Иль-мать-его-Гиллернхорн, вплываю в приемную с самым деловым выражением на роже и кофе в руках. И приветствуют меня тут как божество: возгласами «о, божэ, опять он».

Я много, много работал, чтобы достичь такого отношения, но вот – сбылось.

– Хелло, – машу я всем свободной рукой, чтобы меня увидели даже те, кто не заметил с первого раза. – Я слышал, вчера кто-то лихо бомбанул «Банк Легатов»?

– А я слышал, что ты наш внештатный консультант, а не босс, – ответил, проходя мимо, Кинслеер. И даже прихлопнул меня по голове стопкой бумаг, просто потому что мог. Впрочем, у нас примерно такие отношения. Легкие и непринужденные. С учетом того, какие мы оба простые и обычные люди, это нехило всех пугает (тут табличка «сарказм», конечно).

– Это слухи, не имеющие под собой основания, – отмахиваюсь я. – Так что с Легатами?

– Это слухи, не имеющие под собой основания, красавчик, – хмыкнула, поворачивая ко мне экран своего терминала, Дип. – Это не только с Легатами, просто только с ними всплыло.

– Погоди-ка, – я ставлю на ее стол принесенные стаканы с кофе и бегло просматриваю сводку операций, которую она

мне показала. – Разве это не топ-десять Самых Надежных Банков Альянса, а?

– Именно, – кивнула она. – Как ты понимаешь, это директива 22, и все радостно на ушах стоят.

– Что-то я не вижу, чтобы Кинслеер на ушах стоял.

– Он удовлетворился тем, что надавал по твоим.

– Не достал, – хмыкаю я.

– Да это ты Кина не знаешь, – отмахнулась Дип, откидываясь на кресле. Вот уж кто красотка – так это она, так что я понимаю Кинслеера, если слухи правдивы, и эти двое в самом деле тайком встречаются. Она, правда, на добрую голову выше, и его перекошенная рожа должна упираться куда-то ей в возмутительно ошеломительный бюст, ну так оно и интересней. – Он хмурится, делает строгое лицо и тыкает всех работать. Но переживать за чужие деньги он точно не станет.

Это верно подмечено. Кин вообще мало о чем переживает, да и я, впрочем, тоже не из тех, кто психует зазря – у меня слишком много более стоящих поводов для волнений.

Хотя, можно сказать, я и их не особенно стремлюсь реализовать.

– Какие планы? – спрашиваю я после того, как вернувшийся Кинслеер задумчиво остановился рядом и присосался к своему кофе.

– Стоять на ушах, – сказал он, живописно кривясь. – Сейчас кто-нибудь подготовит нетактичный пресс-релиз, который мы сдадим в Управление Общественных связей, и там

его сделают тактичным, а мы, тем временем, спокойно займемся расследованием. Это дело проходит по директиве 22, поэтому расхлебывать нам.

– Ситуации и обстоятельства, создающие либо способствующие созданию угрозы, – издевательски цитирую я, – национальной безопасности Альянса, понимаемой как совокупность государственной, общественной, информационной, экологической, экономической, транспортной, энергетической безопасности и безопасности личности, рассматриваются как особо опасные деяния и подлежат пресечению всеми доступными и соответствующими уровню угрозы способами, находящимися в распоряжении Министерства безопасности и Министерства Вооруженных Сил.

– Ясен пень, – вздохнула Дип. – Ты не задохнулся от такой важности?

– Нет, я крепкий и делаю дыхательную гимнастику по расписанию. Нам удалось что-то отследить? Куда ушли деньги, откуда произошел взлом?

– Сам догадаешься?

– Деньги ушли из Альянса куда-нибудь, где мы их хрен найдем, – предполагаю я достаточно уверенно. – Взлом происходил с анонимного адреса, который мы найдем тоже хрен.

– Точно, – похвалила Дип. – Возьми вот, кофе выпей.

– Я уже.

– Тогда нечем наградить.

– Конкретика то есть?



– Ну, такая, – Кин пожал плечами. – Путь денег маскировали, конечно, но без таких уж изысков – видимо, просто чтобы сразу не поймали, выигрывали время. И в конечном итоге весь немалый куш перевели на счет благотворительно-го фонда в Созвездии. Поскольку из всех иностранных счетов в Альянсе прямые проводки без особых проверок можно делать только на благотворительные цели, это один из немногих верных способов увести бабло так, чтобы мы не могли изъять обратно. И мы никогда, никогда не узнаем, куда там оно делось дальше. Если, конечно, у нас нет прикупа в Созвездии, и мы не можем узнать, чей там этот фонд и что там с этим баблом.

Кин и Дип оба, не сговариваясь, посмотрели на меня. Я ответил им саркастичным взглядом поверх стакана.

– Что вы имеете ввиду? – уточняю я.

– Прикуп, красавчик, – махнула ресницами Дип.

– Я уже принес вам кофе, – пожимаю плечами я, делая вид, что я тут вообще ни при чем. – Чем не прикуп?

– В Созвездии не так уж любят этот ваш кофе, – хмыкнул Кинслеер. – Зато я точно знаю, что там просто культ Тира, которого ты имел честь спасти. Не так уж давно.

– «Не так уж давно» было почти десять лет назад, – я тоже умею качественно кривиться. Но уговаривать меня не надо – я и так знаю, что пойду и суну свой нос, просто потому, что мне интересно узнать, что за ловкий, хитрый и бессовестно везучий сукин сын завелся в нашем курятнике. Потому что

я тоже – ловкий, хитрый и бессовестно везучий сукин сын и терпеть не могу конкуренции. – Но я постараюсь что-нибудь выяснить.

– Отлично, – Кинслеер хлопнул меня по плечу своей маленькой и ужасно тяжелой рукой, после чего повернулся к Дип. – Возьми кого там тебе надо и попробуй все-таки отследить, как это все происходило. Я понимаю, что исходные адреса все анонимные, но само движение процесса? Не всех же сразу дернули. Было ли это прямой атакой, или, может, там давно что-то такое спало.

– Есть, шеф, – отрапортовала Дип, поворачивая терминал к себе обратно и оставляя меня задумчиво допивать кофе, глядя в стенку.

Итак, Созвездие.

Я там, собственно, никогда не был.

Но Кин прав – создатель и созидатель этой молодой державы, действительно, мягко говоря, задолжал мне одну услугу, как сказали бы в каком-нибудь нуарном детективе. Для нуара мне не хватает мрачности, шляпы и темных видов ночного города, но без всего этого я, пожалуй, обойдусь, поэтому просто звоню в посольство – без изысков. Нахожу их официальный номер терминала, набираю вызов и жду, как все обычные контактеры.

Пожалуй, они запросто промариновали бы по инстанции Дип. Они, скорее всего, сделали бы тоже самое с Кином, потому что Кин может обладать особым статусом в Альянсе

и особенно на Тайрене, но не в Созвездии. Но я все-таки я: и никто не подумал сказать мне «нет», когда я попросил о встрече с посланцем. Еще и спасибо сказали бы, мне кажется, что я не запросил связь по межпространству с самим Тиром, подняв его из теплой постельки.

Возможно, из «очередной теплой постельки», но это уже дело не мое – надеюсь, в следующий раз спасти его от последствий запоздалых романтических приключений буду уже не я.

– Посол согласился встретиться со мной через час, – сообщая я в пространство результат своих переговоров.

– Ты знаешь, что делать, – отмахнулся Кин, не поднимая глаз от терминала.

– Что, даже не поедете меня контролировать? – ехидно уточняю я.

– И выставить себя в очередной раз дураком? – хмыкнул Кин, все-таки удостаивая меня короткого взгляда.

Я хмыкаю ему в тон. Мы понимаем друг друга прекрасно: стоит мне вмешаться в допрос или иное дознание, для Кина все идет наперекосяк, в частности, потому, что я все делаю по-своему, и меня мало волнуют процедуральные тонкости. А показывать свою неспособность приструнить внештатного консультанта никому не хочется.

– Кроме того, ты с ним договаривался встретиться как частное лицо. Вот и вали туда как частная морда.

– Какое грустное недоразумение, – автоматически шучу

я. – Договариваться о встрече с частным лицом, а встретиться с частной мордой.

– Разочаровывай его сам, в общем, – отмахнулся Кинслер. – Иль, вот честно, дай спокойно поработать. Вали и оттачивай свой острый язык на после.

Я вежливо проглатываю пару новых колкостей и почитаю за благо действительно свалить, тем более, что кофе уже кончился.

Впрочем, вдохновленный важностью миссии и опасаясь уделаться, пока еду до посольства, я даже не беру себе еще один стакан по дороге, хотя с оттенком тоски и гляжу в сторону знакомого кафе.

Хотя, может, я произвел бы более мощное впечатление на посла, если бы прибыл украшенный влажными коричневыми разводами? Хотя вряд ли. Я и так впечатляющ донельзя – это тоже семейное. Все мужчины моей семьи похожи, как очень качественные и хорошо упакованные горошины из одного высококлассного стручка.

Визит в посольство, за неимением лучших терминов, прошел удовлетворительно: что означает, что я успешно попрактиковался в запугивании, острословии и прочих высоко ценимых мной дисциплинах.

– К сожалению, я не до конца понял, чем обязан визитом, – вкрадчиво сказал посол, когда я объявился в его кабинете в назначенное время.

– Стечению обстоятельств, – радую его я и тут же огор-

чаю. – Которые вполне могут привести к разрыву дипломатических отношений между Альянсом и Созвездием, если что-то пойдет не так. Мы рассматриваем ситуацию, как попадающую под директиву 22.

Посол, конечно, тертый калач, и его такими пробросами не запугаешь, но за спокойным и насмешливым фасадом я прекрасно ощущаю его напряжение, даже не включая свой псионический усилитель.

– Я весьма сомневаюсь, что настолько серьезные пертурбации, чтобы привести к подобному, могли пройти мимо меня. Кроме того, такое развитие событий было бы крайне невыгодно Альянсу, в том числе.

– Соглашусь с последним пунктом, – важно киваю я. – Но, тем не менее... смотрели ли Вы сегодня новости, господин посол?

– Конечно же, Гиллернхорн.

Я немного щурюсь, невольно выражая одобрение знанием послом тонкостей альварского этикета.

Когда мы говорим – человек, мы подразумеваем все человеческие расы без разбора. Черных, белых и все остальные цвета спектра, с особенностями, возникшими при колонизации других планет.

Когда кто-то говорит – эльфы, он имеет ввиду всех детей эльдар, той самой древней расы, которая оставила свой след в легендах многих народов. Но любой «эльф» будет вещать вам хоть час, хоть два о том, что он – не эльф, а, конкретно,

фейри, сидхе или альвар, потому что мы все глубоко убеждены, что мы вообще совсем полностью разные, и спутать нас никак нельзя (хотя можно, но это понимание приходит с должным развитием космополитизма и пофигизма). Вот для нас, альваров, с нашей системой личных прозвищ, получаемых за особые достижения и успехи, очень важно, чтобы нас называли по личному прозвищу, и без иного титулования. Для друзей я – Иль, для всех остальных – Гиллернхорн. А вот если меня называют по фамилии – это уже, если подумать, так и полноценное оскорбление. Его можно сделать меньше, показав свою неосведомленность, если добавить какое-никакое титулование, но это уже лирика. Я обычно не ожидаю, конечно, от людей или других рас знания этих нюансов, но приятно сознавать, что дипломатических работников нынче все ж таки чему-то учат.

– Я думаю, Вы отметили главную новость дня?

– Атаку на «Банк Легатов»? – безошибочно определил посол. Что же, он, видимо, неглуп. С ним можно иметь дело.

– Именно, господин посол, – подтверждаю я с важным кивком. – И так оказалось, что украденные деньги были переведены на счет благотворительной организации «Дети науки». Я полагаю, это название Вам знакомо?

Он немного нахмурился – тонкая складка возникла между бровями, и больше ничего, но я все равно замечаю.

– Вы уверены?

– Этот факт установлен Управлением Быстрых Решений.

Буквально только что, поэтому я здесь, так сказать, для предварительного и неофициального разговора, – говорю я со значением. – Я думаю, Вы понимаете, насколько Альянс не заинтересован в скандале, и насколько не заинтересовано в этом Созвездие. А дипломатический резонанс неизбежен, если все мы не начнем работать в дружном согласии для установления личностей преступников и возвращения денег законным владельцам.

Посол хмурится сильнее – я вижу тени мыслей, пробегающие по его лицу.

– «Дети науки» управляется частными лицами. У нас нет контроля над их счетами, так как они пользуются льготами, предоставляемыми для всех благотворительных организаций Альянсом и Созвездием. Мы не можем просто взять и вернуть деньги, как Вы понимаете. Даже если Вы предоставите доказательства их происхождения.

– Доказательства есть, – уверенно говорю я, глядя на него пристальным нервирующим взглядом. – Расследование кражи ведется, и виновные будут наказаны. Однако, движение украденных денег бросает, так сказать, тень подозрения на все Созвездие.

– Конечно же, Вы не можете намекать на то, что власти Созвездия в какой-либо мере причастны к этому вопиющему и наглому преступлению?

– Я так не думаю, – отвечаю я, улыбаясь вежливо и ехидно. – Однако, мы уже работаем по этому делу под грифом

угрозы национальной безопасности, и, кроме того, Вы же понимаете, что спекуляции политиков могут зайти очень и очень далеко. Далекое не все в Совете Альянса довольны сближением наших стран. Поэтому критически важно предотвратить возможные последствия.

– Вероятно, стоило бы сделать совместное официальное заявление, опередив журналистов, – предположил посол.

– Возможно, – милостиво соглашаюсь я. – Вам стоит обратиться к руководителю Управления Быстрых Решений Аджантису Кинслееру с соответствующим запросом.

Посол несколько долгих секунд о чем-то поразмышлял, но потом все-таки сказал:

– О господине Кинслеере ходят самые разные слухи. Можем ли мы, Созвездие, в должной мере положиться на его здравый смысл?

– Какие бы слухи не ходили, – спокойно отвечаю я, делая вид, что не понимаю, о чем это он. – Но Кинслеер – один из самых рассудительных людей из всех, известных мне. При этом, если позволите, – я мягко усмехаюсь. – Тир – один из самых вздорных и нелогичных.

Посол некоторое время разрывался между правдой, преданностью и этикетом, и в итоге этикет победил – он промолчал, сделав вид, что не расслышал. Bravo!

– Что же, видимо, мы будем вынуждены обратиться к господину Кинслееру.

– Я, со своей стороны, буду рад предварительно перегово-



ритель с ним относительно Вашей просьбы, – делаю я вид, что это огромное одолжение с моей стороны.

Посол в ответ сделал вид, что благодарен, хоть посмотрел на меня почти укоризненно, потому что я практически вынуждаю его, но мне плевать.

– Благодарю, Гиллернхорн. Что касается других вопросов...

– Я хотел бы знать, кто владеет «Детьми науки», – говорю я. – А также получить содействие ваших сотрудников и правоохранительных органов Созвездия в расследовании, для выяснения возможных деталей. Кроме того, я просил бы Вас позаботиться о том, чтобы счета фонда были заблокированы, чтобы предотвратить уход принадлежащих гражданам Альянса денег в никуда.

– Вы получите наше содействие, – подтвердил посол без особой охоты. – Мы заинтересованы в том, чтобы тень этого преступления не оказалась брошена на Созвездие. Мы ни в коем случае не способствуем отмыванию преступных доходов, и не хотели бы ассоциироваться с подобными практиками в глазах официальных лиц и граждан Альянса.

Я благодарю его и удаляюсь, и еще в пути обратно до Управления получаю сообщение с именами владельцев «Детей науки» и общими регистрационными сведениями о них и их фонде.

Приехав, я с надеждой оглядываюсь на кофейню, но «наш» бариста, видимо, уже закончил смену, а я не хочу рис-

ковать, получив невкусный кофе.

– На щите или со щитом? – осведомился Кин, как только увидел меня, и добавил. – Как минимум без кофе. Без чего еще?

Такие странные фразеологизмы родом из прошлых эпох немного выдают тот факт, что выглядящий примерно моим ровесником Кин на самом деле значительно старше. Насколько? Я могу аппроксимировать, но эта цифра звучит зловеще, и в официальных документах стоит совсем другая дата: по ней Кин ровесник вхождения Тайрены в состав Альянса. Вернее, день в день ровесник – день его рождения в этих бумагах совпадает с днем заключения договора.

Самое смешное тут то, что согласно внутренним документам Министерства безопасности, Кин был через два года после этого принят в штат, что как бы намекает, на то, что либо он был классным офицером-безопасником в подгузниках, либо дата его рождения врет.

Впрочем, мысль о малыше-Кине в цветном комбинезончике, с соской и плазменным ружьем в пухлых ручках греет мне сердце.

– Без сисек, – предполагаю версию я.

– Бинго, – резюмировал Кин.

– Я знаю, я! – подскочила на месте Дип, впрочем, продолжая что-то судорожно печатать на терминале. – Без совести!

– Десять баллов Дипике, – похвалил ее Кин, а я, хихикая, перемещаюсь к общему терминалу, который по попуститель-

ству властей постепенно становится моим.

– Спасибо, что не «без мозгов».

– Мозги-то у тебя есть, это совести у тебя нету, – отозвалась девушка. – Так какие успехи?

– О каких успехах может идти речь, помилуйте, – отмахиваюсь я. – От меня же толку, как от козла молока.

– Ну так по капле можно, гм, нацедить, – оскалился Кинслер.

Дип рискнула кинуть на него возмущенный взгляд, но я чувствую, что ей ужасно смешно.

– Цеди. Но лучше бы это делала Дип, – нагло предлагаю я, и в меня все-таки полетело пресс-папье в виде бородатой рыбы, которой Дип обычно прищипливает грудь распечатанных официальных запросов.

Я ловлю снаряд в воздухе, обволакивая его псионической энергией и отправляю назад по той же траектории, пока рыба не оказывается лицом к лицу с Дип.

– Вы потеряли, – с пафосом сообщаю ей я.

Дипика изобразила максимально серьезное лицо и забрала ее из воздуха.

– Благодарю.

– Что Вы, что Вы, – отмахиваюсь я.

– Ты уже достаточно развлекся? – заботливо уточнил Кин, когда я замолкаю.

– Спасибо, да. У нас есть регистрационные данные этого фонда и сведения о его владельцах. Ну и устное согласие

посла оказывать нам содействие. Он также хочет совместное заявление о том, что Созвездие тут не при чем, и они нам помогают.

– Шикарно, – Кин уселся в кресло рядом со мной. – Давай эти свои данные. Ай, Гиллернхорн, даже не открывай рот. Я знаю, что они не твои, а фонда.

– Ну вот, – деланно расстраиваюсь я, перекидывая полученную информацию на терминал. – Уже и слова не скажи. Тиран вы, господин Кинслеер.

– Так, – Кин оперся на ручку моего кресла, перевешиваясь через меня и близоруко утыкаясь почти в самый монитор. – Кирс-ло-Лланнренн, Джонатан Хастингс, Элснер Горун. Элснер – женское имя?

– Да, причем маворское, – морщу нос я. – «Кирсло» – сидхе.

– Звучит, как ругательство.

– И не только звучит, – соглашаюсь я и тыкаю пальцем в экран терминала. – Пометку видишь? Личный друг Тира.

– Просто чудесно, – нехорошо обрадовался Кин. – Только этого говна нам не хватало.

– А мы вообще рассматриваем вариант, при котором фонд ни при чем, их просто использовали для вывода денег?

– Мы все варианты рассматриваем. Но чем больше мы рассматриваем, тем больше некоторые нам не нравятся.

– Ничего удивительного, – ворчу я.

– Однако, – над нами, взглядываясь вместе с нами в экран,

нависла Дип. – С учетом того, что мы не можем достать деньги из Созвездия без помощи Созвездия, это была прекрасная идея. Но если деньги еще на счете Фонда, то, как бы, рыльце в пушку. Или их пытались подставить, но я не могу себе представить, кому это могло быть нужно.

– А, может, наш хакер просто хочет счастливого будущего для детей Созвездия, и украл деньги для них. Такой благородный разбойник, – предполагаю я, скашивая глаза в вырез рубашки Дип, который оказался чересчур близко. Кин тут же засек это и показал мне кулак. Я послушно перевожу взгляд на его руку, потому что в сотый раз смотреть на профайлы лидеров фонда на экране не собирался. Главные вещи я уже понял, а в деталях поколупаюсь попозже.

– Угу, и работает он, наверное, учителем программирования в школе, – без энтузиазма согласилась девушка. – У нас, таким образом, два направления проверок. Во-первых, нам надо понять, не замешаны ли «Дети науки» в краже денег сами, это раз. Во-вторых, надо продолжать распутывать сам способ кражи. Конечно, во всех банках и свои расследования ведут, и из Управления кибербезопасности туда наслали людей, но нам тоже не стоит складывать лапки и ждать, пока принесут результаты. Хакеров и суперпрограммистов среди нас нет, это не наш профиль, но, может, мы можем что-то выцепить на своем уровне.

– Все, в общем, при деле. Всем нашлось занятие, – проворчал Кин.

– А какие вообще правила с этими счетами благотворительными? – спрашиваю я, поскольку никогда с ними не сталкивался, ни в какой роли.

– Ну, по соглашению, благотворительные фонды могут иметь алиас счета в одном из местных банков, на который можно перевести деньги, как на внутренний, по простым реквизитам и без комиссий и все такое. При этом поступившие средства через систему межбанковских переводов сразу передаются на основной счет за рубеж. Это сделано для того, чтобы освободить, э, добрые дела от финансовых и бюрократических нагрузок.

– Пастбище для криминала, – фыркаю я.

– Ты просто злой, – укорила меня Дип и, наконец, выпрямилась и отодвинулась, видимо, прочитав с экрана все, что собиралась.

– Я тоже считаю, что этим провоцируются финансовые махинации, – пожал плечами Кин, становясь на мою сторону.

– Ты тоже злой, – отвесила и ему Дип, но при этом она улыбалась. Видимо, против злобы Кина она не имела ничего против.

– Практически дипломировано злой, – с гордостью подтвердил Кин.

– Вообще-то, все супер-крупные переводы должны одобряться вручную. Но наш хакер хитрее этого, конечно же. Он разбил все суммы на не-одобряемые части и ссыпал их на этот счет с паузами, достаточными для того, чтобы скрипты

безопасности не среагировали.

– Хитрый хрен, – прокомментировал Кин.

– И хорошо осведомленный, – я задумчиво чешу шрам на щеке. – То есть, получается, все переводы прошли автоматически, без какого-либо участия операторов.

– Почти, – Дип снова перегнулась вперед, обдавая меня сладким запахом ванильных духов, и вызвала файл со своего терминала на экран. – Вот, смотрите. Тут вообще очень интересная схема: вот это наши ограбленные банки, из них деньги уходят одним переводом резко и фьють, и уже на первой инстанции рассыпаются на мелкие суммы, которые отслеживать – весело, но муторно. Сейчас, собственно, за каждым кредом бегают и ищут, как что шло.

– А как мы поняли, что в итоге все ушло именно в Со-звездие?

– По общей сумме. Она совпадает. Но, вообще-то, поймали по активности –совокупному объему переводов.

– То есть, это могли быть и не те же самые деньги, – делаю рискованное предложение я.

– Ну, щас, и откуда, простите, столько бабла еще могло было взяться? Вот так с куста по щелчку? Это пять миллиардов кредитов, Иль. Пять, мать его, миллиардов, это бюджет какой-нибудь чахлой планетки за год!

Я не убежден.

Я видел исчезновение в никуда и больших сумм. И их возникновение из ниоткуда, как по мановению фокусника, у ка-

ких-нибудь зажавшихся олигархов.

– Будет смешно, если это в самом деле другие деньги, а искомая сумма канула куда-то между пунктами А и Б.

– Оставим эту проверку на совести кибербезопасности, – отмахнулась Дип. – Вот тут, перед пунктом “Б”, есть тоже цепочка банков, которые совершали финальные операции. Их больше, как ты понимаешь, намного больше, чем исходно «бомбанутых». И вот тут есть некий банк «Фаради», где вполне легитимный на первый взгляд перевод на легитимную сумму сначала заблокировали, а потом одобрили. Хотелось бы знать, что там случилось.

– Слабая зацепка, – сетую я. – То есть, конечно, проверим, но... может лучше озадачиться вопросом все-таки проверки всего пути, и выяснить, что за счета, через которые проходили все эти операции? Не анонимные же они. Если они были взломаны, то кем, если они чьи-то, что чьи?

– Я понимаю твоё желание сидеть на попе ровно, – сказал Кин. – Но я собираюсь проверить «Фаради». Ты со мной?

Я мысленно оцениваю ситуацию еще раз и киваю.

– Ладно. Все равно сейчас яйцо не высидим.

– Приличные мужики яйца не высиживают, – ввернула Дип. – Они их с гордостью носят!

На этот раз неприличный жест мы показали ей оба и разом, но она только захохотала в ответ.

И мы таки изображаем приличных мужиков – с гордостью несем обозначенные части тела на дальнейшее задание.



– Во всем этом деле есть что-то непередаваемо дурацкое, – делюсь своими ощущениями я, пока мы едем во фляере с автопилотом до банка «Фаради». Ехать далеко – это от нас край географии, но недостаточно крайний, чтобы прибегать к скоростному транспорту.

– Во всех преступлениях есть что-то непередаваемо дурацкое, – пожал плечами Кин. Он повертел в руках электронную сигарету, но зажигать не стал. Сигарета обычно помогает ему чувствовать себя лучше во фляере, который он переносит плохо. Кроме того, без сигареты образ крутого и загадочного детектива не складывается. Впрочем, у Кина такой экзотичный вид, что за детектива он не сойдет даже с сигаретой. Хорошо, что по новостным репортажам о работе Управления его знает почти каждая собака, иначе замаялись бы каждый раз доказывать, что этот пацан с кудрями, щеголеватыми усами и в желтом пиджаке с блестящей нитью – взрослый дядя и руководитель важной государственной конторы.

– Да кури ты уже, – разрешаю ему я, и Кин, прикурив, некоторое время молча пялился в пространство.

Стариковская, немодная, несколько неприличная привычка – но Кин, кажется, не в силах от нее полностью отказаться, хоть и стесняется курить при большинстве знакомых. И особенно – при Дипике.

– Ну, и что тебе не нравится, Мистер Тонко Чувствующая Задница?

– Нет, я Мистер Тонко Чувствующий Задницу, ты путаешь, – не соглашаюсь я. – Я, в общем-то, просто не понимаю, зачем и почему кража была именно такой. Я думаю, если бы наш крутой и хитрый кулхацкер захотел, мы бы ни за что не поняли, что деньги вообще куда-то слились. Это обнаружилось бы слишком поздно. Но нет – такой резонанс, куча самых крутых банков, все просто как фейерверк. Ну, как будто это специально было так сделано.

– Может, он просто любитель театральных эффектов? – предположил Кин, отряхивая невидимую пылинку со своего невероятного пиджака.

– Прямо как ты?

– Нет, я не тяну. Я люблю только театральные костюмы, – пояснил он. – Но, Иль, может он и не так умен. Или очень хотел, чтобы все видели, что он сделал. Такая, знаешь, жажда признания. Он заставил в истерике бегать кучу людей – чем не достижение?

– Не знаю. Мне все равно это кажется каким-то слишком вычурным. Слово он не деньги пытался стащить, а что-то сказать. Но, как бы, заявления то не последовало, если это такой... финансовый терроризм.

– Или он считает, что все сказал своими действиями, – Кин нахмурился и отвернулся в окно.

– Вот только что.

– Понятия не имею. Но мы узнаем, конечно же. У нас не так много было неудачных дел, а с тех пор, как нам добавили

одного скупающего консультанта, так и вовсе стали отличники.

Моя очередь хмуриться.

– Рассуждая логически, о чем это все может быть, кроме как о попытке свистнуть пять сраных ярдов кредов?

– Политическое заявление, – лениво предположил Кин. – Мечь?

– Кому, Альянсу?

– Или кому-то, чьи это деньги? Владельцам банков, может быть?

– Их что-то может связывать?

– Банковских бонз ВСЕГДА что-то связывает, – фыркнул Кин. – Но давай проверим простые вещи.

Следующие полчаса мы колупались в мобильных терминалах, рыская насчет информации о владельцах банков, но достаточно безрезультатно. Конечно, часть из них была вместе там и сям, и может, там есть какой-то заговор или сговор, но это явно лежит под основным пластом информации.

– Думаешь, стоит поговорить с ними? Со всеми.

– Мы запаримся их допрашивать, особенно с учетом того, что они наверняка будут врать.

– Мы можем допрашивать их так, что я буду наблюдать, – предлагаю я. Псионическое вмешательство в этой ситуации незаконно, и, скорее всего, те из них, кто не телепат, таскают с собой мобильный живой щит в лице достаточно ушлого псионика, но мне уже лет семь как такие вещи мешают не

очень.

– Я подкину проверку финансистам, может, найдут какой-нибудь сговор, анализируя финансовые показатели. И, если упрямся, будем допрашивать всех поголовно.

– Кто поднял тревогу-то? Первым.

Кин открыл материалы дела, полистал туда и сюда, выругался вполголоса, отправил мне доступ к ним.

– Сам ищи, – любезно предложил он. – Меня от экрана уже тошнит.

– «Кушайте сами», – ехидничаю я, зарываясь в предоставленные мне файлы.

Впрочем, ничего интересного: тревогу поднял один из крупных клиентов «Банка Легатов», который обнаружил оскудение своего счета – не прошел зарплатный платеж.

Я поизучал этих «Соджорн» с лупой и микроскопом, но они не показались подозрительными ни мне, ни моей «тонко чувствующей заднице». Проще говоря, интуиция молчит намертво.

– «Соджорн» поднял тревогу. Кто-то их проверяет, кстати?

– Наверное, – отозвался Кин. Он закрыл глаза, откинулся на сиденье и даже рукой прикрыл лицо, видимо, ему в самом деле было не очень. Я мельком думаю предложить ему помощь псионика, чтобы облегчить тошноту, но передумываю.

Пусть страдает, это полезно.

Вместо этого я отправляю Дип сообщение про «Сод-

жорн», и она прислала мне в ответ блюющий смайлик.

«Это портрет твоего любимого шефа сейчас», – радостно отвечаю ей я.

«Пруфы» – тут же пришло в ответ.

Я, не слишком шифруюсь, фотографирую притихшего Кина на комм и отправляю ей.

«Бедняжечка. Купи ему воды с лимоном на обратную дорогу», – посоветовала она.

«Вы с ним все-таки встречаетесь или нет?»

«Это было бы неприемлемо».

«Это было "да"»?

«Не передергивай».

«Проверь соджорн».

Блюющий смайлик снова.

Вот и поговорили.

В итоге, мы прибыли в «Фаради» часа за два до закрытия. Даже его центральный офис был достаточно маленьким, показывая, что организация не слишком большая – чей-то побочный бизнес, не иначе. Возможно, кто-то привлекал средства для своей игры на бирже?.. Я делаю мысленную заметку для себя о том, чтобы проверить, если результаты расследования здесь меня не удовлетворят.

Кин сразу продемонстрировал свои документы, и нас пропустили к директору, хоть я и получаю пару странных взглядов. Хотя это не я тут одет в желтый пиджак! Может, они не любят драные джинсы, или, может у них предубеждение

против парней с длинными волосами?

А вот их директору, молодому хрену в модном костюме за хреннелион денег, кажется, было совершенно плевать на то, как мы выглядим, и, кажется, он даже настроен сотрудничать, потому что тут же, даже не поздоровавшись, вызвал того самого бухгалтера, который не хотел пропускать перевод, и только потом поприветствовал нас.

– Господин Кинслеер. Господин Гиллернхорн.

Вот! Это то, о чем я говорил. Это не оскорбление, а незнание, но он, может, и не имел дело с альварами никогда – такие скорбные жизненные пути тоже иногда случаются.

– Я очень сожалею, что наш банк оказался участником такого постыдного происшествия, и я готов оказать вам всяческое содействие. Надеюсь, это поможет вам убедиться в нашей честности и заботе о репутации.

– Ваш банк – единственный, где хоть что-то заподозрили, поэтому у нас нет к Вам претензий, – успокоил его Кин. – И мы ценим вашу помощь.

– Мы уже предоставили все запрошенные финансовые документы Управлению финансовых преступлений.

– Их там обязательно тщательно проверят, – зубасто улыбнувшись, обещаю я просто для того, чтобы ощутить идущую от него волну тревоги. Я почти уверен, что в его отчетах зарыты какие-то махинации, но, кажется, конкретно к сегодняшней проблеме это не имеет отношения. Просто мелкие грешки, за которые директорский хлыщ ну очень пережива-

ет, но надеется, что все проскочит.

После заминки дверь кабинета приоткрылась в дверь проскользнул маленький, дрожащий и очень, очень испуганный человек. Он даже руки к груди прижимал, словно боялся, что его станут бить.

– Г-господа, – проблеял он. Интересно, он нас так боится или своего шефа? Сдается мне, мы далеко не такие пугающие.

– Проходите, Дональдс, – пригласил его директор с едва заметной заминкой перед фамилией. Видимо, сотрудника он на самом деле не знал по фамилии, но специально ради нас выучил, как его зовут. Может, даже личное дело из кадров затребовал, вот такой весь ответственный котенок. Можно сказать, отец и мать в одном лице. Или отец и мат, не знаю.

Дональдс тем временем испуганно зашел и присел на самый краешек роскошного стула на нашей стороне стола, достаточно близко ко мне, чтобы я мог считывать его даже без особых усилий. Я не вижу причин сдерживаться: его эмоции и мысли буквально вытекали из пор, мне даже не надо нигде рыться. Мужик был перепуган так, что вполне мог бы и наложить в портки, но я так и не понимаю, где же источник его великого страха.

Придется задавать вопросы, и делать это правильно: а, значит, нужно обойти на повороте Кинслеера, так что я поворачиваюсь к Дональдсу и проникновенно говорю:

– Господин Дональдс, меня зовут Иль Гиллернхорн, и я

внештатный советник Управления Быстрых Решений. Вам не стоит переживать, вы не под следствием и не под подозрением, мы просто хотим прояснить некоторые моменты, и будем очень благодарны Вам за помощь.

Дональдс с трудом перевел взгляд на меня, но покосился на своего шефа, обливаясь потом.

– Я, к-конечно, г-готов ответить на ваши в-вопросы, г-господа, – выдавил он с трудом.

Несмотря на свою очевидную панику, он все еще не кажется мне подозрительным, но нам нужны ответы, поэтому я осторожно активирую имплант и мягко транслирую в его сторону седативные волны.

– Отлично, господин Дональдс, – киваю я прежде, чем Кин успевает открыть рот. – Подскажите, пожалуйста, почему Вам показался подозрительным тот перевод?

– П-понимаете, я, – он сглотнул, и тощий кадык дернулся туда-сюда. – М-мне п-показался ст-транным этот с-счет, а не этот п-перевод. Я не п-помнил такого счета! А я п-помню все счета.

Похоже, правда. Конечно, странновато для бухгалтера помнить все счета, но чего только не бывает, может, у него чип памяти стоит? Полезная штука, только дорогая. И несколько вредноватая.

– Господин Дональдс, у Вас установлен чип памяти или просто хорошая память от природы?

Быстрый взгляд на босса, потом снова на меня, и острый



приступ плохо скрытой паники. Что-то тут есть.

Конечно, я готов вцепиться в это, как бульдог.

– Я п-просто п-помню, г-господин Г-гилерн-х-х-х..., – и его замкнуло на этом “х” намертво, как хрень. Он продолжал беспомощно выхрипывать одну эту букву, не в силах продолжить.

– Давайте Вы будете называть меня по имени? – вежливо предлагаю я со стоическим терпением. Мое имя может произнести даже конченый заика, по крайней мере, сокращенную версию. – Меня зовут Иль, а Вас, мистер Дональдс?

– С-стив.

– Очень приятно, – даже почти не изгаляясь, говорю я. На самом-то деле, информация мне важней подколок. – Так вот, Стив, вы просто помните вообще все счета, которые есть в банке?

Тот бросил еще один взгляд на босса и кивнул.

– Это потому, что у вас хорошая память, или потому, что вы работаете с малым количеством счетов? – задаю наводящий вопрос я.

– Мы работаем с элитными клиентами, – тут же встрял директор. – Поэтому у нас достаточно селективная выборка, и счета вполне можно запомнить.

«Прачечная», отсутствующе думаю я. Нет, вряд ли. Они изо всех сил оттягивали бы передачу нам данных, если так. Тут что-то другое.

– Понятно, – киваю я. – Итак, счет показался Вам незна-

комым. И Вы отменили операцию.

– Д-да, – с оттенком облегчения ответил мне Стив, даже не мигнув в сторону директора. Видимо, то, что он считает самым скользким участком, мы успешно миновали.

– Но потом вы, все-таки, подтвердили платеж?

– Д-да, – повторил он.

– Почему же?

– Я п-потом п-посмотрел счет. У него б-была с-старая д-дата с-создания, но никаких операций. Я п-подумал, что он п-просто не исп-пользовался, и р-решил, что

н-надо п-пропустить. Я п-позвонил владельцу, чтобы п-подтвердить, и он п-подтвердил.

– У Вас остались контакты? – тут же встрепенулся Кинслер, почуяв добычу. До того он сидел тихо, видимо, не желая в очередной раз становится побочной мишенью моих издевательств, но теперь не выдержал.

– Д-да, в к-комме, – бухгалтер торопливо поднял руку с коммом и начал искать нужный звонок. – Этот н-номер есть в д-документах, к-которые я п-передал вашим людям.

Кин получил от него номер по лучу и тут же отправил Дип: это свежий след, который надо проверять сейчас, а не когда до него доберется финансовая команда.

– Спасибо, Стив, – говорю я Дональдсу. – Вы нам очень помогли.

– Я м-могу идти? – с надеждой уточнил он, обливаясь напряженным ожиданием освобождения.

– Да, конечно.

– Вы свободны, Дональдс, – подтвердил директор, и маленький испуганный человечек наконец нас покинул, унося с собой свой липкий страх.

– Господин Думар, – оборачиваюсь я к директору. – Не для записи, конечно же. Но не могли бы вы прокомментировать ситуацию? Вы сказали, у вас только элитные клиенты – и я не думаю, что вы горите желанием, чтобы в ваши дела дополнительно к финансовой команде влез еще и я.

Он не показался мне впечатленным: его бровь немного дернулась, и зачатки тревоги немного проявились, однако он, видимо, до конца не осознал, какой задницей я могу обернуться для его дел и делишек.

– Наш бизнес – частное и честное предприятие, – предупредил он. – Я иду вам навстречу, хотя мог бы требовать ордер на каждый документ и каждое действие.

– О, конечно, – киваю я. – Потому что это в ваших интересах, точно так же, как в ваших интересах ответить на мой вопрос. Вам не нужен мой исключительно длинный нос в ваших делах. И не нужен нос кого-то из моих собственных консультантов. Консультантов консультанта, так сказать.

Он некоторое время смотрел на меня, словно пытаюсь оценить потенциальные опасности моего вмешательства.

– Наши клиенты – своего рода члены закрытого клуба, – наконец, сказал он. – И они не желают, чтобы их беспокоили.

Некоторое время мы с ним смотрим друг на друга, словно

пытаясь переглядеть, потом я вежливо улыбаюсь и киваю.

– Спасибо за помощь, господин Думар.

Во флаере Кин косо посмотрел на меня, пока я строчу послания нужным людям – тем самым консультантам консультанта.

– Что ты задумал?

– Я хочу проверить этот элитный клуб, – отмахиваюсь я. – Вряд ли это связано с эпичными кражами, но мое чувство задницы возмущено.

Кин окинул меня еще одним хмурым взглядом.

– Финансисты их проверят.

– Я проверю тоже.

– А этот Дональдс, как по-твоему?

– Замешан в темных делишках своего босса, поэтому исторически боится.

– Но ты уверен, что там нечисто?

– Где ты видел, чтобы все счета всех клиентов банка можно было держать в голове? Сколько счетов можно ориентировочно запомнить, чтобы в них ориентироваться? Я предполагаю, что не больше тысячи. Хорошо запомнить – около сотни. Действительно, элитный клуб. И чем они все заняты?

– Думаешь, отмывка денег?

– Сомневаюсь. Я более, чем уверен, что все операции, которые мы там найдем, будут отвратительно законными.

– И в чем же тогда дело?

– Я думаю, – медленно говорю я. – Дело, в самом деле, в

людях. В них есть что-то общее и что-то особенное.

– По-моему, ты зря тратишь время.

– Эй, я внештатный консультант, я могу это делать. главное, чтобы время зря не тратила, например, Дип. Она уже проверила нам телефон, или, может нашла что-то смачное на руководителей фонда?

– Давай дадим ей время до нашего возвращения.

– Лучше дадим ей время до завтра, – шелкаю я по коффе. – К счастью, этот зловредный первый день декады подходит к концу. Но ты, конечно, можешь вернуться в Управление, никто не запрещает. Вы с Дип в самом деле встречаетесь?

– Это было бы совершенно непрофессионально и неприемлемо.

– Почему мне кажется, что это было «да»?

– Потому что ты фантазер. Напиши еще френд-фикшен про нас, раз делать совсем нечего.

– О, я про вас скорее песню напишу, чем какой-то там френд-фикшен, – смеюсь я. Написать песню – это то, что я в самом деле могу, не вопрос. А вот длинная форма – не мой конек.

Что же, начало декады вышло вполне чумовым.

## Глава 2. Believe / don't believe

Если миру и вселенной есть за что сказать «спасибо» человеческой расе, несмотря на ее проблемы, драмы и нерациональный подход ко всему на свете, так это за кофе. Этим напитком родом со своей материнской планеты они одновременно пошатнули гормональный фон пары неблагонадежных рас и создали своего рода клуб причастных и утреннюю зомбиобразную очередь на кофепой во многочисленных процветающих кофейнях. Получение дозы кофеина местами похоже на обмен тайными знаками. Например, сейчас, по прошествии нескольких месяцев завсегдайтства, «наш» бариста, замечая меня, просто молча мне кивает и начинает варить кофе – на троих. Он никогда не спрашивает, какой именно вариант приготовления я изволю, или какой сироп мне добавлять, потому что уже давно выучил, что я никогда не могу выбрать и прошу сделать на его вкус. Так что счет для меня всегда выходит неожиданным, как и вкус напитка. Это своего рода лотерея, но, надо отметить, беспроигрышная.

Я терпеливо жду, пока он рисует на бумажных стаканах цифры вместо имен: ноль, один и два. Я привык думать, что я – это ноль, точка отсчета. стакан один достается Кину, два – Дип, но они иногда меняются ими, точно так же молча и не обсуждая вслух, как и все остальное, что происходит в этом

кофейном заговоре.

Я оплачиваю счет, киваю своему расовому врагу, он кивает мне, и я отправляюсь трудиться дальше.

– Ну и как, мир не рухнул, пока я спал? А то я не успел проснуться и оценить, пока ехал, – говорю я. Дип молча протянула руку за кофе и даже не попыталась сходу ерничать, из чего я делаю вид, что все складывается не очень. Кина нигде не видно, что тоже навевает скверные предчувствия.

– Рухнул, рухнул, – сказала она, отпив немного кофе и от этого немного же подобрев лицом. – Вот, Кина позвали подпирать, чтоб дальше не попадало все.

– Интересно, что там в мире можно подпереть Кином, – я ставлю локти на стол и кладу подбородок на сплетенные пальцы рук. – И еще интересней – что он оставил нам в наследство, уходя в закат спасать мир.

– Колбейн вызвал всех на ковер и дрюкает, – пожалала плечами Дип. – Как будто впервой. Массовая хакерская атака, атататата, просмотрели, атататата, галактеко в опасности, атататата, а особенно жирные счета жирных жадных людей, столпов экономики Альянса. Немедленно поймать, расследовать, не пущать.

– А, в этом ключе, – тут же скучнею я. – А нормальные новости какие-нибудь есть?

– Вот только что прислали информацию из твоего любимого посольства о нашем любимом фонде. Счета им заблокировали вовремя, деньги никуда не ушли. С нами связалась

оперативная группа Созвездия, созданная для расследования всей этой ситуации, ну и, естественно, обращение записали и запустили, о том, что они все такие белые и пушистые и нам помогают расследовать.

– Ты смотрела, чем там этот фонд занят на наших скорбных землях? Кого благодворяют? И копала про владельцев что-то?

– Да, и я связалась с их операционным директором. Я думаю, трогать владельцев без Кина не стоит, но, может, нам съездить в этот фонд самим? Там сейчас инспекция нашей финансовой команды, все, как ты любишь – бардак, истерики, лекарства от нервов, кровь и мозги по стенкам.

– Думаю, это подходящая атмосфера для разговора по душам. Даже лучше камеры для допросов, – соглашаюсь я.

Мы оставили Кину его уже безнадежно холодный кофе и провокационную записку о том, что убыли искать счастья без него, и на флаере Управления отправились в недалекий на этот раз путь.

– Кин велел мне написать про вас с ним песню, – не забываю сообщить я Дип по дороге. – А поскольку ходят слухи, что это он – босс, а я всего лишь внештатный консультант, то я, наверное, послушаюсь.

Дип посмотрела на меня критично и недоверчиво, потом покрутила пальцем у виска в универсальном жесте «ку-ку».

– Что ты там рассказывал про своих безумных родственников? Может, проверяться пора?



– Да нет же, Кин в самом деле велел. Вернее, он предложил френд-фикшен, но я в этом не силен. Очень трудно держать персонажей в характере. Разве что, ты мне поможешь?

– Нет уж, пиши свою песню, – отмахнулась от меня девушка и переслала ссылку на один из общих файлов, чтобы перевести тему. Напрасно, я все равно не отстану – просто вернусь к вопросу позже. – Вот, глянь, это отчеты по фонду. В целом все выглядит так, что они здесь ничего не делают, кроме как собирают деньги. То есть, никакой благотворительной или иной деятельности по отношению к гражданам Альянса они не ведут. Только, как это, повышение социальной осведомленности?..

– Пропаганда, – перевожу я. – И выклянчивание. То есть, они нам тут и не нужны. Это им нужно быть тут, потому что они собирают на пропитание и домики для бездомных ... мышат?

– Детей науки.

– Звучит чудесно. И как, много собирают?

– Очень прилично, – Дип выделила для меня в файле некоторые строки, и я мысленно соглашаюсь с весомостью названных цифр. Конечно, это не пять долбанных миллиардов, но и не жалкие копейки.

– Приятно осознавать, что у нас в Альянсе такие богатые и заботливые люди живут, – заключаю я. – О чужих детях науки готовы заботиться, обеспечивать им там, что именно, кстати?

– Судя по присланным данным, в основном, речь идет об образовании и социальной адаптации наиболее перспективных и одаренных детей Созвездия. Особенно сирот или жителей бедных планет.

– В Альянсе своих бедных планет навалом, – морщусь нос я. – А в Созвездии с самого начала всегда было совершенно бесплатное образование, потому что у Тира на этом пунктик.

– Про Тира тебе виднее, конечно, но тут в переводе так сказано.

Я морщусь нос сильнее и открываю учредительные документы, которые оформлены на весторне, как и в Альянсе, и дополнительные файлы отчетности, которые на весторн переведены торопливо и кое-как, и даже без приложенного нотариального заверения. Оригинал на квилли, правда, приложен, но квилли знает не так много людей. Это все поднимает мой уровень подозрительности куда-то за облака и до Тир-Нан-Ога.

– Они реально зарегистрированы на Квилай? – уточняю я, просматривая учредительные документы.

– Да.

– И это при том, что один из них сидхе, второй человек, а третий маворс?

– Ну, а что удивительного? Выбрали нейтральную планету.

– Супербедную нейтральную планету на отшибе Созвездия. Зато головной офис у них на Аваллоне, в столице. Как

по мне, так прямо и воняет крысой.

– Иль, дорогой, успокойся уже. Кин рассказал, как ты вчера привязался к «Фаради» на ровном месте. Не стоит придумывать лишних сущностей: может, там на этой Квилай просто налоговый режим особый, или еще что такое.

– По-моему, просто воняет крысой, и все тут, – упираюсь я, продолжая ворошить файлы.

– Если тебе всюду воняет крысой, – наставительно сказала Дип. – То проверь, не от тебя ли это.

Я поднимаю на нее укоризненный взгляд, но она сделала такое невинное лицо, что любой наезд выглядел бы просто избивением младенцев, так что я затыкаюсь.

Дип, однако, оказалась права в одном: в офисе Фонда такой бардак, что я чувствую себя в своей стихии. Прямо как на поле боя, к которому я привычен куда больше, чем к офисам, кофейным очередям и прочим милым пустячкам мирной жизни. Отец вообще неоднократно говорил, что мой главный талант – это умение действовать в условиях абсолютного хаоса, упорядочивая его себе во благо, а мать всегда в таких случаях добавляла, что это от того, что родится я изволил аккурат во время захватнической операции.

Что ни говори, у меня совершенно чокнутая семейка.

Просторный офис фонда в самом деле похож на зону боевых действий. Туда и сюда по большой светлой зале между рядами столов снуют деловитые люди в форме Министерства, с коробками, с блоками памяти, с целыми терминала-

ми. Такие же серьезные парни нависают над каждым гражданским, тыкая пальцами в их мониторы и что-то выспрашивая.

– Многовато народу для организации, которая занималась только повышением социальной осведомленности, – комментирую я, пытаюсь пролабировать в лабиринте столов так, чтобы ничего и никого не снести.

– Я разрешаю тебе откусить голову их операционному директору, если тебя это успокоит, – пообещала Дип, устремляясь вперед меня к мужчине с капитанскими знаками отличия, который явно тут заправлял разграблением. Рядом с ним на терминале явно была включена межпространственная связь, потому что на экране виднелся совершенно чужой и чуждый офис и мужчина-сидхе в знакомой мне форме Созвездия.

– Офицер Дипика Раук, Управление Быстрых Решений, я предупреждала о своем визите, – отрапортовала она. – Могу я переговорить с операционным директором фонда, пока вы здесь ведете анализ деятельности?

Это явный сарказм – если бы врачи так анализы проводили, это было бы что-то вроде изнасилования. Но капитан то ли не заметил, то ли не захотел заметить – только запросил разрешение на беседу у своего коллеги на экране и кивнул Дип на единственную закрытую часть зала, отделенную стеклянными перегородками.

Операционный директор, сутулый сидхе чуть постарше

меня, при нашем появлении виновато вынул изо рта палец, с которого до того откусывал ноготь.

– Господин Мевз-ло-Джахеррам? – уточнила на всякий случай Дипика. – Мы из Управления Быстрых Решений, нам надо побеседовать с вами.

Мевз мимо нее бросил на меня полный надежды взгляд и поздоровался на сайедхе.

Я ехидно отвечаю ему тем же, но тут же добавляю:

– Только, простите, я не знаю ваш язык. Я альвар.

Впрочем, в альварском языке я тоже не мастер, но ему об этом знать не полагается.

Он несколько сник и перевел взгляд на свой стол. Мне даже его немного жаль, при всей моей подозрительности к деятельности фонда, сам этот парень скорей кажется мне злосчастной жертвой обстоятельств. Хотя, внешность бывает обманчива.

– Итак, ло-Джахеррам, – гладко и правильно выговорила его фамильное имя Дип, усаживаясь напротив него. Я пока не вмешиваюсь – кажется, Дип нервировала нашего печального директора куда сильнее, чем я. Да и не удивительно – он какой-то задрипанный для сидхе, а Дип – в самом деле, очень красивая девушка. Вероятно, ему с такими редко доводилось общаться.

Впрочем, если подумать, таких красоток, как Дип, и я сам видел маловато.

– Расскажите нам, пожалуйста, о Вашей работе в Фонде.

Я смотрю мимо него рассеянным взглядом, изучая выставку дипломов на стене. Вот что должно руководить человеком, чтобы вывесить в своем кабинете абсолютно все свои бумажки, начиная от похвальной грамоты за школьную успеваемость? По всей видимости, он человек, который работает за идею, похвалу и одобрение, а не за деньги. И как же такой отличник попал, как кур в ошип? Или злополучный фонд в самом деле всего лишь способ вывести деньги и такая же жертва, как и банки?

– Я руковожу деятельностью Фонда в Альянсе три года, – начал он, немного нервничая, но буквально через пару фраз его речь поменялась, становясь гладкой и плавной, словно переключился тумблер публичных выступлений. – Я сменил на посту госпожу Горун, которая раньше занималась этим сама. Однако, в Альянсе все еще есть предубеждение против маворсов, поэтому остальные руководители сочли возможным взять на работу на это место уроженца Альянса.

– Так Вы – не гражданин Созвездия, ло-Джахеррам?

– Нет, госпожа эээ ...

– Раук.

– Госпожа Раук. Я родился и вырос в Альянсе, но я дальний родственник ло-Лланнренна, и меня, вроде как, рекомендовали на это место. Я неплохо справляюсь! У нас хорошие результаты. Мы собрали только в этом месяце больше трехсот тысяч кредитов благодаря качественной социальной рекламе и проводимым акциям. Мы сотрудничаем с сетью

семейных магазинов «Горран» и с целой плеядой школ, что позволяет нам эффективно находить целевую аудиторию для воздействия. В Альянсе живут прекрасные, неравнодушные люди, им просто надо иногда напомнить об этом.

Он явно сел на своего конька, а мне резко поскучнело. Я поискал среди дипломов нужные и в самом деле нашел нужные бумажки об окончании университета по направлению общественных отношений и нескольких дополнительных курсов в этом направлении. А вот про бухгалтерию и финансы – ничего.

– Ло-Джахеррам, – перебиваю его я. – Кто у вас отвечает за финансы? Не говорите, что вы – вы не отличите дебет от кредита, даже если они разденутся и напишут это на себе боди-артом.

Он сбился на полуслове и растерянно посмотрел на меня, потом потянулся к терминалу, но тот, конечно, был уже опечатан.

– Эндер Сорель, – назвал он имя и с оттенком отчаяния махнул рукой в сторону остального офиса, подвергаемого разгромлению. – Он сейчас там.

И его там едят, – хотелось закончить фразу мне.

– Приведите его, пожалуйста, сюда, а сами сходите кофе, что ли, попейте, – прошу я его с осязательным нажимом. – Будьте так любезны.

Вероятно, я говорю и выгляжу достаточно убедительно – или достаточно безумно – чтобы он закрыл рот и послушал-

ся.

– Ты в курсе, что я вела допрос? – на всякий случай уточнила Дип, словно я мог бы пропустить мимо глаз такой вопиющий факт.

– Ага, – тем не менее, отвечаю я. – Но он точно не наш парень, только зря время на него тратить. Он пиарщик, может, немного маркетолог, и может тебе чудесно рассказать, как выжать денег из людей сравнительно честными способами, а вот про кражи и криминал – это не к нему.

– И я должна просто тебе на слово поверить.

– Ну, так все делают, – хмыкаю я. Дверь приоткрылась, в нее зашел новый персонаж. И я почти уверен, что это наш клиент.

Он выглядел уверенным и спокойным, но где-то далеко под фасадом бурлил даже не страх, нет. Скорее, желание показать всем, какой он крутой. Такие обычно заходят в реализации этой страсти слишком далеко.

– Мне сказали, что вы хотите поговорить со мной, господа?

– Присаживайтесь, господин Сорель, – нахмурилась Дип. – У моего коллеги есть к Вам несколько вопросов.

О, даже так?

Хотя это, в самом деле, я попросил вызвать сюда Сореля.

– Господин Сорель, подскажите, пожалуйста, – начинаю я, устраивая целый спектакль из разглядывания его запонок. – Вы отслеживаете все поступления на счет фонда из Альянса,



верно?

– А также оформляю документы для тех, кто хочет сделать пожертвование, и не знает, как, и занимаюсь оформлением всех электронных способов сбора денег, визирую счета на оплату, – с готовностью перечислил он.

– В общем, вся финансовая часть на ваших плечах, – с деланным сочувствием качаю головой я. – Скажите мне, пожалуйста, Вы видели поступление на счет Фонда всей этой легендарной суммы? Я понимаю, что она пришла в разбивку, но вы не могли не увидеть, что объем поступлений колоссальный, и никак не бьется с вашими обычными объемами.

– Видел. Но мы не так давно запустили новую вирусную рекламу, и на нее хорошо отзывались люди. Мы с Мевзом даже не так давно писали отчет для головного офиса о росте эффективности благодаря этому подходу. Я подумал, что, может быть, нас настиг настолько... крупный успех. История, в конце концов, знает такие случаи.

Тут он, конечно, прав – знает. Некоторые сборы денег на помощь или на производство какого-то товара оказываются экспоненциально более успешными, чем предполагалось, а вот предугадать, что вот так может «выстрелить» – практически нельзя.

Однако, господин Сорель чем-то взволнован. Не очень сильно, не критично, но взволнован.

– Действительно, такое могло случиться. Вы проверяете, откуда поступают средства?

– Конечно, мы фиксируем отправителя. Это нужно для финансовой отчетности, и это все есть в бумагах. Но вы, наверняка, уже со всем этим ознакомились.

– Что Вы сделали, когда обнаружили такое количество поступлений? Когда, кстати, это произошло?

– Вчера в начале рабочего дня. Я, конечно же, сообщил об этом Мевзу, и мы успели порадоваться успеху компании. Как вы понимаете, потом мы были крайне разочарованы.

Он не радовался. И не разочаровывался. Он был в недоумении, и в недоумении он до сих пор. О чем бы тут ни была речь, каким бы скользким типом он мне не казался, он совершенно не ожидал этих денег, и понятия не имел, откуда они на него свалились. И я понятия не имею. Он, скорее всего, ни при чем, но любопытство заставляет меня немного вскопать тут пашню еще.

– Говорите, ваша вирусная реклама незадолго до того принесла достаточно много средств?

– Да. Порядка двухсот тысяч за две недели. Это серьезный успех.

– Я могу получить образцы вашей... вирусной рекламы и медиа-план? – прошу я. – Мы думаем о запуске информационных роликов о нашем Управлении, и я хотел бы ознакомиться с действительно удачными примерами социальной рекламы.

Он никак не проявил этого внешне, но я чувствую за ровным фасадом короткую, яркую нервную вспышку.

– Конечно. Куда могу Вам переслать материалы?

Дип протянула ему визитку Управления.

– Последний вопрос, господин Сорель. Когда вы сообщили в головной офис об аномально большом денежном потоке?

– Мы не успели, – сдержанно ответил бухгалтер. – Пока мы обсуждали ситуацию, от Службы Безопасности Созвездия пришла информация о срочной блокировке всех счетов и приостановке операций. Я могу идти?

– Если у моей коллеги нет вопросов, – вежливо киваю я.

– О, нет, нет, – отмахнулась Дип. – Мне все кристально ясно.

– Не забудьте, только, пожалуйста, о моей просьбе, – еще раз напоминаю я. – Наш шеф достаточно тщеславен, ему нужен успех, а ваша история меня заинтересовала. Если я не получу от вас материалы, мне придется, не приведи Великая Алхимия, снимать копии ваших документов в финансовом управлении.

Я почти добиваюсь от него внешней реакции, но он все-таки умудрился удержать себя в руках, хоть я и почти физически чувствую, что здесь что-то нечисто.

– Тщеславен? Иль, в самом деле, – покачала головой Дип, когда мы покинули Фонд. – Зачем тебе сдались эти видео? Опять твои крысиные духи нюх отбили?

Я поднимаю руку и демонстративно принимаю к своему плечу, но, конечно, пахнет не крысой, а привычной сме-

сю одеколону, чистого полотна, корицы и шоколада.

– Это были его крысиные духи, – деланно высокомерно отвечаю я.

– А если серьезно?

– А если серьезно, я думаю, что ни директор, ни бухгалтер не причастны к краже. Это не снимает подозрений с головного офиса, но эти? Они ни при чем.

– А в чем же крыса?

– А вот это только предстоит выяснить. А я еще предыдущую не загнал в клетку, – вспомнив про банк «Фаради», я быстро проверяю комм на предмет ответов на свои вчерашние запросы, но там пока тихо, и это меня не слишком радует.

– Ты считаешь, что они не причастны, только потому, что не побежали срочно докладывать о деньгах в свой центр?

– Ага, – киваю я. – Но ты проверь их звонки и все такое. Запроси у Созвездия, если надо. Я даже готов послу позвонить, если просто так не дадут.

– Хорошо, – Дип сделала пометку у себя в комме. – Знаешь, я думаю, и головной офис не причастен. Когда у нас было раннее утро, у них была ночь, но вот когда ты был у посла – уже утро, и кто-то мог вполне заметить эти деньги. Тем более, если бы их ждали, их бы караулили, и сразу вывели бы. А так получается, что никто не просек, и счета успели заблокировать до того, как они очнулись. То есть, для них этот золотой дождь был неожиданностью.

– Я думаю, это похоже на правду, – вздыхаю я. – Хотя они так подозрительно выглядят и так подозрительно существуют, просто идеальные преступники! И с владельцами фонда я все равно хочу поговорить.

«Где вы там шляетесь?» – судя по тому, как подпрыгнула на месте Дип, гневное и несправедливое сообщение шефа настигло нас одновременно.

Я хмыкаю вслух, и сообщением же отвечаю: «ездили ловить крыс но нашли только крысиную приманку».

«Вообще-то мы пытаемся раскрыть конкретное дело, а не поймать всех крыс Альянса».

«но крыс то попутно можно».

«Жду в Управлении».

– Тебе тоже влетело? – уточнила Дип, поднимая от комм грустноватые глаза.

– Ага. Я так понимаю, это «передай другому». Колбейн совершил заезд чайка-менеджмента, и его хорошенько обосранные подчиненные побежали распространять эту благую весть дальше.

– Чайка-менеджмент?

– Прилетел, наорал, обосрал и улетел.

– А, – хихикнула Дип. – Похоже. Ну, или там без нас кто-то прорыв совершил.

– Об этом нам Кин уже десять раз сказал бы и носом потыкал, – не соглашаюсь я. – Так что думаю, просто никаких продвижек нет.

Я оказываюсь, конечно, почти прав.

По приезду вместо того, чтобы огорошить нас почти раскрытым мощным умственным усилием делом, Кин принялся долго и нудно выспрашивать нас о поездке, и по сто раз уточняя все детали, особенно те, которых нет.

– И зачем тебе сдались эти видеозаписи?

– Хочу кое-что проверить, – пожимаю плечами я.

– Это ничем не поможет в расследовании кражи.

– Но это может дать зацепку в другом деле.

– Каком еще другом деле, если мы сейчас ведем одно?

Всего одно? Или у вас, альваров, особая система счета? – он укоризненно тыкает в мой пустой стакан с цифрой ноль, который с утра стоит на столе Дип.

Я невозмутимо выбрасываю стакан в помойку, но по аналогии систем исчисления тут же думаю про нашего загадочного хакера.

– Там что-то выяснили про взлом или про схему переводов?

– Не очень много. Но зато пару «прачечных» накрыли – часть проводок было через счета финансовых организаций, которые не выдержали даже достаточно поверхностной проверки.

– Еще не разобрались, как он добрался до стольких банков одновременно?

– Предполагают, что сломал каким-то образом защиту Центрального финансового узла.

– Это почти нереально.

– Но оттуда было очень легко подключиться ко всем этим банкам. Они все входят в резервную систему и хостят бек-ап сервера межбанковской системы обмена данными. И, конечно, их защита к проникновениям в их сеть из центра минимальна. Проверяют только протоколы доступа, но не сами данные.

– Просто никто никогда не думал, что кто-то сможет взять и взломать Центральный узел.

– Там, конечно, сейчас ад. Все ищут этот вирус, или бек-дор, или шпионскую программу, что бы это там ни было.

Я тру шрам на щеке и думаю, что трудно искать черную кошку в темной комнате... особенно если ее там нет. Центральный узел был очевидной идеей, но что, если дырка не там?

– Что-то еще проверяют так массивно?

– Например?

– Например, Центральный узел был сам только звеном в сети, и там уже все вычищено, а червяк сидит где-то еще. В Министерстве Финансов например, или у кого там еще есть относительно прямые доступы? Хоть какие-то доступы? Небось, какой-нибудь особо хитрожопый админ сделал себе выделенный проброс до терминала в собственном сортире, и с домашнего компа с порнухой подцепил туда вирус, когда «удаленно администрировал» это безобразие.

– Ты параноик и плохо думаешь о людях.

– По-моему, недостаточно параноик, – не соглашаюсь я. – И думаю о людях куда лучше, чем они того заслуживают. Сколько раз у нас весь архив летел к чертям, потому что кто-то открыл письмо с вирусом? А? Продолжалось же до тех пор, пока всю архитектуру сервера не сменили начисто и не наставили фаерволов на каждом шагу.

– Давайте зайдем с другой стороны, – примирительно подняла руки Дип. – Кто вообще мог такое сделать? Наверняка не просто любой паренек, возомнивший себя, как говорит Иль, кулхацкером. Для такой операции надо обладать какими-то реально крутыми навыками.

– И еще более крутой наглостью, – добавляю я. – Можно попробовать поднять информаторов полиции и пошерстить на предмет того, что, может, кто-то хвастал такой мощной победой, или участием, или что-то такое. Или просто про кого-то ходят слухи, что он так крут, что может взломать даже сервера Правительства.

– Да, – согласилась Дип. – Я свяжусь с ребятами из полиции, которые нам в прошлый раз помогали.

– У нас еще есть счета людей, через которых была осуществлена часть переводов. Как тот в банке «Фаради», – сверяясь со своими записями, сказал Кин.

– Ах, да, – спохватываюсь я. – Владельца прозвонили?

– Одноразовый номер, еще вчера проверила, – Дип повернулась к своему терминалу и прислала нам с Кином ссылку на очередной документ. – Зарегистрирован на те же учетные



данные, что и счет, но это виртуальная карта связи, и владелец подтвержден дистанционно, по чипу ИД. А вот сам чип ИД...

– Дай угадаю. Клонированный.

– Точно, – подтвердила Дип. – Ну, у нас как будто бы должен был бы быть голос этого чувака на записи, поскольку ему звонили и он поднял трубку. Вот только голос синтезированный, и отвечал на вопросы очень хороший чат-бот. Я не поленилась – проверила другие потенциальные номера и ИД с счетов людей, по которым точно были проводки по этому делу. И вот все ИД либо клонированные, либо сгенерированные, номера все виртуальные, все отключены со вчерашнего дня, но я более, чем уверена, что там мы бы тоже мило поговорили с шикарными чат-ботами.

– А ты отслеживала сами клоны чипов, или комм-карты?

– Они отвечают из распределенной облачной сети на Тайрене.

– Ну, – заключаю я. – Это сужает район поисков, правда? По крайней мере, наш загадочный мастер-хацкер скорее всего, где-то рядом с нами, а не сидит где-нибудь под сиреневым небом Алихорна, потягивая коктейль под звуки прибора.

– Оптимист, – фыркнул Кин. – Он может и там. А все автоматизированные штуки – тут. Разве не для этого они придуманы?

– По межпространству было бы трудно следить за срабатыванием всех элементов, – не соглашаюсь я. – Я думаю, он

тут. Или, хотя бы, был тут на момент кражи. В любом случае, надо попробовать найти этого наглеца. Может, кто-то что-то слышал, все-таки. Я, конечно, могу представить, что он так крут, что провернул это все в одиночку, но шансы, что у него были какие-то помощники или контакты, все-таки есть.

– Ах, да, кстати, – Кин вскинулся, словно его озарила некая светлая идея. – Дип, проверь, пожалуйста, когда были созданы эти счета на левые данные. Тот бухгалтер в «Фаради» сказал, что счет был не самый свежий, но не использовался все это время.

Дип нахмурилась, повернулась к экрану и мы почтительно замолчали, пока она колупалась в цифрах, запрашивая какую-то несчастную, задерганную жертву из финансового управления на каждом шагу.

– Такая важная, – шепотом комментирую я.

– Да. Деловая, – так же тихо согласился со мной Кинслер, украдкой улыбаясь. Я записываю эту улыбочку на счет своих гипотез.

– Что там Кольбейн? Он же дрюкал вас всех с утра пораньше?

– Еще как, – Кин даже сморщил нос. – Невзирая на чины, заслуги и звания. Директива 22! Надо бороться, надо препятствовать, угроза безопасности у нас под носом. Мы, сам понимаешь, виноваты, что, допустили такое безобразие под носом, и даже парочка накрытых «прачечных» его не порадовала. Он объявил само их существование признаком того,

что мы ни хрена не делаем.

– О, конечно. Как насчет налоговой, чье это дело, вообще-то, – буркаю я. Впрочем, Колбейна я понимаю. Это его дело – брызгать слюной и орать, когда что-то идет не так, иначе кто-нибудь наверху подумает, что это он не справляется. – Он хоть что-то дельное сказал?

– Что за всем этим дерьмом пристально наблюдает Совет, так что нам предлагается расковырять это дело побыстрее.

– Значит, Созвездие не будет ерепениться и вернет деньги, – делаю вывод я.

– Потому что испугаются?

– Именно. Сейчас издадут специальный какой-нибудь приказ по этому поводу, и вернут все бабки.

– Ты так уверен?

– Готов поспорить. Хочешь поспорить, Кин?

– Только с тобой, – хмыкнул он. – Я так и не пойму, ты можешь или не можешь меня считать?

– Только когда ты сильно фонишь наружу, – пожимаю плечами я. – Я могу, скорее всего, сломать твои щиты, но они вполне хороши. Кто их ставил? Кольбейн?

– Нет, другой парень, – отмахнулся Кин. – Старик тогда не мог.

Подозреваю, что не мог потому, что еще не родился – но Кин тщательно следил за своими словами, а я не налегаю, потому что это совсем не та тайна, которая меня на самом деле интересует.

– У тебя есть плазменная пушка?

– При чем тут это?

– Ну, будь снисходителен. Есть?

– Есть. Не табельное оружие, конечно. Думаешь, потребуются?

– Нет, – удовлетворенно отвечаю я, и образ малыша-Кина с плазменным оружием обретает больше веса и правдоподобия.

– Это все подстава, – прервала наш тет-а-тет Дип, кидая на стол стилос.

– Счета-проводки ведут к нам, и мы немедленно должны арестовать друг друга? – с юмором предполагаю я.

– Не настолько. Но у них явно левые даты создания, потому что мы проверили по «Фаради», и, в общем, там дата пять лет назад, но в бекапе годичной давности этого счета нет. Не мудрено, что ваш этот Дональдс его не помнил.

– Кстати, сколько там, все-таки счетов? – уточняю я, пока речь зашла об этом.

– Сто пятьдесят семь, – с неудовольствием ответила Дип, не слишком довольная тем, что я не прямо-таки впечатлен результатами ее проверок.

– Сколько потребуется времени, чтобы определить точные даты посадок этих счетов в базы данных?

– Да, это дало бы нам дату настоящего взлома, – согласился Кин. – Управление кибербезопасности просто в дерьме. Получается, они проморгали взлом еще хрен знает когда.

– Не забудь макнуть их с головой, чтобы Кольбейн орал именно на них, а не на тебя. Я знаю, как бесит его брызгающая слюна, – ехидно советую я.

– О, она прекрасно будет смотреться на море дерьма, – мечтательно сказал Кин.

– Обещают до завтра все просмотреть по всем счетам, которые уже установлены точно, – терпеливо дождавшись конца нашего пререкания, сказала Дип. – И нас даже поблагодарили за выявление подлога, потому что следов раннего взлома там не было, и они даже не думали проверять по бекапам.

– Да там и следов текущего взлома, наверное, нет, – фыркаю я.

– Если у нас Центральный узел взломали даже полгода назад, страшно представить, сколько всего можно было успеть наворотить, – с крайней степенью ненависти к миру в голосе прокомментировал Кинслеер. – И тот, кто это сделал...

– Везучий и крайне умный гавнюк, мы это уже установили. В связи с чем меня все еще мучает мысль о том, что мы что-то очевидное упускаем из виду. Построив такую схему атаки, он просто не мог потерять деньги на финальном витке – у него бы уже был готов вывод со счетов этого дурацкого фонда, да такой, что никто и глазом бы не моргнул.

– Значит, деньги были, все-таки, для самого Фонда, и они надеялись, что сыграют в святую невинность, делая вид, что они ни при чем, и им это все просто нажертвовали в ходе рекламной кампании.

– Или наш кулхацкер просто очень хотел позаботиться об образовании детей с бедных планет.

– По-моему, это все редкая глупость, – не соглашаюсь я. – Я все еще за версию финансового терроризма.

– И где же его заявление?

– Вот мы окончательно запутаемся, тогда и будет, – с готовностью предрекаю я.

– Это все версии, – примирительно сказал Кин. – Предлагаю вернуться к насущным делам, раз мозговой штурм эту крепость не берет, и позвонить в Созвездие, пока там на Аваллоне еще день, и мы можем застать всех учредителей.

Идея выглядит неплохой, но только выглядит, конечно же.

Первым мы дозвонились до Джонатана Хастингса.

С экрана нас поприветствовал благообразный пожилой мужчина, и фон за ним немного подергивался, словно он был сгенерирован, чтобы закрыть бардак или что-то, что нам не полагается видеть. То, что Хастингс выглядит настолько пожилым, отодвигает его возраст куда-то ближе к двумстам годам, потому что стопятидесятилетний Кольбейн смотрится куда живее.

– Готовы? – уточнил Кин. – Вернее, более конкретно: Иль, ты готов молчать?

– Никогда. Но ради тебя постараюсь, тем более, что тут от меня мало проку.

Я не лукавлю: межпространственная связь прекрасно защищает от телепатов и их фокусов, поскольку работает с за-

держкой. Фактически, это пересылка коротких видеороликов туда-сюда, потому что потоковую передачу данных через ретрансляторы движущихся маршрутных кораблей так и не удалось пока что наладить. Это дело будущего. Может быть, когда-нибудь. А пока то, что мы имеем – видео, записанные за много световых лет друг от друга, обмен пакетами данных через сотни узловых пунктов, что дает настолько сильно опосредованное взаимодействие, что телепат бесполезен. Остается полагаться только на свою внимательность и природный ум (если он, конечно, есть в наличии).

– Господин Хастингс, мы вынуждены потревожить Вас в связи с произошедшим недоразумением, и просим ответить на несколько вопросов. Прежде всего, когда Вы первый раз услышали о возникшей ситуации с переводом на счета Вашего фонда денег, украденных из банков Альянса?

Щелчок, отправка. Ожидание. Кин и Дип, находящиеся в кадре, старательно сохраняли прежнее положение, чтобы не создавать впечатления, что они тут, пока ждут, жрут или кофе там пьют. Это обычный жест вежливости во время межпространственной связи: не отвлекаться, хоть это и трудно.

– Дорогие коллеги, я очень опечален происходящим. Мне очень жаль, что «Дети науки» оказались замешаны в преступлении, совершенном в вашей стране, которую я, несомненно, очень уважаю. О проблеме мне сообщила моя дорогая Элснер сегодня утром. Я совершенно не ожидал, что какой-то наглец может воспользоваться нашим общим благим

делом для такого наглого преступления.

Пользуясь своим невидимым для него положением, про-  
сматриваю полученные из Созвездия данные о нем. Ему,  
внезапно, вовсе не ближе к двумстам, а всего лишь около  
девяноста, но он происходит с одной из отстающих планет,  
где продолжительность жизни еще не поднялась до средне-  
статистической по обитаемой галактике.

Зато он профессор нескольких Университетов, уче-  
ный-экономист, занимающийся исследованием бедности и  
борьбы с ней. Судя по всему – прекраснодушный «свадеб-  
ный генерал» от которого мало толку в наших вопросах. Я  
теряю к нему интерес, потому что это согласуется с моим  
впечатлением о нем, но продолжаю следить за беседой.

– Подскажите, пожалуйста, Вы участвуете лично в опера-  
ционной деятельности фонда, господин Хастингс? Если да,  
расскажите, пожалуйста об этом.

– Да, конечно, конечно, участвую. Я лично разработал  
шкалу для оценки интеллекта и возможностей детей, многие  
из которых лишены доступа даже к базовому образованию.  
Это альтернативная метрика по сравнению со стандартны-  
ми тестами, и работает она очень хорошо. Выбранные мной  
дети показывают чудесные результаты в дальнейшем разви-  
тии. Конечно, к сожалению, во многих случаях бывает труд-  
но объяснить родителям, чего они лишают своих детей, ко-  
гда препятствуют Фонду заниматься с ними или забирать их  
на Аваллон. Иногда, конечно, удается их уговорить. Другие



же готовы буквально продавать своих малышей – их не волнует дальнейшая судьба их сына или дочери, их интересуют только деньги, на которые можно прокормить себя и других ... отпрысков.

Свадебный генерал, но не прекраснодушный? Я бросаю вопросительный взгляд на Кина, и тот отвечает мне практически зеркальным.

– Подскажите, пожалуйста, господин Хастингс, каков объем деятельности Фонда по поиску и воспитанию таких детей? Сколько человек сейчас вы курируете?

– Если быть точным, тысяча четыреста девятнадцать, – ответил он на следующем отрывке видео, видимо, сверившись с бумагами. – Это дети разных возрастов, от самых маленьких до уже выпускающихся из образовательных учреждений. Деньги расходуются на обеспечение им достойной жизни, дополнительные занятия, медицинское обеспечение. Кроме того, много ресурсов отнимает поиск новых подопечных.

Фабрика талантов?..

На деньги, которые они собирают в Альянсе, вполне можно содержать эту тысячу пятьсот, и искать новых. Но ведь они не только в Альянсе собирают ресурсы?

Такая же мысль, видимо, пришла в голову и Кину, потому что он задал вопрос именно об этом.

– Господин Хастингс, я понимаю, что Вы, скорее всего, редко касаетесь финансовых вопросов. Однако, по Вашему мнению, Вы собираете на потребности Фонда больше денег

в Созвездии или в Альянсе?

– О, конечно же, в Созвездии. Кроме пожертвований от неравнодушных к будущим поколениям людей, мы получаем грант от Тир-ар-Ллеа лично.

Кин едва успел убрать с лица такое выражение, как будто съел лимон до того, как снова включил запись.

– Спасибо за помощь, господин Гастингс. Последний вопрос: кто, по Вашему мнению, больше в курсе ситуации с кражей – госпожа Горун или ло-Лланнренн?

– Я думаю, милая Элснер поможет вам больше, коллеги. Кирс обычно занят нашими проблемами внутри Созвездия.

Мы отключились, и Кин сразу же картинно прижал пальцы к вискам.

– Ну? – сказал он с надрывом.

– Что «ну»?

– Где же неизбежное заявление про крыс?

Я выгибаю бровь и смотрю на него.

– Ты его только что сделал. Сам. Чуешь крысу, Кин?

– Чую полное фиаско. Они собирают больше денег, чем тратят, это явно. Но если они там обогащаются за счет грантов и пожертвований, нас-то это как волнует?

– Не знаю. Не волнует, если они в самом деле отбирают детей только у себя там, и не трогают Альянс.

– Вряд ли они так рискуют. Думаю, на границах Созвездия достаточно нищих планет – бывших колоний, чтобы дать им достаточно... детей.

– Думаете, это работоторговля? – подала голос Дип, видимо, тихо переживавшая этот страх внутри в последние несколько минут.

– Нет, – подумав, отвечаю я, и вовсе не для того, чтобы ее успокоить. – Тут скорее что-то вроде экспериментов по... воспитанию новой расы. Тир бы дал на такое грант, могу точно сказать.

– Придется пока поверить твоему представлению о Тире. Но, может, попросить наших коллег в Созвездии прогнать проверку? Хотя бы по судьбам... известных выпускников.

– Может.

– Это все прекрасно, – почти раздраженно сказал Кин. – Но мы только закапываемся в это дело дальше, и никаких концов пока не нашли. Допустим, у них там евгеника и фабрика младенцев, но это не решает наш вопрос о том, способствовали ли они краже, или нет.

– Да уж, зато подняли кучу мути в воде, – хмыкаю я. – Кто дальше, маворска или сидхе?

– Предлагаю начать с госпожи Горун, раз нам ее прорекламировал господин Хастингс. И, кстати, я не уверен, что женщина-маворс это «маворска». Кажется, это будет просто «маворс».

– Да знаю я. Просто по аналогии с «давоской», – хихикая, поясняю я, вспоминая не к месту свой любимый анекдот.

– Почему он всегда ржет? – трагично поинтересовался Кин у Дип, но та только отмахнулась, дозваниваясь нашей

следующей жертве.

– Зато я точно обещаю молчать и не маячить, пока вы общаетесь с гражданкой Горун, – искренне обещаю я. – Потому что кому как не мне понимать, что мое присутствие может тут сильно покачнуть, так сказать, международные отношения.

– Я так понимаю, твои ежеутренние покупки кофе у того маворса в кофейне международные отношения покачивают не очень сильно.

– Именно. И заодно толерантность к ядам у нас всех разбивается. Классно, правда?

Кин неодобрительно посмотрел на меня, словно оценивая градус правды в моей болтовне, но счел ниже своего достоинства это комментировать, тем более, что Дип все-таки дозвонилась.

«Милая» госпожа Элснер Горун, которую я наблюдаю на боковом видеомониторе, милой мне совсем не кажется – скорее, она, как и все представители ее расы, похожа на несколько недружелюбный бульдозер с дизайном элитного спорткара. Или элитный спорткар с дизайном бульдозера, да еще и причудливо украшенный. У нее на коленях стоит красивая сумка стоимостью в пару среднестатистических квартир на среднестатистических планетах Альянса, а на серьги, наверное, можно прикупить еще десяток. Я не знаток женских шмоток – но прикинуть на глаз стоимость драгоценных камней в таких возмутительных «люстрах», что аж до плеч,

я вполне могу. В них красиво играет свет, подсвечивающий сзади, и роскошный интерьер прекрасно освещен, тоже.

– Прошу вас, быстрее. У меня мало времени, в отличие от вас.

Несмотря на мое предусмотрительное отсутствие в кадре, она совсем не приветлива, так что, может, стоило ее по-нервировать мной? Или нет?.. Пока я размышляю, Кин свел брови под очень опасным углом и начал допрос.

– Госпожа Горун, пожалуйста, назовите свое полное имя.

О, да. Да! Кажется, Кин разозлился на отлично. Когда он начинает опрашивать по всей форме, это занудно, долго, бесполезно и раздражающе, но, кажется, он намерен оторваться по полной.

– Элснер Грей Горун, – раздраженно ответила она. – Это все, что вы хотели узнать?

– Госпожа Горун, пожалуйста, соблюдайте спокойствие. Есть определенные процедуры проведения опроса свидетелей, и мне не хотелось бы, чтобы Вас потревожили еще раз просто потому, что я не задал все полагающиеся вопросы.

Голос Кина прозвучал так мило и дружелюбно, что я начинаю тихонько похрюкивать от смеха, едва не наматывая на нос шарф, чтобы приглушить неконтролируемое веселье.

– Задавайте уже свои вопросы, офицер. У меня в самом деле мало времени.

– Подскажите, пожалуйста, госпожа Элснер, правда ли то, что раньше Вы работали директором операционного отдела-

ния фонда на Альянсе?

– Да.

– Когда это было, подскажите, пожалуйста.

– С момента начала работы в Альянсе шесть лет назад.

Два года.

Я делаю про себя ставки на то, сколько она продержится до взрыва.

– Госпожа Горун, в Вашем профиле есть упоминания о том, что после заключения договора с Маворсом Вам предлагалось гражданство Альянса, но Вы отказались. Это правда?

– Да.

– Почему Вы отказались?

– По личным причинам.

– Испытываете ли Вы неприязнь к каким-либо народам Альянса, или его законам?

– К чему все эти вопросы? – уже явно начала она психовать и злиться. – Я ненавижу альваров и лично вашего обожаемого Палача из Эвердена – по его вине и от его рук погиб мой отец. И я совершенно не хотела быть причастной к его делам даже косвенно, приняв гражданство вашего альварского до мозга костей Альянса.

– Понятно. Тем не менее, Вы жили в Альянсе, как минимум, два года, пока занимались делами Фонда. Как Вы можете описать это время?

– Отвратительное и тревожное. Это личные вопросы, если

хотите знать!

– Вы всегда можете отказаться отвечать, – почти промурлыкал Кин, не договаривая, но явно имея в виду, что это произведет на него сопутствующее впечатление. – Почему именно Вы, а не Ваш коллега ло-Лланнренн занимались делами фонда в Альянсе?

– Потому что он куда полезней в Созвездии. Это наше внутреннее дело, как именно распределять обязанности в нашей организации.

– Но разве это не выглядит для Вас самой подозрительно? Вы, которая настолько не любит Альянс, отправляетесь сюда и проводите здесь два, как Вы сказали? Отвратительных и тревожных года.

– Это выглядит рациональным решением на тот момент, при тех ресурсах, которые у нас были. И, если Вас интересуют только мои проблемы с принятием Альянса, пожалуйста, нам не о чем больше разговаривать! Я ответила на Ваш звонок потому, что меня просили это сделать, но терпеть оскорбления я не намерена. И непременно составлю жалобу на ваше дурацкое ведомство через посольство.

– Погодите же, – мягко сказал Кин. – От кого и когда Вы узнали о поступлении на счета Фонда средств, не принадлежащих ему?

Мадам уже кипела, как вода на огне, и ожидание ответов от нее становится все дольше. Но что-то заставляло ее держаться и продолжать. Я даже немного уважаю ее за терпение,

особенно с учетом ее признания в сугубой нелюбви к нам и нашим делам.

– Увидела сама. Вчера рано утром. Я учредитель, в конце концов.

– И каковы были ваши действия?

– Я сочла, что эти суммы будут мне объяснены позже и не стала, конечно, делать ничего. И не обязана отчитываться перед вами, между прочим, в своих решениях. Я не смотрю новостей Альянса, и тем более, конечно, не могла знать, что вы претендуете на эти деньги.

– И когда же Вам удалось получить объяснения?

– Через несколько часов с ло-Лланнренном связались из администрации Тир-ар-Ллеа, и наши счета были заблокированы. Это крайне неудачная ситуация, поскольку там находятся не только эти спорные деньги, но и наши собственные средства. Так что я требую в самом ближайшем времени вернуть нам контроль над счетами. Забирайте свои деньги, солите их, жрите их, купайтесь в них, и оставьте нас в покое.

– Как Вы понимаете, госпожа Горун, мы никакой властью над Вашими счетами не обладаем. Решение об изъятии денег и разблокировке счетов должно исходить от властей Со-звездия, поскольку именно они и наложили на Вас вето.

– Но из-за вас. Кто-то из вас, кто-то достаточно важный попросил, и отказать не смогли. Кто-то, кто для Тир-ар-Ллеа важней друзей детства, видимо. Не сам ли Палач? – почти выплюнула этот уничижительный титул она.



Она, конечно, все путает. Кровавый злодей для Маворса и герой для Альве, палач Эвердена уже тридцать четыре года, как воссоединился с Великой Алхимией. Меня называли в честь него, собственно, и после его смерти, если на то пошло. Но его потомки здравствуют, процветают и чрезвычайно походят на него, что несколько объясняет путаницу. Видимо, маворсы тоже такие же, как я, «девочки с Давоса» в отношении альваров.

Впрочем, поправлять ее я не собираюсь – мне нравится цирк, но усугублять я его не собираюсь.

– Оставим такие тонкости на совести дипломатов, – покачал головой с деланным сожалением Кин. – Я чрезвычайно сопереживаю возникшим у Вас проблемам, и надеюсь, что скоро ситуация разрешится к вящему удовлетворению всех сторон. Госпожа Горун, какая сейчас ваша основная сфера деятельности в фонде?

– Я организатор, – коротко бросила она.

– Вы организуете поиски талантливых детей, или мероприятия по сбору денег?

– Я организую ВСЕ. Послушайте, это смешно! Вы битый час задаете мне дурацкие вопросы, не имеющие отношения к расследованию. Если вас не пугает жалоба на вашу контору, то, я, пожалуй, потребую, чтобы ноту протеста направили против вас лично! Как вас там? Кинслеер? Раук? Погодите у меня. Думаете, можно издеваться над гражданами другой страны безнаказанно?

Она отключает связь, и я, наконец, выдыхаю.

– Кинслеер! Раук! Гиллернхорн! – перечисляю я, смеясь. – Жаль, она не видела, что тут еще и я.

– Смех смехом, но толку чуть. Она явно что-то знает, или подозревает, но нам не скажет.

– Принципиально не скажет, – согласилась с шефом Дипика, которая, кажется, уже устала молчать и фиксировать основные пункты разговора на планшете. – Вызываем последнего?

– Да, – потер переносицу Кин. – Иль, не хочешь с ним сам поговорить? Как, так сказать, личный друг Тира с личным другом Тира?

– Сомневаюсь, что могу считаться его личным другом.

– А по-моему, это приравниваемый титул, – вставила Дип. – Неэквивалентный, но того же уровня значимости, как минимум. У большинства людей, знаете ли, есть слабое место насчет тех, кто их спас.

– Обычно совсем не так, – не соглашаюсь я. – У нас есть слабость к тем, кого мы спасаем, а не наоборот. Тот, кто спасает нас самих обычно вызывает раздражение. То есть, в начале, конечно, восторг и радость, но потом чувствуешь себя нелепо.

– Ты это исходя из своего опыта говоришь? – осторожно уточнила Дипика.

– Очень, – лаконично отвечаю я, потому что даже мое личное прозвище связано с неудобным моментом спасения ме-

ня, в конечном итоге.

– Итак, ты не будешь с ним говорить.

– При всем уважении, Кин, от меня в такой ситуации больше толку, когда я могу смотреть на ситуацию со стороны и не отвлекаться на мороченье чужих голов, – я кидаю на него критический взгляд, пытаюсь сообразить, надо или не надо напоминать ему об очевидном.

Кинслеер сощурился.

– Ты что-то хочешь мне сказать?

– Не забудь спросить о причине создания фонда. И о «Трек-Аваланш».

– Почтовая служба? – не понял он.

– Он владеет ей через подставных лиц.

– О, кажется, кто-то сделал свою домашнюю работу?

– Если бы домашнюю работу делал не только я, у нас была бы куча зацепок. Где моя информация о «Соджорне»? А про делишки «Фаради»? А про подходящих хакеров?

В отместку Дипика снова кинула в меня бородатой рыбой – и снова неудачно.

– Отставить шутовство, – Кин перехватил рыбу в воздухе рукой, безо всяких затей и отправил куда-то в угол. – Если есть лишние силы – лучше кидайся фактами, а не рыбами. Откуда у нас вообще это уродство?

– Финансисты на зимнепраздник подарили.

– Лишний повод считать их дебилами. Иль, что-то еще?

– Звоните, – говорю я и отодвигаюсь обратно вне границ

поля охвата камеры.

Кирс-ло-Лланнренн был словно готов сорваться со своего места и задрать своей активностью весь мир вокруг. Он весь лучился какой-то нервной кипучей энергией, весь нарядный и яркий. За его плечами был виден роскошный сад, и я рассеянно скольжу взглядом по растениям. Сгенерированные, что ли? Колыхаются в разные стороны.

– Господа, господа, сразу скажите, какого черта вы к нам привязались? Мы всего лишь не такой уж большой благотворительный фонд и не делали ничего плохого, а Тир мне велит сидеть тихо и говорить правду, как будто мы тут все под следствием.

Я обращаю внимание на то, как он назвал имя Тира – очень казуально, нарочито небрежно. Словно пытался сакцентировать внимание на то, что находится в Созвездии на особом положении.

– Мы пока просто проясняем ситуацию, ло-Лланнренн, – с готовностью пояснил Кин. – Чтобы понять, по какой причине был выбран именно ваш фонд для вывода денег.

– Все наши системы проверяют – вероятно, нас тоже взломали, как и вас, – дернул плечом сидхе. – Тут даже особенно нечего выяснять.

– Если это действительно так, то, во-первых, остается непонятной причина, по которой вас выбрали для взлома. Если же у хакера были какие-то зацепки у вас, это может помочь вычислить его. Возможно, вы даже знаете того, кто вас

поставил в такую неприятную ситуацию.

Ло-Лланнрэнн сложил руки вместе и посмотрел поверх сцепленных пальцев на Кина, видимо, обдумывая его слова.

– Спрашивайте.

– Проводились ли за последнее время в Фонде какие-либо работы с привлечением внешних экспертов, так, чтобы они получали доступ к корпоративной сети?

– У нас это происходит на регулярной основе. Много проектов, вы понимаете. Под каждый собирается команда на временной основе, и им предоставляется распределенный доступ.

– За последний год, сколько новых проектов было, и сколько человек получило доступ в вашу сеть?

– У нас было семь проектов, – на следующем куске видео у сидхе в руках появился планшет. – Но все люди, которые задействованы, уже работали с нами раньше.

Может, он врет? Внешних признаков нет, но мне все равно что-то не нравится. Хотя очень похоже на правду. Может, я в самом деле просто чокнутый параноик?

– Менялись ли у вас системные администраторы или контракты с охранными компаниями?

– Нет, все по-прежнему.

– Есть ли связь между инфраструктурой фонда и каким-нибудь вашими другими организациями?

– Я не являюсь владельцем никаких других организаций. Возможно, Элснер может что-то сказать на этот счет? У нее

пара фирм.

– А как насчет «Трек-Аваланш»?

Следует пауза, несколько более длительная, чем в предыдущие разы, мы все трое даже успеваем поиграть в гляделки, делая друг другу страшные глаза.

– Вы хорошо осведомлены. Боюсь, если я буду отпираться, вы сочтете меня записным лгуном и поставите на контроль. В рамках... установления доверительных отношений, могу сказать, что «Трек-Аваланш» иногда подхватывает те проблемы, которые мы сами в рамках фонда не можем оперативно решить. Но это отдельная компания, не имеющая пересечений ни по персоналу, ни по системам безопасности. Им передаются готовые документы для обработки, или конкретные задания, но они не включены в документооборот или что-то такое.

Врет-не врёт?

Скорее, нет.

– Спасибо за откровенность, – поблагодарил Кин, демонстративно делая пометки на планшете. – С учетом вашего... участия в совладении такой значимой транспортной империи, однако, вынужден спросить – в чем для вас была выгода в организации фонда?

– Это была комплексная причина. Политическая, социальная, моральная. Вы же представляете, насколько юным, неокрепшим и... маленьким выглядит Созвездие по сравнению с Альянсом, с СОНМом, с Империей. Наша сила – в

общей мечте и тех защитных системах, которые породил гений Тиры. Мы все верим в него, поддерживаем его и делаем все, что в наших силах, чтобы помочь стать реальностью той прекрасной идее, которую он нам всем показал. Идее справедливого мира, управляемого разумом. И люди – наша смелая, наше продолжение – это то, что нам нужно больше всего. Молодые, талантливые, преданные Созвездию. Их надо... воспитывать. Понимаете? Мы в самом деле хотим им самого лучшего, хотим для них светлого будущего – того, которое они построят в Созвездии. Именно с этой идеей я пришел к Тиру, и он одобрил и поддержал ее – и меня.

– То есть, ваш фонд занимается... выращиванием кадров для Созвездия?

– Именно. Вы можете обвинить нас в том, что мы привлекаем средства граждан Альянса для того, чтобы улучшить положение своей страны, но это здоровый эгоизм, больше ничего.

– И как с этим согласуется регистрация на заштатной планете, но при этом – офис на Аваллоне?

– На Квилай упрощенные формы отчетности и оформления опеки, – коротко ответил сидхе.

Выслушав ответ, Кин некоторое время сидел молча, не включая запись, переваривая полученные сведения, и потом вернулся к основным вопросам, видимо, решив не развивать тему.

– Вы передали информацию по всем людям, имевшим до-

ступ к вашей системе, оперативной группе?

– Да, насколько я знаю, эти данные даже уже передали вашей стороне. Как я уже сказал, Тир велел нам всем говорить правду и содействовать.

– Я так понимаю, не все этим довольны.

– Конечно. Если бы нас всех всем устраивал Альянс, мы бы не пытались поднять на своих плечах Созвездие, разве не так?

– Когда Вы узнали о ситуации с деньгами и от кого?

– Мне сказала Элснер, когда узнала. Потом со мной связались из администрации и сообщили о приостановке операций. Это, как вы понимаете, тоже не слишком способствует всеобщей любви и желанию содействовать. У нас куча дел сейчас просто висит в воздухе, пока на счетах болтаются эти краденные деньги, и всюду рыщут оперативники.

– Мы сделаем все, чтобы завершить расследование в кратчайшие сроки. Возможно, нам потребуются еще раз побеседовать с вами после того, как мы изучим все документы.

– Звоните, – взмахнул рукой он. Планшета у него уже снова нет. – До связи, господа.

– Я одного не понимаю – если они в самом деле организовали эту кражу, то какого хрена они не вывели деньги вовремя? – демонстративно не понимаю я, когда мы заканчиваем и этот звонок.

– Может, они надеялись на «личную дружбу с Тиром» своего этого ло-Лланнренна, – Дип пожала плечами. – И совер-



шенно не ожидали, что в дело вмешается еще и «спаситель Тира», против которого дипмиссии запрещено и слово поперек сказать.

– По-моему, «Дип-миссия», ты преувеличиваешь мою значимость.

– А я считаю, что вполне возможно, что нет. И ты до конца не осознаешь, какие условия им можешь ставить.

– Спасение спасением, – я пытаюсь свести концы с концами и от этого тру шрам на щеке, словно бы это была волшебная лампа, из которой можно выдрать решение. – Но никто там не станет делать то, что не выгодно, просто потому, что я попросил.

– Зато нам начали отдавать статистику, собранную при проверке счетов, – сказала Дип, возвращаясь к своему терминалу. – Они были созданы не позднее, чем пять месяцев назад, и не раньше, чем четыре месяца назад, даты отличаются немного в разных банках, которые уже проверили, но это примерно тот период.

– Данные с фонда нам передали?

– В процессе.

– Сравни с тем, какие они проекты в это время делали, и какие люди к ним были подключены.

– И кто-нибудь уже мне проверит «Соджорн»? – встречаю я.

– Да что тебе сдался этот «Соджорн», – отмахнулся от меня Кин. – Лучше расскажи, что думаешь про нашего ло-Лан-

хрена.

– Лланнренна, – педантично поправила Дип.

– Я почти уверен, что он говорил правду. Или ту версию, которую сам готов считать правдой, – добавляю я, подумав. – Однако, мне вот что показалось: у них у всех были сгенерированные обои сзади, а не реальное окружение.

– И о чем это нам говорит?

– О том, что надо запросить оперативную группу в Созвездии об окончательной точке принятия нашего сигнала.

– Да зачем это?

– Может, это ничего и не значит, – соглашаюсь я. – А, может, это даст нам какую-то ниточку и зацепку. Потому что я считаю, что все они были в этот момент в одном месте, скорее всего, присутствовали все при всех разговорах, что крайне не рекомендуется, и не сочли нужным об этом сообщить. Это уже считается за подлог. Кроме того, в этом случае они сознательно выстраивали беседы определенным образом, чтобы создать у нас то или иное впечатление. Например, что Хастингса допрашивать бесполезно, а Горун – неприятно, и стоит все серьезные вопросы адресовать самому вменяемому – Лланнренну. А он, как раз, скорее всего, лучше всех умеет манипулировать информацией. Это все пришить им и в чем-то обвинить не получится, но зато позволит определиться, так сказать, с основным параметром.

– Это с каким? – с подозрением уточнил Кин, а Дипика закатила глаза, не отрываясь от каких-то таблиц. Во имя ее

и своего спокойствия я искренне надеялся, что это, наконец, «Соджорн».

– Конечно же, с запахом крысы, – резюмировала она. – Разве не ясно? У него же пунтик. Возможно, он у нас – кот-оборотень?

– А, может, просто психованный? – в тон ей предположил Кин. – Ладно, это, по крайней мере, полезно. Никто так не вцепляется в детали, как Иль, и никто не трясет людей за эти детали так, как он.

– Как-то много деталей, за которые не получается тянуть. Но я уверен, что заявленная социальная миссия у Фонда в самом деле есть, хоть и, скорее всего, как ни прискорбно, они все-таки ставят опыты на детях. Обычно такие вещи взаимосвязаны. Меньшее зло во имя большого добра или общей выгоды, и все такое.

– Ну, по крайней мере, эти дети выживают, – сказала Дип. – Тут у меня отчеты по их выпускникам, не от них, от министерства просвещения и науки, и от социального департамента. В общем, сколько детей приняли, столько, грубо говоря, и выпустили в мир. Их первый проект начался пятнадцать лет назад, так что результатов достаточно для выводов.

– И все выпустились гениями?

– Не гениями, но все получили профессию, работают по распределению. Все нормально.

– Ну, хотя бы не убивают, – философски заключил Кин. – Дети все оттуда, из Созвездия?

– Оттуда и с независимых планет, но тут есть корреляция проектов вне Созвездия и поступления принятых под опеку с этих планет. Я думаю, тут все чисто, несмотря на Илевы подозревашки.

– А возил детей, конечно, «Трек-Аваланш».

– Ну, – Дип некоторое время тянет это «у», даже начиная какую-то мелодию на этой букве. – Нуууу, вроде бы да.

Я не удовлетворен. Было бы куда интересней, если бы этих детей пускали на органы, или что-то такое. Но, с другой стороны, по крайней мере, стоит порадоваться за детей, которым, наверное, в самом деле повезло.

– Можешь сделать сводку, на каких планетах они копошились? – прошу я.

– Да, сейчас. Все никак не успокоишься?

– Искать, пока не найдешь – разве не это девиз любого следователя, любого выпускающего эксперта и любого налогового инспектора?

– Только вот ты не первое, не второе и не третье.

– Недосмотр, – соглашаюсь я и кривляюсь. – Дяденька, а возьмите на работу следователем!

– Иди отсюда, мальчик, – добродушно ответил мне Кин. – Переваривай там свои подозрения и своих крыс и возвращайся завтра с нормальными идеями.

– А мне кто-нибудь «Соджорн» проверит до завтра?

– «Кто-нибудь» тебе его проверит до сегодня. Достал! – пообещала Дип.

– Слова твои – пустые обещанья, – цитирую я классику.

– И твои тоже? Кто мне песню обещал написать?

– Все, все, понял, ухожу, – тут же сворачиваю наезды я, потому что, конечно же, ни до какой музыки вчера не добрался.

## Глава 3. Work Work

Несмотря на всю смешную мышиную возню, дело, как ни прискорбно, все еще не двигается с места, и от этого я чувствую себя лохом.

Это в некотором роде прекрасное чувство, и я его даже очень люблю: оно напоминает и прямо в нос тыкает, что я еще не достиг ни дзена, ни иного совершенства, и мне еще надо немного пожить и посозреть дальше. А то очень легко, знаете ли, решить, что владеешь всем и все тебе подвластно.

В целях этого самого самосовершенствования, утро в Управлении я начинаю с рисования на доске. Я отвратительно рисую – это то самое место, где на солнце у меня пятна. Я не способен нарисовать ничего сложнее, чем палка-палка-огуречик, но зато эти палки, палки и огуречики прекрасно подходят для того, чтобы расчеркивать огромные поверхности просторными простынями схем взаимосвязей и зависимостей.

Дип с интересом смотрит на меня поверх своего стакана с традиционным номером два, но не вмешивается, для начала, наблюдая за появлением на доске импрессионистских подобию банок с газировкой.

– Я вот каждый раз рисую банк и думаю, это похоже на банк? – интересуюсь я вслух, пытаюсь с помощью телекинеза

удержать маркер и нарисовать очередную «банку» там, куда не доставал рукой.

– Даже не надейся, – сказал Кин, выглядывая из своего кабинета. – Но мы все равно пойдем.

– В общем, это банки. А вот это, конкретно, «Фаради» с их закрытым клубом. Вопрос: где «Соджорн»?

– У тебя на терминале, – с неподдельным удовольствием ответила Дип. Она выглядела при этом такой самодовольной, что я немедленно начинаю подозревать, что поиск за нее выполнял кто-то другой.

– Спасибо, – имею совесть сказать я. – Очень мило с твоей стороны все-таки выполнить мою просьбу.

– Читать-то будешь, или на слово поверишь?

– Буду. Но попозже, – я продолжаю свои художественные изыски, расцвечивая вопросительными знаками личность хакера, заказчика, исходной точки взлома и конечной точки предполагаемого вывода денег. – История без конца и без начала, и в середине что-то непонятное натыкано.

– Хорошие новости: установили почти все пути следования денег, – прокомментировал Кинслеер. – Плохие новости: некоторые операции вызывают сомнения. В семи местах на разных суммах до сорока девяти тысяч кредитов произошло дублирование платежей, предназначенных для микрофинансовых организаций. И от них уже вышло по одному платежу в нужном направлении на следующее звено. А «потерянные» деньги возникают совсем из других таких же од-

нодневных контор на предпоследнем звене.

Я дополняю этими сведениями свой пейзаж.

– Конечно, это все проверяют.

– Конечно. Но Тир считает совпадения достаточными, чтобы вернуть нам все деньги. Он отдал распоряжение начать возврат, но напрямую банкам, в соответствии с теми распределениями сумм, которые у них были изъяты, а не по всему пути обратным ходом.

– Это, наверное, хорошо, – говорю я, но при этом рисую жирный минус напротив фонда.

– Что тебе не нравится?

– То, что фонд, таким образом, освободиться от необходимости отвечать на наши вопросы. Когда там это все должно произойти?

– Максимум, завтра-послезавтра, – пожал плечами Кин. – Ты все еще думаешь, что фонд может быть заказчиком?

– Нет, просто они мне все еще не нравятся, – я рисую стрелочку от фонда к хакеру и обозначаю ее еще одним вопросительным знаком.

– Кроме того, проверяют по бекапам все изменения в системах Центрального узла на тот период, когда создавались подставные счета, плюс минус месяц.

Я киваю и рисую вокруг Центрального узла окружность с вопросиками. Это все верно, но Кин это и без того знает – опыт аналитики и расследований у него куда больше моего. На самом деле, я не всегда понимаю, зачем я вообще тут ну-



жен – кроме того, конечно, что у меня исключительно светлая голова, которую можно пристроить практически к любому делу.

Я рисую рядом с «Детьми науки» огуречик с «Трек-Аваланш» и думаю, не знаю ли я случайно чего-то инкриминирующего про них. Но, вроде, нет. Кроме того, что они яростно соперничают с Альянсовской «Атенрей» – ничего. Хотя, может, компромат есть у их соперников?

Я делаю пометку на доске, отправляю сообщение одному из своих «консультантов консультанта» и думаю, что они все как-то слишком расслабились. У меня уйма вопросов, и все еще ни одного ответа за столько времени.

– Закончил рисовать?

– Нет, а что? – я прослеживаю взглядом все нарисованные взаимосвязи и выписанные столбиками коррелирующие факты.

– Я хочу, чтобы ты присутствовал на одной беседе.

– О, мы кого-то арестовали?

– Нет. Полиция привезла нам своего осведомителя из кибер-тусовки, и надо с ним пообщаться.

Понятно – видимо, я требуюсь в качестве портативного детектора лжи.

– Не надо так кривиться, – Кин, проходя мимо, хлопнул меня по плечу. – Если бы мне просто был нужен телепат, я бы запросил телепата, который приписан к Министерству. Но проблема вот в чем – тебе и твоему суждению я доверяю,

а вот всяким левым мальчикам, которым бы только время отсидеть, не очень. Так что, идем.

– И кто из нас после этого телепат? – выгибаю бровь я.

– У меня просто большой опыт, – хмыкнул в ответ Кин. – И я уже успел тебя изучить. Сколько мы уже работаем вместе? Полгода?

– Чуть меньше.

– А кажется, что ты тут всегда был и действовал на нервы окружающим. Надо сказать, что это у тебя отлично получается.

– Что же, ради этого стоит держать меня на службе, – хмыкаю я и следую за ним в комнату для допросов.

Осведомителем оказался совсем молодой парень, едва вышедший из подросткового возраста, явно много уделяющий внимания своей внешности: с модной стрижкой и в каких-то чумовых штанах. Было очень хорошо заметно, насколько ему неуютно и боязно, но он явно храбрился.

– Что за херня? – с деланной наглостью выпалил он, как только мы открыли дверь в комнату. Видимо, он долго репетировал про себя, чтобы показаться таким отважным и дерзким. – Я не подписывался, чтоб меня хватали и перли сюда, как мешок с дерьмом! Мы с парнями о другом терли, в натуре!

– Милый ребенок, а может, ты и есть мешок с дерьмом? – почти ласково уточнил Кин, а я, подыгрывая, легонько подтолкнул телекинезом парня обратно к стулу.

Без усилителя не могу никого всерьез сдвинуть или толкнуть, но на небольшое усилие, чтобы впечатлить непосвященных, меня хватает.

Парень осекся и перевел взгляд с меня на Кина и обратно.

– Да вы очумели все тут, что ли? Думаете, если министерские, то крутые, что ли? Все при блате?

– Успокойся, – попросил Кин. – Сядь. Мы поговорим, и ты спокойно пойдешь домой, или куда там тебе надо.

– Ты, чувак, охреневший вконец, – продолжил разоряться парень, но сел, потому что не собирался на самом деле вступить в конфронтацию с нами, просто показушничал и набивал себе цену. – Задавайте свои вопросы тупые и надейтесь, что за то, как вы со мной тут обращаетесь, вас не доломают тут вконец. И так весь Альянс ржет, как пацаны ломанули Центр, будут и над вами ржать.

– Собственно, вот и вопрос, – Кин уселся за стол напротив парня, а я остаюсь сбоку, у стены. – Какие именно парни «ломанули» Центральный узел?

– Да кто-то из наших.

– А поточнее?

– Говорю же, из наших кто-то.

– Имена, хотя бы ники.

– Да чего ты привязался, чувак? Не скажу я. Это получается, что я на своего стукану, что ли?

– А если не скажешь, я тебя закрою. Без твоей любимой сети на годика три за противодействие следствию в условиях

угрозы национальной безопасности.

– Чувак, я не соглашался своих сдавать, вот что, – продолжил быковать парень, но я четко ощущаю, что ему панически страшно. Его только толкни немного – полетит, сверкая задницей, вверх по лестнице, ведущей вниз.

– Ты ведь не знаешь сам, да? – спрашиваю я, складывая руки на груди. – Просто не знаешь. Поэтому и сказать не можешь. Давай, признай это, и иди домой, менять штанишки.

– Чувак, ты на меня не наезжай! Что я знаю, то знаю, а будете так наруливать, так я больше ваще ничего не скажу, и колупайтесь сами как хотите, и все мурло ваше тоже. Никаких новостей с нашего фронта, ни-че-го вам, вот так!

– А за квартиру ты чем платить будешь, если перестанешь получать помощь от наших общих друзей? – весело шурюсь я. – Давай договоримся. Мы примем как факт, что ты не знаешь точно, кто именно ломанул Центральный узел, а ты по-дружески поделишься с нами своими подозрениями, кто такой дерзкий мог поставить под угрозу все ваше сообщество, потому что чуть что – и арестуют поголовно всех. Всех, понимаешь? Директива 22, слышал про такую? Всех поймают, оформят и будут допрашивать с телепатами, и, я уверен, каждого найдется за что закрыть.

– Не надо так, слышь, – предупредил парень, явно встревоженный. И он, и я понимаем, что такой рейд позволит отловить только мелкую сошку, но он-то, скорей всего, только с такими и общается.

– Думаешь, кому-то из вашей высшей лиги до тебя дело есть? До того, закроют тебя или нет?

Он думает пару лихорадочных минут, и я почти слышу течение его мыслей, ради ускорения процесса подкидывая ему панических настроений вокруг. Он впитывает их, становясь все более нервным с каждым мгновением.

– Да мало кто так может, – сдался, наконец, он. – Но могут. Говорят, Ларри давно какой-то важный сервак бомбанул, он мог. Таких, как он еще разве что Кода и Свифт. И все. Только это, не просите меня их вам прям на руки сдать. Я их сам не знаю. Про них только слухи ходят, ну и в паре чатов можно пересечься.

– Напиши адреса чатов, – подвинул ему планшет Кин, все это время терпеливо ждавший, пока я жму парню на разные кнопки.

– Они в Сумсети все, – скривился парень с деловым видом, но набрал что-то на виртуальной клавиатуре. – В Сумсеть уж сами придумывайте как зайти.

– Ты за нас не переживай, – хмыкнул Кин. – За себя лучше переживай.

Удивительно. Поразительно. И невероятно, о чем я сообщаю Кину, как только мы вышли из комнаты допросов.

– И в чем же невероятность?

– Это наша первая зацепка в этом деле, которую мы можем в самом деле размотать и даже без значительных усилий, – поясняю я, продолжая переписку через комм.

– Пояснишь?

– Мне только что выдали адрес первого из названных, с условием, что мы не будем натравливать на него спецназ и все такое. В общем, нам разрешено «просто поговорить». Ты со мной или Дип, или оба?

– Может, поедем я и Дип, а ты останешься на хозяйстве? – невинно предложил Кин и рассмеялся, оценив мою недовольную гримасу. – Ладно, ладно. Мы с тобой поедем. Тебя от скучных дежурств на месте спасает только то, что не все наши контрагенты готовы иметь дело со внештатным сотрудником.

– Нет, – не соглашаюсь я. – Меня спасает то, что многие другие контрагенты не готовы иметь дело как раз со штатными.

– И это тоже. И, собственно, каким боком ты умудрился так быстро разжиться адресом?

– Это длинная, но удачно сокращаемая и поучительная история. Один из моих друзей – нелегальный мигрант, и Ларри делал ему документы. Я запомнил это имя по его рассказам, вот и все.

– Откуда у тебя друзья – нелегальные мигранты?

– У меня много всяких друзей, – пожимаю плечами я. – Есть целых два профи-музыканта, один из которых – звезда первой величины, любимец стареющих дам. Крутой хирург. Злой колдун-фейри. Два злых колдуна-фейри, так и быть. Художник-карикатурист. Король в отставке. Руково-

датель военной базы. Аналитик с сиськами. Финансовый гений. Наемница-диса. Космический пират. Думаю, нелегальный мигрант тут – самое безобидное.

Кин вопросительно на меня посмотрел, поднимая брови по очереди с таким оттягом, словно их у него было штук тридцать, а не всего лишь две.

– Ты забыл упомянуть серого кардинала Альянса и главного идола Созвездия.

– Мы же говорили о друзьях, – пожимаю плечами я, но поясняю, все-таки. – Бен был медбратом и возился со мной после Тир-Нан-Ога. Я был, скажем так, не в лучшей форме, когда нас с Тиром, наконец, извлекли оттуда. Никому не было дело, мигрант Бен или нет, коль скоро он мог вытерпеть мой дурной нрав, летящие во все стороны стулья и прочие верные приметы сходящего с ума телепата.

– Что ж, хорошо, что ты прекратил кидаться стульями.

– Я просто не делаю этого на публике, – зубасто поясняю я.

Как я уже и говорил, «нормальность» в моей семье – понятие достаточно шаткое.

– Меня Бен научил, что надо делать это только тайком. Чтобы никто не знал, откуда в него прилетел Стул Финальной Расплаты.

– Да вы с Беном опасные люди, – хмыкнул Кин. – Надо быть с вами осторожней.

– Бен вообще суперопасный, – подтверждаю я с огромным

удовольствием.

Я люблю их всех – всю свою пачку совершенно безумных, невероятно верных и разномастных друзей, и могу почти часами разглагольствовать о том, насколько они все прекрасны.

– Его суперопасность не распространяется на то, что он мог дать тебе неверный адрес, или предупредить своего приятеля, или заманить нас в засаду?

– Предупредить Ларри – мог, но даже если предупредил, то сказал, что придут от него.

– То есть, уровень доверия достигает таких высот.

– У нас так принято.

– У нас тоже.

– В общем-то, я именно это и имею ввиду.

Квартира Ларри расположена в максимально трущобном районе. Какие-то закоулки, улицы без названий, дома без номеров. Форменное безобразие, которое не понятно как существует в современной, светлой и уютной Тайрене. Кин, глядя на это, нахмурился, словно вид старых обшарпанных домов навеял ему тяжелые воспоминания.

– Мы ненадолго, надеюсь, – пытаюсь вскользь подбодрить его я, пока мы в переплетениях проулков пытаемся найти нужное здание по указанным Беном ориентирам.

Он хмуро глянул на меня.

– Я не знал, что тут еще остались старые районы. Кажется, все перестроили.



– Видимо, недоперестроили. Им, наверное, лет триста.

– Немного больше, – Кин осторожно обошел провал в мостовой, покрытой разбитым и проросшим асфальтом вместо уплотненной грунтовой смеси, которую в основном используют сейчас. Провал, видимо, не так давно засыпали щебнем, но камней почти не осталось – остается только догадываться, кому они потребовались. – Куда только муниципалитет смотрит.

– Видимо, поверх настоящего – в светлое будущее, – говорю я. Немного сумрака, и местный пейзаж подошел бы для мрачного фильма. Изрисованные стены с выпавшими кусками штукатурки, забитые листьями окна, опущенные плотные ставни – все это могло бы хорошо метафорически передать мрачное умонастроение какого-нибудь крутого парня.

– Где там этот дом уже?

– Направо сейчас, вроде бы, и вперед немного.

– Быстрее давай, – поторопил меня Кин.

Он явно переживает больше, чем я замечал за ним за все время нашего знакомства, и причиной тому явно не Ларри.

– Все эти чокнутые хакеры, что ли, живут в странных норах?

– А ты много хакеров видел?

– Доводилось, – после паузы ответил Кин. – Да, ты прав, тут ключевое слово «чокнутый», а не «хакер». Что ты вообще знаешь про этого Ларри?

– Примерно то, что там сказал тот парень. Ларри промыш-

ляет поддельными документами любой сложности. Это его основной способ дохода и специализация. С учетом всего, это означает, что он нашел или сам создал уязвимость в системе Министерства социальной политики и творит там, что хочет. С этой точки зрения предположение о том, что он мог влезть и в Центральный узел, не лишено оснований. Но я, вообще-то, думаю, что это не он.

– Вот так, заранее?

– Бен его знает намного лучше, и уверен, что Ларри не стал бы лезть в такую опасную авантюру. Его, знаешь, и обычные дела неплохо кормят. Его услуги стоят недешево, потому что документы получаются достаточно настоящие, чтобы спокойно устроиться на работу, получать пособие или получить лечение. Подлог может вскрыться только если, например, обнаглеть и пройти на собеседование в Министерство.

– Но, надо полагать, его клиенты не сильно наглеют.

– Конечно. Они обычно просто жить хотят, желательно, в Альянсе, где хоть какие-никакие, а гарантии есть, и медицина получше, чем в особо медвежьих углах.

– Ладно. Но если этот Ларри все-таки «наш» хакер, я хочу об этом знать. Не прикрывай его, по крайней мере, не передо мной.

– Ты – босс, – спокойно отвечаю я.

Мы прибыли, наконец.

Позвонили в порезанную ножом дверь без номера, и она

почти сразу открылась, словно нас старательно ждали.

– Ну? – молодой парень в мятой майке и спортивных леггинсах, которые совсем не подходят к его объемным ногам, почесал пузо и посмотрел на нас, как на тараканов.

– Мы от Бена. Хотим поговорить про одно дело с тобой, как с экспертом.

– Сто раз говорил Бену языком не трепать, а толку? – проворчал парень, но, помешкав, с неохотой пропустил нас внутрь.

Вопреки первому впечатлению, в квартире достаточно уютно, хоть и захламлено, и пахнет, почему-то, пирогами.

Пироги, собственно, больше всего привлекают мое внимание в комнате, в которую мы проходим вслед за Ларри. Большое блюдо с румяным, ароматным печевом стоит ровно посреди стола, на котором в беспорядке разложены детали трехмерного принтера. Второй такой принтер пытит в углу, что-то собирая, и мы с Кином дружно отворачиваемся, потому что подозреваем, что речь идет о нарушении закона прямо на наших глазах. И если я могу еще пропустить такое мимо себя, то Кину пришлось бы что-то делать, а информация, кажется, нас сейчас волнует больше.

– Ну, чего вам там? Пироги берите, если хотите, это мне тут принесли. Поклонники, – он хохотнул, весьма довольный удачно подобранным словом.

– Что ты знаешь о взломе десяти ведущих банков Альянса?

– Вот что прям так? – подивился он. – А как же регалиями потрясти?

– А что, они имеют значение? – щурюсь я. – Я Иль Гиллернхорн.

– «Иль-мать-его-Гиллернхорн», – прокомментировал хакер. – Знаю, конечно.

– Но соблюдаешь процедуру?

– Что-то вроде. Почему у тебя свидетельство о рождении выдано почти спустя год после рождения?

– Потому что мои родители – баобабы, – автоматически отвечаю я. Вопрос выдает тот не подлежащий сомнению факт, что Ларри действительно по уши влез в базы Министерства соцразвития, и это ничем хорошим им не светит.

И, вероятно, это также некий вызов: мол, смотри, насколько я крут.

Он крут, признаю. Но это накручивание крутости также намекает мне на то, что толку от него будет меньше, чем хотелось бы.

– Давай так. Ты мне отвечаешь на вопрос, и я вам отвечаю на вопрос, и никто никому не должен никаких услуг. И Бен за скобками остается, тоже, – предложил Ларри.

– Хорошо, – без особых отпирательств соглашаюсь я.

– Почему тебя зарегистрировали только через год?

– Очевидно, потому, что моя мать была вне Альянса в этот момент. Как только у отца появился ребенок, чтобы его предъявить, он его предъявил.

– Почему в графе «мать» прочерк?

– Тоже вполне очевидно. Потому что моя мать не из Альянса.

– А, может, правду говорят, что вы с братом клоны вашего отца-нарцисса? И никакой матери просто нет?

– Это распространенный слух, но нет. Просто моя мать – достаточно известная личность за пределами Альянса, и отцу не было смысла светить их отношения.

– Ее имя ты, конечно, не скажешь.

– Конечно, не скажу.

– Ладно. Три вопроса твои.

Я мимолетно радуюсь, что парня просто мучило любопытство, и спрашиваю, очень взвешенно и четко.

– Ты взламывал сам, или помогал ли взломать банки Альянса, чтобы осуществить хищение, ставшее очевидным два дня назад?

– Нет.

– Каким образом, это могло быть, на твой взгляд, сделано?

– Скорее всего, со стороны одного из Министерств, у кого есть спаренное с узлом программное обеспечение. Можете не ерзать, это Министерство экономики и Министерство безопасности. Остальные работают по внешнему программному интерфейсу.

Кин нервно прочистил горло – слова хакера прекрасно сочетаются с моими паранойями, которыми я всех уже достал, и придают им желанный вес.

– Наш информатор предположил, что, кроме тебя, это могли сделать некие Кода и Свифт. Как их найти?

– Это два вопроса. Ну да ладно, про Коду я все равно ничего не знаю. Он шифруется. Мы все в курсе, что он атас, потому что когда мы на скорость ломали защиту «Альтеры», он выиграл. Появился в наших, э, так сказать, «кругах» пару лет назад. Особо ни с кем не сходится, но в соревнованиях участвует. Говорят, правда, он еще кибергеймингом занимается, но это слухи только.

– И как его можно достать?

– Ну, в чатах. На паре ресурсов еще лоты выставляет, ну, типа, ключи доступа от банковской системы и тому подобное, и заказы берет.

Я протягиваю ему записи нашего информатора, и Ларри кивнул, едва взглянув.

– Ну, да, все верно. Тут и искать, а больше никак.

– А второй?

– А второй попроще, в смысле доступности. Он, кажется, любит паб тот, как его? «Четвертый лепесток». Говорят, он там сам делал сетку, и сервер ставил, и теперь прямо оттуда с пивом и со всем комфортом сидит в Сумсети. Но вы бы поостереглись, потому что как он за них, так и они за него. Могут и за бластеры схватиться.

– Это мы тоже прекрасно умеем, – хмыкаю я. – И как его узнать?

– А это я не в курсе. На аватарке у него лисичка, но хрен

его знает, похож ли он на лисичку на самом деле.

– А у тебя что на аватаре? – подал голос Кин, видимо, устав молчать.

– Сиськи, конечно же! – гордо объявил Ларри.

– Твои? – с оттенком отвращения уточняю я.

– Не, – отмахнулся он. – Нормальные такие сиськи. У меня их целая библиотека. Сиськотекта! Сиськи на все случаи жизни. Веселые сиськи, грустные сиськи, озадаченные сиськи ...

Я пытаюсь себе представить озадаченные сиськи, но на всякий случай не уточняю ничего, потому что иначе, кажется, есть шанс ознакомиться со всей коллекцией.

– Вы нам очень помогли, – вежливо сказал Кин, пока я боролся с искушением.

– Надеюсь, мне не выйдет это боком, – со значением подчеркнул каждое слово в этой короткой фразе Ларри.

– Не обещаю, что не намекну Министерству соцразвития проверить свои системы безопасности.

Ларри отмахнулся и захохотал.

– Да на здоровье. Не поймают. Уже семь лет ловят, и ничего. Чмошники!

– Я думаю, это Кода, – говорю я уже во флаере, пока Кин ищет адрес «Четвертого лепестка», а я сам – пересылаю Дип дополнительные моменты для раскопок по нашим хакерским зацепкам.

– Это не значит, что мы не проверяем Свифта.

– Конечно. Тем более, что не факт, что я прав.

– Хочешь сказать, ты признаешь, что можешь ошибаться?

– Конечно, могу, – фыркаю я. Фактически, я – реколлекция собственных ошибок, если на то пошло. Другое дело, что изо всех них я смог в итоге выбраться живым и продолжать идти вперед, но, все же? Ошибки были, есть и будут.

– У тебя бластер с собой?

– Да, но если ты опасаяешься нападения, лучше вызвать подкрепление.

– Ты знаешь, судя по данным, которые прислала Дип, охраняет там обычная охранная фирмочка, и два своих охранника в штате. И они не спецназовцы даже близко. Так что все должно быть в порядке, просто держи бластер наготове и заведи свою штуковину.

Кин, конечно, имеет в виду тот самый усилитель, который позволяет мне значительно расширять, так сказать, свой телекинетический охват. Я демонстративно вздыхаю, достаю и надеваю обруч усилителя, последовательно подключаю имплант к усилителю, усилитель к генератору и трачу лишние пять минут на то, чтобы откалибровать себя по всем направлениям. Один недостаток у всей этой системы: во-первых, громоздкая, а во-вторых, сразу видно, что я телепат и использую свои возможности прямо вот сейчас, а люди обычно этого не любят.

– Смешней всего будет, если мы его не застанем, – говорю я, когда мы приближаемся к оформленному в деревенском



стиле входу в паб.

– Смешней всего будет, если это он, – не согласился Кин. – Вот тогда-то мы поохочем.

Я молча с ним соглашаюсь и перемещаюсь чуть за его спину, чтобы не перегораживать сектор обстрела, если что, и прикрывать сзади, опять-таки, если что.

– Эй, на пушку разрешение есть? – охранник на посту сразу после входа даже подскочил, увидев нас.

Кин без споров приложил комм к считывателю ИД, и на мониторе на короткий момент появилось блестящее изображение герба Министерства.

– А на опасное животное разрешение? – кивнул охранник в сторону меня с таким кислым лицом, что самому хочется скривиться.

Я касаюсь коммом сенсора, тоже, и экран показывает мой зарегистрированный уровень – совсем не стоящий опасений 4-0. Это много лет, как не правда, но я не собираюсь передавать тест до последнего. Вот пока не припрут к стенке – не буду, потому что никто не ждет от меня неожиданностей, если ориентируется на официальные сведения.

– Проходите, – разочарованно сказал охранник, но Кин никуда не сдвинулся.

– Я ищу одного человека. Вероятно, он местный системный администратор, или что-то вроде того. Его знают под ником Свифт.

– Свифт? – повторил охранник, и я буквально как в пузы-

ре с репликами вижу мысли, которые проскакивают у него в голове. – Нет, не знаю. Спросите в администрации.

– Спасибо, – Кин отвернулся и пошел по коридору вперед. А я, чтобы не палить переговоры, набираю ему на ком-ме сообщение.

«Точно знает и сейчас предупредит, будь готов к нападению на всякий случай».

Я на полном серьезе ожидаю, что по нам начнут палить в ту же секунду, как мы переступим порог зала, но этого не случилось. Впрочем, здесь, несмотря на не самый подходящий час, даже есть посетители. Или это местные? Я пересчитываю, на всякий случай – их четверо.

Кин направился сразу к стойке, которую слишком усиленно протирал весьма нервный на вид бармен, но, стоило ему подойти, как тот дернул головой и скороговоркой сказал:

– Пожалуйста, зайдите в ВИП-комнату. Она справа.

– Ну, хоть не в туалетную, – пошутил Кин. – А с какой целью?

– Владелец хочет с вами переговорить.

Кин бросил на меня вопросительный взгляд, и я киваю ему в ответ, расставляя по залу точки и запинки, чтобы контролировать его даже когда не буду его видеть своими глазами.

– Опять-таки – спасибо, что не в туалете. Помнится, в былые времена все проблемы решались на стрелке в сортире. Да, Иль?

– Или в сквере за школой, – подтверждаю я. Мне весело, несмотря на потенциальную опасность получить по роже или пулю, и это моя разновидность храбрости. Если люди, достаточно храбрые, чтобы бороться с условно смертельными болезнями или травмами, достаточно храбрые, чтобы принимать свои отличия и особенности. Есть достаточно храбрые для того, чтобы взять детей из приюта или что-то такое. А моя храбрость – самого простого и очевидного сорта. Я не боюсь умирать и не боюсь боли. Наверное, это тоже разновидность семейного безумия.

– У нас был пустырь.

– Еще лучше.

– Заходите, господа, – торжественно пригласили нас, стоило только открыть дверь ВИП-закутка.

«Хозяев территории» двое, и они оба, насколько я вижу, не те, кто нам нужен. Зато расселись они вальяжно и широко, так, что я едва удерживаюсь от хихиканья – надо же, это талант, уметь усесться так, словно ты тут уже полдня штаны просиживаешь, хотя сейчас только что выделявал кульбит, чтобы добежать вперед нас.

– Вы из Министерства, – сказал один, пока второй молча глазел на нас. – И вы хотели поговорить с кем-то из нашего персонала.

– Я смотрю, информация тут передается быстро.

– В самом деле. Давайте поговорим, – предложил номер один. – Не желаете ли выпить?

И тут я отчетливо ощущаю псионическое касание. Телепат повыше, чем мой предполагаемый уровень, и сильно пониже, чем реальный, осторожно прощупывает нас, изучая. Я даю ему увидеть свою маску раскаченного 4-0, заточенного под определение правды, эдакий мобильный детектор лжи, и с интересом наблюдаю за тем, как он пытается зацепиться хоть как-нибудь за безупречную броню Кинслеера. Любые телепатические прикосновения скатывались с него, как вода, заставляя телепата морочиться и мучиться, а я в это время аккуратно начал разбирать его собственную защиту, чтобы разузнать, что же конкретно ему надо от нас.

– Благодарю, но, боюсь, я при исполнении. Будьте любезны, представьтесь.

– Я Роан Кейвин, хозяин этого паба, это мой брат Джерри. И все вопросы, касающиеся деятельности нашей компании, вы можете обсудить с нами.

– Дело касается не деятельности вашей компании, а деятельности одного из, возможно, ваших сотрудников. В сети его знают под ником Свифт.

– Мы не интересуемся личной жизнью наших сотрудников, если она не мешает работе, – важно надул щеки Кейвин, который Роан. – Поэтому мы никак не можем знать, у кого из них такой сетевой ник.

– Мы можем поговорить с человеком, который занимался устройством сети в вашем пабе, а также увидеть отчетные документы об использованном оборудовании?

– Погодите, что именно вы таким образом собираетесь расследовать? Если вы подозреваете нас в налоговых преступлениях, то не слишком ли посылать сюда кого-то из УБР?

– Это не касается налогов. Это касается крупной киберкражи и угрозы национальной безопасности, – ровно ответил Кин. – Прошу вас оказать содействие, так как дело идет под директивой 22.

За этим «прошу» я отчетливо слышу продолжение «пока что по-хорошему», но владельцы паба то ли глухие, то ли слишком дерзкие, то ли что-то скрывают.

– Пожалуйста, предоставьте ордер или официальное уведомление о расследовании, – сказал Роан. – Джерри, пока мы ждем, пожалуйста, подготовь нашу отчетность по последнему обновлению сети, и позови Эритиллана. Он, сегодня, вроде бы на дежурстве?

Второй кивнул, встал и вышел, и почти тут же я, наконец, добираюсь до все еще копошащегося в нежелании признать свое поражение незнакомого телепата. Я ввинчиваюсь в его мысли, бесцеремонно отбрасываю не нужные.

Эритиллан – это, конечно, он, этот самый телепат, альвар, мужчина, 25 лет, дом Латеран. Они вассалы дома Эрдскаррон, ну да какая разница? У парня просто такая работа – колупаться в мыслях посетителей паба и деловых партнеров владельцев, и он получает за это деньги.

И меня не он волнует.

– Эритиллан – ваш системный администратор? – уточнил Кин.

– Наш сотрудник, который имеет отношение к вашему вопросу, – уклончиво ответил Роан, потому что мой функционал детектора лжи совершенно очевиден.

Я чувствую, как альвар, видимо, находящийся в соседней комнате, наконец просекает мое вмешательство и пытается защититься. Возможно, ему даже больно, когда я выдираю и торопливо просматриваю нужные фрагменты сведений, и, возможно, он срывает какую-то тревогу, потому что на ком-ме Роана замигало какое-то сообщение, и он ощутимо поменялся в настроении, получив его.

– Свифт – это тот парень, который только что вышел, – говорю я прежде, чем Роан успевает открыть рот. – Джерри Кейвин. Куда он пошел?

– Надеюсь, выполнять мои поручения, – сказал Роан, заставляя меня восхищаться его самообладанием.

– Уничтожать документы и пытаться понять, что удалось узнать их телепату, который домогается до тебя с начала разговора, – поясняю я для Кина. Тот нахмурился и поднялся со своего места, нависая над столом.

– Не рекомендую вам вступать в конфликт с Министерством, – сказал он, иначе мы будем вынуждены арестовать вас на месте. – Верните своего брата сюда.

– Погодите, погодите, я же сотрудничаю, – ответил Роан, поднимая руки. Вернее, это кажется, что он поднимал руки,

но на самом деле, он достал бластер, который, видимо, держал на коленях и наставил его на нас – вернее, на Кина, и дальше все полетело вскачь.

Кин рывком опрокинул стол, бластер выстрелил, наполняя тесное помещение запахом горелого, потому что выстрелил мимо, отклоненный моим энергетическим щитом, и выстрелил снова в тот момент, когда Кин перехватил руку Рона. Выстрел ушел вверх, и я бью по сознанию нашего противника прежде, чем кулак Кина достигает его рожи.

От нашего совместного воздействия мужик отрубился, и это плохо, потому что от использования бластера в таком тесном помещении перекрытия начали рушиться.

Мы переглянулись, Кин распахнул дверь в основной зал, выскочил туда и я тут же слышу выстрелы. Моментально поднимаю щиты, двигаясь к дверному проему, выглядывая, стреляю почти наугад, кого-то задеваю – кажется, все-таки не Кина, потому что он проорал мне что-то вроде «прикрой», и я прикрываю – коротко, привычно сберегая заряд, отстреливаюсь, полувывисываясь из-за косяка и поддерживая над собой и бесчувственным директором щит, чтобы защититься от падающих перекрытий.

Генератор тащит, но с габаритами поля и седацией местного телепата топливо расходуется быстро, и я искренне надеюсь, что я или успею всех перестрелять, или Кин вернется с добычей до того, как у меня останется только собственная энергия.

Ни черта не могу успеть разглядеть, мне неудобно и отвратительно, и я совершенно не хочу разнести здесь все и писать груды отчетов о причинах и необходимостях, а еще меня бесит бессмысленный пленник в отключке, поэтому я решаю использовать его в своих целях. Высвобождая часть своего сознания автоматизацией отстрела на короткий срок, я подцепляюсь к находящемуся в отключке сознанию Роана и заставляю его тело механически работать, подменяя команды своими. Двигаясь неловко, как зомби, он встает на ноги и делает шаг к проходу, поднимая руки заранее дерганным, резким движением.

– Прекратить огонь! – командую я его голосом. – Это я! Я выхожу!

Я слышу тишину и вывожу его в проем. Моя работа не слишком тонкая и не слишком чистая – голова Роана не держится как надо, и руки повернуты не так, и глаза и рот я не успеваю удерживать в правильном положении одновременно, но этого хватает, чтобы отвлечь внимание.

Я выкручиваю мощность генератора, выворачиваю из-за угла, охватывая взглядом всех атакующих, и ударяю по ним псионической волной, используя все, что у меня еще оставалось из энергии.

Пять тел как спелые груши скатываются на пол, и Роан падает тоже, потому что, в самом деле, мне уже дурно. Я на всякий случай провожу рукой по лицу, и на ладони остается красный след – конечно, привет, опять идет кровь.



Я не опускаю бластер, потому что откуда-нибудь может выбраться еще желающий погеройствовать, и звоню Дип.

– Эй, Иль, что там у вас?

– У меня тут куча героев без сознания. Пришли кого-нибудь их повязать и полечить. Мы же не звери оставлять их на растерзание клиентам, которые придут и ужасно обрадуются, что тут можно пожрать и выпить на халяву, пока суть да дело.

– Хорошо. Кин с тобой?

– У тебя хотел спросить, где он.

– Сейчас поймаю по метке, – я слышу, как она защелкала по клавишам, и это очень умиротворяющий, спокойный звук, привычный и знакомый донельзя. – Попрошу патруль его встретить, – заключила она.

– Что там?

– Перестрелку на уличной камере видно.

– Беспokoишься?

– Ага, за того парня, которого он сейчас на куски порвет. А нам, наверное, его бы еще допросить желательно. Или он там расходный материал?

– Нет, скорее, свидетель. Это Свифт – один из подозреваемых во взломе банков. Настоящее имя, вероятно, Джерри Кейвин.

– Класс. Ну, теперь он точно сядет. Хотя бы за сопротивление при аресте. И, ой, ой, за порчу городской собственности. Ой, и федеральной тоже.

– Это что он там поломал?

– Рубашку патрульного.

– Класс, – комментирую я. От перерасхода энергии я хочу спать, и глаза закрываются, и из носа все еще течет кровь, и я вишу на канале связи, потому что боюсь не удержаться один. Чтобы отвлечься, я собираю все оружие нападавших, даже вспомнив о том, что на месте преступления нельзя мусорить своими отпечатками пальцев, затрудняя экспертизу.

– Сколько у тебя гавнюков там?

– Пятеро стрелков, один телепат, один недострелок и бармен под стойкой. Он там прятался, но я и его случайно зашиб. А еще тут потолок немного рушится, – описываю мизансцену я. – Где там мои спасители?

– К тебе и главный спаситель уже возвращается. Держись.

– Держусь, – отвечаю я, перехватывая бластер поудобней.

Собственно, я знаю, что это Кин, когда он приблизился, но бластер на него все равно наставляю, просто для порядка и чтобы он знал, небеса разрази, что я начеку и при деле.

– Ну и бардак, Иль, – одобрительно сказал Кин и махнул рукой следующим за ним патрульным. Они тут же растеклись по залу, занимаясь бесчувственными неудачниками и горкой оружия на столе.

– Я старался минимизировать разрушения, – я, наконец, запоздало прикладываю к носу салфетку и мельком гляжу на рубашку – конечно, все уже давно в крови. – В основном, это они сами. Мне придется писать какие-то бумаги?

– И еще и экспертизу нормальности проходить, чтобы определить степень стресса.

– Не отдавай меня им, – прошу я с шутовским отчаянием. – Я психованный и постоянно в стрессе. Меня просто не вернут Управлению, а я ценный актив! Как там тот мужик сказал? Опасное животное.

– Ну, тогда просто обмани их. Как ты это на каждом шагу делаешь со всеми комиссиями.

– Свифта поймали?

– На отличненько. Он даже повредил выстрелом коммуникационный столб, так что у нас против него уже есть небольшой набор дополнительной амуниции, если больше ничего не сможем пришить.

– Надо тут все опечатать, вдруг его технику не успели всю подчистить.

– Да, я уже вызвал ребят из киберуправления, а пока просто все велел повыдергать из розеток. Ты все еще думаешь, что это не Свифт нам нужен?

Я недолго молчу, вспоминая все, что успел надергать из головы телепата и Роана Кейвина.

– Все еще так думаю. Но мы все точно узнаем уже очень скоро, к счастью.

Кин оглядел меня критически.

– Это я точно и скоро узнаю, а ты иди домой. Ты весь в крови.

– Это моя, – оправдываюсь я.

– Вот именно поэтому тебе и надо домой. Или к врачу?

– Это фигня. Если я в таком виде буду маячить рядом с тобой на допросе, на них даже давить не придется. Я готов поспорить, что они будут меня бояться на подсознательном уровне.

Кин неодобрительно покачал головой.

– Под твою личную ответственность. Если тебе станет дурно, я не виноват.

– Мне всегда дурно, потому что я дурной, – отмахиваюсь я.

Все жертвы моей сумбурной деятельности приходят в себя по дороге до Управления, и врач требуется только братьям Кейвин: у одного из них разбит нос, у второго – огромный кровоподтек на скуле.

– Кейвинов? – уточнил Кин, перебирая список задержанных.

– Нет, давай этого полудохлого альвара.

– Что ты надеешься от него узнать, чего еще не выдрал у него из головы?

– Мне было некогда. Вот как раз довыдеру.

– Тогда он твой.

– Спасибо за щедрый дар, – кривляюсь я.

Альвар именно таков, каким я себе представлял. Маленькое, нагое, хищное создание, которое за короткий период покоя вполне успело восстановить свое душевное равновесие. Его глаза немного расширились, когда он разглядел и, ви-

димом, опознал меня, но только и всего. Далеко пойдёт этот Эритиллан. Если, конечно, его раньше не съест аналогичная рыбка чуть покрупнее.

– Что же, Латеран, – вежливо говорю я, от чего парня слегка перекашивает, но только слегка. Он прекрасно себя контролирует, как и полагается нормальному телепату... – Как насчет все рассказать без дальнейших боданий? Усилителя у меня сейчас нет, но, знаете ли, добыть его в Министерстве – пара пустяков.

– Незачем меня запугивать, – старательно сдерживая раздражение, сказал он. – Я прекрасно понимаю, что Вы сильнее и что если приспичит – мой глава дома выдаст меня Вам, даже не мигнув. Что Вы хотите знать? Я готов говорить в обмен на отсутствии обвинений в нападении.

Кин удивленно поднял бровь, но я только отмахнулся. Парень, скорее всего, может доставить мне проблемы из мести когда-нибудь в далеком будущем, если добьется успеха, но сейчас он готов идти на любую сделку ради своей свободы.

Право слово, надеюсь, я не доживу.

– От кого вы получили приказ о нападении на капитана Кинслеера?

– Роан Кейвин велел мне прощупать полицейских, которые пришли что-то вынюхивать. Узнать, что им нужно, заморочить и заставить уйти в осознании того, что тут искать нечего.

– Часто вы такое выделяете?

– Достаточно часто. Записей с камер, вы, конечно, не найдете.

– Вы готовы засвидетельствовать факты вмешательства в полицейские расследования ранее и опознать людей, которых вы подвергали воздействию?

– В обмен на отсутствие обвинений. Я не собираюсь садиться в тюрьму за то, что делал то, что приказано.

– Вы не могли не осознавать, что это преступление, хоть и по приказу.

– Конечно. Но, как ни странно, не у всех телепатов есть привилегированное положение и куча денег. И так?

Я скашиваю глаза на Кина, и тот кивнул в ответ.

– Хорошо. Обвинений вам предъявлено не будет ни по одному из случаев, которые вы сами опишите. Однако, если вскрыется еще что-то, соглашение не действительно.

– Это справедливо, – согласился альвар.

– Тогда перечислите все подобные обстоятельства офицерам, которые будут с вами разговаривать после нас. Вы можете подтвердить, что Джерри Кейвин – это хакер Свифт?

– Да. Никаких записей, опять-таки, вы, конечно, не найдете. У него все было настроено на случай форс-мажора, и все данные с серверов удаляются безвозвратно после запуска одного-единственного скрипта.

– Где он хранит бекапы?

Он поколебался.

– Я не знаю. Вернее, я видел, но не понимаю, и вряд ли

смогу воспроизвести все операции, – наконец, сказал он. Это похоже на правду, я не чувствую фальши, так что решаю пока не давить в этом направлении.

– Какого рода киберпреступления совершал Джерри Кейвин? Вы ставили ему блоки, вы должны иметь хотя бы смутное представление об этом.

– Проблема в том, что он не считает это преступлениями, поэтому достаточно трудно было выделить в его голове именно эти факты. Они просто не маркируются виной или страхом, как должно быть, – совершенно искренне сказал альвар, и я понимаю, что он, вероятно, в самом деле шарился по голове своего нанимателя в поисках материала для шантажа, но не сильно преуспел. – Но я знаю, что значительная часть денег у них идет от какой-то площадки с заданиями, которую он не то, чтобы сам создал, но участвовал, и, как это? Хостил. Один из. Я ничего в этом не понимаю.

И снова правда.

– Он участвовал во взломе банков Альянса, о котором стало известно на днях?

– Я не знаю.

Правда. Кажется, мальчик в самом деле очень хочет на свободу и готов громко петь о своих нанимателях грустные саги.

– Совершали ли Кейвины экономические преступления в добавок к преступлениям в киберпространстве?

– Вероятно подавали ложные налоговые декларации и ле-

гализовали доходы, полученные от деятельности... Джерри Кейвина. Но я не бухгалтер, я просто знаю, что у них не настолько много посетителей, чтобы быть такими успешными и платить мне. Я могу надеяться на то, что вы выполните свою часть сделки?

– Я даю слово, – спокойно обещаю я, потому что охотные и подробные показания этой хитрой задницы нам куда нужнее, чем сама эта задница за решеткой, и Кин коротко кивает, подтверждая мои слова.

– Сразу видно руку мастера, – злорадно отмечаю я, когда нам привели Свифта собственной персоной, и на его роже я вижу прямо-таки четкий отпечаток кулака Кина. Мелкий-то он мелкий, но вот насчет подраться – я не знаю, на кого бы я поставил, на своего лучшего друга-десантника, или на этого шустрого парня.

– Дело мастера боится, – добавил Кин, когда Джерри Кейвин непроизвольно шарахнулся от его резкого движения. Видимо, крепко его мой шеф напугал. – Итак, господин Кейвин, он же господин Свифт, что вы имеете сказать о себе и своей деятельности?

– Я не понимаю, о чем вы, – без особого энтузиазма буркнул мужчина.

– Ну же. Псионический допрос вашего штатного телепата позволил достаточно четко установить тот факт, что в сети вы используете никнейм Свифт. И этот никнейм обозначает одного из подозреваемых во взломе банковской системы



Альянса. Наша команда еще не закончила разбирать ваши сервера, но, учтите – чистосердечное признание облегчает совесть и тяжесть наказания.

– Это не я, – буркнул парень.

– Тогда почему вы бежали и устроили такой цирк с конями? У нас семь арестов, на минуточку, кроме вас. Пять стрелков, ваши штатные охранники и с фирмы, с которой у вас контракт, ваш брат и ваш телепат: все за нападение на сотрудника Министерства при исполнении, препятствование следствию, сопротивление аресту. И им еще крупно повезло, что с ними разбирался Иль, который уже не любит убивать, а не я. У меня нет таких, как у него, гуманных способов уложить пять вооруженных жлобов одновременно.

Я зубастенько и скромно улыбаюсь. Я даже частично оставил кровь на лице, для пушшего эффекта, когда торопливо умывался пятью минутами ранее.

– Вы меня не запугивайте, – слабо отозвался Кейвин. – Я вам все равно ничего без адвоката говорить не стану.

– Учитывая тот прискорбный факт, что дело имеет гриф угрозы национальной безопасности, у нас есть разрешение на применение псионических техник допроса даже без адвоката, а также без дополнительных освидетельствований и даже присутствия врача. Поэтому советую начинать говорить, потому что Иль, если надо, разделает вашу голову, как непокорный фрукт.

Образ непокорного фрукта представляется мне таким за-

бавным, что я улыбаюсь еще гаже и осторожненько касаюсь щитов, поставленных господину Кейвину их штатным телепатом. Наверняка, это неприятно, потому что от моего пристального внимания они начинают тренькать и гудеть. Наш подозреваемый, впрочем, еще пару минут храбро молчал, обливаясь потом и жирными потоками страха и непонимания, что же теперь делать.

– Я не бомбил банки. Это Ларри или Кода, больше некому.

– Готов поспорить, что когда мы поймаем еще и Коду, он скажет: это не я, зуб даю, это Ларри или Свифт, больше некому, – внезапно рассмеялся Кин.

– И взломщиком окажется тот информатор, как его? И просто пустил нас по ложному следу, – мрачно поддерживаю шутку я, продолжая буравить взглядом нашу жертву.

Может, при подозреваемых и не стоит шутить, но мы с Кином уже неоднократно замечали, что наши совместные шутки производят на допрашиваемых такое гнетущее впечатление, что они куда охотнее с нами разговаривают.

Свифт немного сжался на своем стуле и спросил:

– А Ларри вы уже?

– Вы, господин Кейвин, должны понимать, что нет таких преград, которые не брали бы УБР, – почти добрым голосом ответил ему Кин. – Как мы можем удостовериться в том, что это не вы, а кто-то другой?

Он промолчал, явно пытаясь понять, что ему делать.

– Это вопрос национальной безопасности. Мы заинтере-

сованы в том, чтобы поймать настоящего преступника, но можем удовлетвориться и тем, кто подходит нам и уже пойман. И против кого есть косвенные улики.

Свифт продолжил молчать, и даже голову опустил, глядя в стол.

– Начинайте говорить, прямо сейчас, – советую ему я очень вкрадчиво и тихо.

Я слишком устал, чтобы копаться в его голове, на самом деле, но я все равно это делаю, потому что мне нужны ответы и уверенность, а получить это можно только так. Щиты и блоки, воспроизводящие собственные структуры Эритиллана, поддаются легко, потому что я уже подбирал к ним ключи.

– Что за систему Вы хостили у себя?

– «Внутримир», – поддаваясь воздействию, хакер начал говорить с такой плохо скрываемой паникой, что я мгновенно понимаю, что он выдал что-то важное для себя и через силу. Это аукцион, подпольный аукцион заданий. Раз вы меня нашли, то в Сумсеть-то знаете, как зайти, да? Я один из хостеров. Был. Есть и другие. Поэтому Сумсеть будет жить. И аукцион.

– Где искать ваши бекапы?

– Их нет, – он внезапно начал истерически смеяться. – Нет! Моя сила в моей голове, в надежных людях, а вы ничего, ничего не найдете!

Это правда, но не вся правда. У меня начинает болеть го-

лова, и я с отвращением выпускаю его мысли из плена.

У меня, наверное, такие стеклянные глаза, что Кин сдал Свифта обратно конвоирам и исчез на несколько минут, оставляя меня в блаженной тишине и одиночестве. Вернулся он тихо, осторожно, молча и поставил передо мной стакан с нарисованной цифрой «ноль».

Точка отсчета, новое начало.

Я, кажется, даже умудряюсь сказать свое «спасибо» и при-сасываюсь к кофе, которое оставляет на языке едва улови-мый вкус шоколада и густой аромат корицы.

– На этот раз тебе в самом деле пора домой и отдыхать. У тебя глаза красные, все как мне рассказывали на ликбезе по телепатиям. И руки дрожат.

Я автоматически прячу под стол левую руку, которая вы-дает меня мелким тремором и упрямо смотрю на своего ше-фа поверх края стакана.

– Роан Кейвин, и я пойду.

– И еще «Соджорн», – усмехнулся Кин.

– «Соджорн»? – не понимаю я, и только через несколько секунд до меня доходит. – Ааа, конечно. Тот самый. Обяза-тельно ознакомлюсь.

– Зачем тебе сейчас сдался этот Кейвин?

– Я уверен, что где-то еще есть что-то.

– Где-то и что-то всегда есть.

– Я чую крысу, – не сдаюсь я.

– Ты её чуешь непрерывно с начала декады. А толку?

– Нет, тут точно что-то есть, – я ставлю кофе и прижимаю пальцы к вискам. Что там он сказал? Сила в голове, в надежных людях... – Проверьте их бухгалтерию на предмет того, сколько вообще было серверов.

– Ты считаешь, что может быть вторая... серверная станция?

– Тогда и бекапа не нужно. И его в самом деле нет. А выудить у него пароль или сетевой адрес, который он, вероятно, сам на память не помнит, невозможно.

– Я проверю, и Роана допрошу, – пообещал мне Кин. – А ты вали отсюда, герой, хоть забор тобой подпирай.

Я сдаюсь, и направляюсь к выходу, и вокруг все кажется заторможенным, словно в замедленном кино. Вот мимо меня протаскивают какие-то пачки документов, вот, громыхая, провозят сервер, и не один. Вот кто-то из арестованных стрелков, ожидавший своей очереди на допрос, вскакивает и орет что-то в коридор, и там к нему прорывается какая-то девушка, едва не оставляя свое микро-платье в руках ловящих ее охранников. Я их аккуратно огибаю, не вмешиваясь.

И все-таки, нравится мне моя работа. Столько уродов разных мастей повстречаешь и столько чужих эмоций понасмотришься, что на собственные не остается никаких сил.

## Глава 4. Rain

Я не ожидал этого вызова, но, в целом, ничего удивительного в нем, конечно, нет. В конце-концов, я на самом деле знаком с Тиром, и, даже если я не оставлял ему свой номер комма, это, все-таки, не главная тайна вселенной, узнать его реально. И в Министерстве, и у моей семьи. Семья менее вероятна – они бы пощадили мои нервы. А вот Министерские операторы запросто выдали бы мой номер по запросу посольства. Это же международные отношения! Важно! Немедленно! Вау! Подать сюда Иля!

Так что... на самом деле, я удивляюсь – но не очень, когда пришедший рано утром межпространственный вызов оказывается от главы Созвездия.

— Маэр, рад тебя видеть, – так звучит и мое имя, и имя моего отца на сайедхе. Это одно и то же имя для сидхе, и, конечно, я не очень люблю это обращение. – Мирная жизнь, похоже, идет тебе на пользу.

– Спасибо, – вежливо отвечаю я. Пожалуй, в самом деле, по сравнению с последним разом, когда мы виделись, я выгляжу (да и чувствую себя) на порядок лучше. Это было, наверное, на пресс-конференции после освобождения, и я тогда был совершенно не в себе. С кашей в голове и изуродованный настолько, что я предпочел бы никогда не видеть никаких фото того периода. К несчастью, это также был момент

моей наибольшей публичности, так что все новые изображения продолжают выскакивать на меня до сих пор, даже по прошествии стольких лет. – К тебе годы тоже были милостивы. И к твоему народу.

– Это были хорошие годы, – подтвердил Тир. Я вижу, что он печален, но не тревожен. Я не могу его считать через пространство, да и никогда не мог, но я знаю его достаточно хорошо, чтобы различить нюансы эмоций.

Наше общение на злополучном Тир-Нан-Оге было коротким, несколько дней, но происходило в настолько критической ситуации, что все нервы были наружу. Думаю, за эти дни в соседних камерах я понял его на каком-то подсознательном уровне. Не знаю. Может, я просто обманываю сам себя.

– Вряд ли ты звонишь, чтобы обсудить мое самочувствие.

– Я хочу поговорить с тобой о Фонде, – он видимо потратил пару минут на то, чтобы заново собраться с силами и мыслями. Приятно знать, что я его выбиваю из колеи точно так же, как он меня. – Я понимаю, что выглядит все очень подозрительно для вас, но я вчера говорил с Кирсом, и, Маэр, он поклялся, что они в самом деле не заказывали, не планировали и не участвовали в этой вашей краже. Их кто-то подставил, и я прошу тебя, лично прошу, именно тебя прошу, раз ты занимаешься этим делом – найди настоящих виновных. Тех, кто подставляет моих друзей и мою страну, тех, кто пытается испортить нашу репутацию. Есть всего двое вне

моего Созвездия, кому я доверяю точно так же, как своим соотечественникам, тем, кто разделяет мои идеи и идеалы. И один из этих людей – ты.

– Тебе передают материалы дела?

– В той части, которая касается моих, – сдержанно кивнул Тир. – Я держу руку на пульсе.

– И ты полностью уверен, можешь пообещать мне, что никаких нет там темных дел, или сомнительных дел, или чего-то, о чем нельзя рассказать перед Советом Альянса?

– Я уверен, – подтвердил Тир. – Я вырос с Кирсом. Он не станет мне врать – и он объяснил все вещи, которые вызвали у меня вопросы. Объяснил, и сомнений у меня не осталось, что их круто подставили.

– Я могу обещать только справедливое, всестороннее и непредвзятое расследование.

– Это все, о чем я могу просить, – кивнул Тир. – Только, прошу, побыстрее. Побыстрее, Маэр. Там важные вещи на кону. Целая группа детей с планеты на границе с Империей. Они начали колонизацию. Детей надо спасать, а я вынужден был наложить вето на все операции фонда, пока ваша группа не закончит расследование в их отношении. Я, конечно, сейчас пошлю туда свою миссию, и попытаюсь как-то решить, но, Маэр, пожалуйста, быстрее.

– Я приложу для этого все усилия.

– И, Маэр? Я верю, что ты не будешь покрывать преступников из Альянса, но я также обещаю тебе, что если следы



приведут тебя в Созвездие, я выдам тебе всех, чья вина будет доказана. Или накажу их сам – и щадить не стану.

В другой ситуации я бы открыл рот насчет способов доказательства вины, и достаточности доказательств, и состава арбитража или иного судейства для решения спорных вопросов.

Но не в этот раз. Я понимаю, что все равно ничего ему не докажу, и если что – то придется давить на все слабые места, которых у Тира не так много, и пытаться справиться. Впрочем, я всегда справляюсь, так или иначе.

– Я приложу все усилия, чтобы расследование было закончено, – я прикидываю в уме время и наши зацепки, – до конца декады.

Тир кивнул мне и заколебался на короткий момент, словно хотел спросить что-то еще, но потом передумал, и просто добавил. – Спасибо. Буду ждать новостей. До связи, Маэр.

После таких утренних звонков мне хочется лечь и лежать, и не делать ровным счетом ничего. Они выбивают меня из хрупкого утреннего ритма, который помогает сосредоточиться и жить дальше.

Никто не смеет звонить мне по утрам. Никто! Даже самые близкие люди. А сегодня из-за этого трепетного говоруна я мало того, что опаздываю в управление, так еще и остаюсь без кофе.

На момент моего появления рядом с кофейней, «наш» бариста стоит на крыльце кофейни и что-то яростно печатает

В комме.

Как я его узнал? Честно сказать, по фирменному фартуку и модели комма, который у него достаточно дорогой. Не заоблачно, не вульгарно и не неприлично, но в одну средне-статистическую зарплату ценой – точно. Судя по его хмурому виду, у парня день не задался прямо с утра, тоже – так что я, как уже опаздывающий, вынужденно продолжаю свою скорбную дорогу к рабочему месту без кофе.

– А кофе? – с тоской спросила меня Дип, когда заметила мое появление.

– Сегодня мы должны проявить выдержку, свойственную только нам и пережить без, – парирую я. – Новости?

– Немножечко, – сказала девушка и я, повернувшись к доске, приготовился делать новые пометки в своем производстве из огуречиков и палочек.

– Мы нашли потенциальное место второй серверной, но когда туда прибыл наряд, там уже ничего не было. Все вывезли – видимо, у них был какой-то план на случай форс-мажора, и его запустили. Все наши граждане божатся, что понятия не имеют, куда перевезли сервер. И это вполне может быть правдой, но ты бы хотя бы Свифта сам подпрашивал опять – может, выжмешь из него что-то.

– Например, кто должен был этим заниматься, – киваю я, принимая от нее на планшет материалы ночной инспекции и бухгалтерской проверки.

– Именно. Все-таки, должен же ты хоть что-то полезное

делать, если кофе не приносишь.

Я громко фыркаю, но не возмущаюсь. Если удастся еще и без присмотра «взрослых» беседу провести, то вообще супер.

Все выглядит более или менее очевидно: из закупленного только за прошлый год оборудования можно не одну серверную собрать, а целый огромный датацентр. Адрес тоже, как будто бы, очевиден: помещение, арендованное с предосторожностями через физическое лицо, аффилированное с аффилированным юридическим лицом. В него и был ночью безуспешный рейд. Но я не уверен, что все так просто.

С учетом любви подпольщиков всех мастей к децентрализованности, скорее всего, это будет не один большой, а куча мелких точек распределенного хранения.

Неприметный сервер, стоящий в углу сарая партнерского фермерского хозяйства, или под столом у секретарши бухгалтерской фирмы.

– Проверьте всех их партнеров, – советую я, гоня туда-сюда отчеты на планшете. – Совершенно всех, с кем были документально или изустно подтвержденные отношения. Спрашивайте про размещение оборудования. Я почти уверен, что вся эта техника растеклась даже дальше, по знакомым знакомых знакомых, но, может, хоть что-то накроем им медным тазом.

Дип посмотрела на меня самыми печальными на свете щенячьими глазами.

– Что? – отзываюсь я. – Я не виноват, что это работает как-то так.

– Какой-то ты слишком умный для десантника, – пожаловалась она.

– До того, как стать десантником и выбить из себя всякую дурь, я был отличником. А когда десантником быть перестал, снова набрался. Дурь – она такая, прилипчивая. А где, кстати, наша главная прилипчивая дурь?

– Кин? У них планерка у Кольбейна. Старик с утра получил звонок от Тира и склонен драматизировать.

Вот как. Значит, у кого-то было сегодня очень занятое утро.

– А что с той площадкой, про которую так дружно пел дуэт телепата и кулхацкера?

– Внутримир? Я зашла, но, знаешь, там с поиском заключенных сделок не очень. Я не нашла ничего эдакого за последний месяц, что можно было бы притянуть за уши к банкам. Кстати, ты посмотрел про «Соджорн»?

– Дип, – я поворачиваюсь к ней и проникновенно смотрю, пока она не начала нервничать и поправлять блузку.

– Что?

– Ты ужасно умная девочка. Давай ты сама сейчас подумаешь, что именно пропустила?

Она некоторое время побегала глазами по комнате и моему лицу, словно ища подсказку, перевела взгляд на доску и внезапно стукнула себя ладонью по лбу.

- От шести до года! – и ретировалась обратно за терминал.
- Умничка. А пока ты ищешь, я пойду переговорю с Кейвином.

Она только махнула на меня рукой, погруженная в недра Сумсети.

Когда есть закон, большинство структур будут параллельно существовать по обе его стороны. Если есть правительство, то будет другое, альтернативное. Если есть средства массовой информации, особенно подконтрольные в той или иной степени закону – хотя бы в части цензуры – то обязательно появятся другие, неподконтрольные.

Так и с Сумсетью.

Как бы не боролись с ней, не запрещали, не отлавливали и не отпиливали щупальца, но Сумсеть, как параллельный мир коммуникаций, существует и здравствует, и все нынешние правительства, несомненно, переживет, как бы они не надеялись на обратное.

Кто-то считает, что она воплощает пороки. Но мне скорее кажется, что дело не только и не сколько в пороках, а в той непричесанной, дикой энергии, которую способна породить человеческая воля. Это тяга к свободе, где все возможно, все допустимо и где, фактически, все ограничения порождаются только личной моралью или правом сильного. От этого первобытного, во многом, понимания общества мы спасаемся законами, прикрываемся правилами и религиями, но там, в глубине, перед лицом чьего-то бога или Великой

Алхимии, остается только внутреннее моральное чувство, обуздавшее (или нет) свободу, как она есть.

Поэтому я считаю Сумсеть свободой. Но, конечно, осуждаю в меру сил, потому что я, как любой обыватель, хочу, чтобы мои вклады были защищены, личные контакты неприкосновенны и все такое.

– Опять ты, – с отчаянием произнес Джерри Кейвин, когда его ввели в комнату допросов и усадили напротив меня.

– В Управлении обычно говорят «о, божэ», – подсказываю я. – Ты тоже можешь так ко мне обращаться.

– Обойдешься, – буркнул он. – Много чести. А мелкий приятель твой где?

– У меня сегодня карт-бланш, – говорю я и пробегаюсь ментальной энергией по его взъерошенным мозгам. – Мы нашли место предполагаемого датацентра, но там ничего не оказалось. Мои коллеги считают, что все вывезли, но я считаю, что там ничего не было. Кто из нас прав?

– Ты, – без особых экивоков ответил мой собеседник.

– Что ж, хорошо, – я замолкаю и двигаю туда и сюда его воспоминания, от чего он морщится и иногда дергается.

– Разве это не запрещено? – спросил он.

– Запрещено. Но ты и не запомнишь этого. Мы просто поговорили. Очень мило. О твоих многочисленных друзьях, по которым почти бесполезно искать сервера. О том, что их принято перемещать и передавать. О том, что также принято оставлять там, где никто и не знает, что это такое.

– Хорошо быть телепатом. Все вы суки. Но и против вас есть защита.

– Самая верная защита, – подтверждаю я. – Незнание. Трудно поймать черную кошку в черной комнате, особенно если ее там нет.

– Еще как.

– А еще мы поговорили о том, что ты – не только хостер, но и один из создателей этого аукциона, «Внутримира». Один из, но, тем не менее. Какая часть – твоя работа?

– Система торгов. Я не занимался безопасностью, не надейся.

– Тогда скажи мне, разработчик системы торгов, как найти по ним участие конкретного пользователя?

– Думаешь, я тебе за пять секунд прямо так и объясню, как что работает?

– Объясни нашему аналитику, – говорю я, буквально припиливая его к стулу взглядом и капелькой псионического давления на лобные доли мозга. – И я не буду взрывать тебе башку.

– Ты не посмеешь.

– Посмею. И сделаю так, что все решат, что это был твой план на крайний случай, если мы подберемся слишком близко к твоим тайнам.

Некоторое время он обдумывал свои перспективы, но, видимо, решил, что я в самом деле могу это сделать, потому что идет на попятную.

– Я уничтожил большую часть ключей.

– Меня устроит, если мы просто найдем информацию по Коде. Все остальные тайны пусть разматывает кто-то другой.

– Ладно, – согласился он. – Ладно.

Он прекрасно понимал, что это лазейка, потому что служебный телепат не будет так глубоко лезть, и не будет угрожать целостности его мозга, потому что он ограничен правом и законом.

Я прекрасно понимаю, что это лазейка, тоже.

И благодаря нашему общему разделенному пониманию, это совсем не похоже на сделку с совестью ни для одного из нас.

Пока Дип нависала над Свифтом с мобильным терминалом, и он неохотно учил ее, как найти сделки Коды на аукционе, не имея особых прав доступа, я проверяю письма и сообщения, скопившиеся со вчерашнего обеда и даже в самом деле собираюсь заглянуть в подборку про «Соджорн», но мое внимание привлекает аналитика по «Фаради», которую, наконец, мне прислали.

Там два документа: список клиентов со строками цифр и букв, и тот же список, но куда более жидкий и прореженный, но зато с каким-то ссылками.

Это, конечно, не полноценный отчет, а полуребус, но мой ценный корреспондент всегда так развлекается, считая, что раз я играю в сыщика, то выводы должен делать самостоятельно.



Я колупаюсь в этом богатстве некоторое время, и за этим делом застала меня вернувшаяся Дип. Видимо, она по дороге завернула к автомату с едой, потому что в одной руке у нее надкусанная булочка, от которой густо пахнет ванилью и апельсинами.

– Помочь? Что ты там разматываешь?

– Скорее, наматываю. Сопли, например, на кулак, – шутливо жалуясь я. – У меня тут «Фаради».

Дип наклонилась над моим терминалом, обдавая меня запахом своих духов, в котором мне чудится знакомая, но не относящаяся к ней нотка. Чем же так пахнет?.. Но воспоминания мгновенно перебил вкусный сдобный запах булочки, которую она продолжила отсутствующе жевать, и вместо того, чтобы вспоминать, я начинаю адски хотеть жрать.

– Такой беспомощный, – пожурила меня она, откусывая от булки. – Это номера транзакций. Вот, давай посмотрим. Они все от разных людей, вот от этих самых людей, в разное время, но примерно одного периода, конец прошлого года, на счет одного и того же клуба. Можно посмотреть, что это за клуб... Вот. Гольф-клуб «Ликомартис», тут какие-то документы на него есть. Хмммм, сейчас гляну на их бухгалтерию.

Она вернулась за свой терминал, а я начинаю шерстить ссылки из второго файла. Почти все касаются каких-то преступлений или «желтых» расследований, и я не очень все это могу связать воедино. Какой-то лихач сбил старушку,

оправдан. Источники денег какой-то бизнесвумен. Сын политика обвинен в изнасиловании. И так далее. При этом я не очень понимаю, причем тут фамилии, напротив которых стоят ссылки. Это все случайно, как будто бы, и бесит меня ужасно. От злости я запускаю поиск по первому же делу, потом ищу всех фигурантов и внезапно нахожу связь, и она меня прямо-таки поражает.

– Ты знаешь, – начала было Дип.

– Ты знаешь, – говорю в то же время я.

Мы оба замолкаем, и оба по очереди киваем друг другу, мол, давай ты. В конце концов, Дипика сдалась первой.

– Я не вижу по документам, чтобы у этого клуба для гольфа было хотя бы поле для гольфа. Прикинь! Ни в хозяйственных сметах, ни в планах, нигде! Я, вообще-то, начала искать про персонал. Их море, и платит им тот же «Фаради» с зарплатного счета клуба, а вот полей для гольфа нет. Машины, правда, есть, знаешь, эти, такие, маленькие и смешные? А поля для гольфа даже со спутников не видно, я проверила.

– Шикарно. А учредитель клуба кто?

– На первый взгляд левый человек, – поджала губы девушка. – Может, спросим о нем того делового парня, Думара?

– Или самого учредителя.

– Ха, – хмыкнула она. – Если найдем.

– А что, с этим тоже проблемы?

– Проще сказать, с чем их нет! У него основной адрес – в

строящемся доме. То есть, я могу предположить, что на самом деле он живет в том особняке, где клуб. Но это гадания на облаках и шрифте в уставе.

– Значит, Думар, – делаю вывод я.

– А ты что нашел?

– Участники клуба так или иначе связаны с рядом некрасивых криминальных происшествий. Это могут быть... тети, дяди, одноклассники, коллеги. У меня тут данные не на всех клиентов, но, я думаю, просто дела не попадали в сеть? Заминали раньше.

– Очень интересно, – прокомментировала Дип и сморщила нос. – Только вот, – она сделала паузу, и я продолжил.

– Вероятно, это совсем не имеет никакого отношения к делу о краже денег, – я поворачиваюсь к доске и перечеркиваю банк «Фаради» со смешанным чувством. С одной стороны – круто, что крысу я просек правильно, но с другой – совершенно не круто, что вся эта работа ума ничуть не приближает нас к раскрытию основного дела.

– Съездим, все равно? – предложила Дип, которая явно завидует тому, что мы с Кином вчера были в центре событий, а она нет. – Может, ты прав, и вообще вся кража была актом отчаяния, чтобы указать нам на нечистые на руку организации.

– По-моему, больше похоже на терроризм, чем на акт отчаяния, – не соглашаюсь я.

– Зачастую, это связанные интерпретации, – пожала пле-

чами она. – Так съездим?

– Банк «Фаради» далеко. Замучаемся добираться, – предупреждаю я.

– Ничего, в пути поковыряем другие зацепки, – отмахнулась она. – Кин все равно раньше обеда не вернется, ты же сам знаешь.

Стоило нам выйти из Управления, как нам наперерез бросилась вчерашняя приснопамятная девица. Она была все в том же возмутительно-прекрасном мини-платье, так что узнать ее было легко.

– Погодите! Погодите! – закричала она, размахивая сумкой так, что мне кажется, что я сейчас получу ей в рожу, прямо как цепом. – Это же вы двое работаете с Кинслеером? Да? Точно вы!

– Госпожа, гм, не знаю, как Вас там, – попыталась заступить ей дорогу Дип. – По какому Вы вопросу?

– Я по такому вопросу, что, о, небеса, вы с Кинслеером же работаете! Я так ужасно хочу с ним познакомиться! Я видела его в новостях, он всегда ТАК рассказывает про разные дела, там, и о, небеса как, КАК он одевается, он же круче любой кинозвезды!

С последним пунктом мы с Дип, кажется, оба молча соглашаемся.

– Девушка, милая, простите, как Вас по имени? – успеваю вставить в ее словесный понос я.

– Эйрика. Эйрика Вельтури, это я. Вы скажете Кинслееру,

что я хочу с ним познакомиться? Пожалуйста! Вы выглядите таким добрым! А он жутко, жутко крутой!

Я скорее чувствую, чем в самом деле замечаю, как Дипика зашипела на грани слышимости, и это очень забавно, на мой взгляд, и очень мило.

– Разве у вас кого-то не арестовали вчера, Эйрика? – про-никновенно говорю я.

– Брата! Но он сам дурак! Будь я там, я бы ему сразу сказа-ла – не смей варезку разжевать на Кинслеера. Самого Кинс-леера! Подумать только, он посмел свой пистолет на него на-ставить, дебила кусок! Да сама бы его прибила!

Я сочувственно киваю, про себя потешаясь над ситуацией.

Я бы мог предположить, что девица врет или пытается до-браться до Кинслеера с целью жестокой, но справедливой мести или добычи информации... но она звучала совершенно искренне. Вот такая она: увидела в новостях красивого парня, вбила себе в голову и вперед. На такое временное сла-боумие способны даже самые умные люди, что уж говорить о девочках двадцати неполных лет?

– Так чего вы хотите, Эйрика? – спрашиваю я, и в голове у меня начинает оформляться смутная идея.

– Ооо, я хочу, так хочу с ним познакомиться! – умоляюще сложила руки она, и Дип зашипела чуть громче, как испор-ченный сифон. – Пожалуйста!

– Я могу подсказать время, когда он выходит с работы, – говорю я. – Хотя, погодите. Эйрика, а ребята, которые рабо-

тают с вашим братом, или сам ваш брат вам, случайно, никакой компьютерной техники не оставляли?

– А зачем?.. – начинает она, осекается, вспоминая, и радостно подпрыгивает, да так, что ее волнующий бюст колыхается еще пару раз после. – Есть! Какую-то штуку привезли и включили, год назад, может. Я про нее и забыла! Стоит себе в гардеробной. А что?

– Вы можете очень помочь нам в расследовании. Помочь Кинслееру в расследовании, – поправляю сам себя я. – И познакомиться с ним.

– Оооо! – восторженно потянула она. – Ооо! Конечно, конечно, я готова помочь! А что надо делать?

– Пойти в Управление сейчас и сказать, что у Вас есть важные сведения для расследования, которое ведет Кинслеер, – объясняю я. – Сказать, что говорить будете только с ним. И, когда он придет с совещания, рассказать ему о штуке, которая стоит у вас в гардеробной.

– О, – она обернулась на Управление, резко теряя к нам интерес. – Я тогда сейчас же туда побегу! Спасибоочки!

Когда она, сверкая длинными ногами, усвистала в сторону Управления, Дип с шумом выпустила воздух из легких.

– А что? – невинно спрашиваю я. – Вы же не встречаетесь. А девушка такая симпатичная.

Дип молча и жестоко дернула меня за кончик уха, и я, к ее огромному удовольствию, даже вскрикиваю и дергаюсь, специально для того, чтобы ей было приятно.

Впрочем, несколько минут спустя Дип оттаяла достаточно, чтобы спросить:

– Думаешь, у нее там один из этих серверов?

– Думаю, да. И это огромная удача, если так. Потому что просто так обыскивать подряд все квартиры всех друзей и знакомых сотрудников этой конторы и друзей и знакомых друзей и знакомых и так далее нам просто никто не даст. Тем более, что эта зацепка уже толком не имеет отношения к кражам и их статусу угрозы нацбезопасности.

– То есть, это в самом деле может быть полезно, а я дура, да?

– Ты не дура, – не соглашаюсь я. – Но, если там в самом деле сервер, и она нам сама его выдаст – у нас будет изрядный кусок ключика к этому Внутримиру. Это было бы чистое везение.

Дип попытала еще немного и тяжело вздохнула, глядя в окно флаера.

– Так говоришь, не встречаетесь? Но хотелось бы?

– Ой, да иди ты в задницу! Или про «Соджорн» читать. Там, в заднице.

Я отворачиваюсь от нее, тоже, демонстративно закрываю глаза и погружаюсь в глубокую медитацию. В обидки таким нехитрым образом я вполне могу играть вплоть до приезда – мне уж точно не надоест.

Все тот же небольшой офис встретил нас искренним недоумением секретаря.

– Господин Думар сейчас не в офисе. Я, к сожалению, не знаю, когда он будет. Могу принять от вас сообщение для него.

– Вы знакомы с его планами? Где он должен быть сейчас?

– Это закрытая информация.

– А мы расследуем дело, касающееся национальной безопасности, – тут же начала давить Дипика. – Директива 22, знаете такую? Мне вас арестовать за препятствие следствию?

– Он... он предупредил, что будет на встрече с партнерами. Но не сказал где, и когда его ждать обратно.

Дип критически сощурилась и перевела взгляд на меня.

– Будем отслеживать по номеру комма?

Я покачал головой.

– А господин Дональдсон на месте? – спрашиваю я.

– О, да, он есть. Он всегда есть.

– Можем мы пообщаться с ним в вашей переговорной?

– Конечно, – с облегчением согласился секретарь.

– Зачем тебе этот... Дональдс?

– Он боится своего босса сильнее, чем тюрьмы, – я выбираю себе место так, чтобы с камеры слежения нельзя было разобрать мои слова по губам, и поворачиваю стул для Дональдса так, чтобы обезопасить и его. После чего включаю генератор и глушилку, чтобы создать белый шум на вероятных подслушивающих устройствах.

– Д-добрый ддд-день, – поздоровался наш старый знакомец, присаживаясь на самый край дорогого кресла. – А...г-



го-сподина Д-думара нет.

– А мы в курсе, Стив, – киваю ему я. – Мы хотели поговорить именно с вами.

– С-со мной? – Дональдс сделал страшные глаза. – Но что я могу знать?

– Думаю, намного больше, чем вы сами считаете, – уверенно говорю я. – Во-первых, если босс спросит нас о чем мы разговаривали, в ваших интересах сказать, что мы снова обсуждали вопрос проведенной Вами трансакции. Вы меня понимаете?

– Д-да, – он кивнул, испуганный, похожий на несчастную, очень запуганную и лысую мышь. Неужели денег на пересадку нет? Разве ценному бухгалтеру с доступом к совершенно деликатной информации не должны платить прямо так изрядно?

– Хорошо, Стив, – говорю я и самую малость касаюсь его психического фона своим, чтобы успокоить. Он не врал мне раньше – только жутко боялся своего шефа, и вряд ли будет врать сейчас, главное – задать правильные вопросы. – Скажите мне, что Вы знаете о клубе «Ликомартис»?

– Это... это т-т-ам с-состоят все н-наши клиен-нты. И они н-на, – он проглотил последнюю букву, видимо, опасную для себя. – З-зарплатный к-клиент.

– Вы знаете учредителя и директора клуба, госпожу Шеллассис?

– Л-лично, м-мало. С-совсем н-нет. Н-но я в-вижу все сч-

чччч...

– Счета, – мягко говорю я. – Но кто она?

Стив упрямо посмотрел на меня, молча, и губы у него едва заметно подрагивали, вместе с кончиком носа.

– Г-господин Д-думар меня уволит.

– Он не узнает.

– Т-тут пр-пр...

– Я заглушил. Скажите мне, кто она?

– Его л-л...л-любовница.

Я торжествую внутри себя.

– То есть, если мы хотим ее найти, нам нужно искать Думара?

– Ск-скорее всего, – я вижу, что ему страшно, но, кажется, я и закон в моем лице его пугаем еще сильнее.

– Что вы можете сказать о деятельности клуба?

– Они н-ничего н-не д-делают, – почти неслышно ответил Стив после паузы. – Т-только вз-зносы пл-платят.

– Не переживайте, мы так и подозревали, – говорю я. – Вы просто подтвердили наши подозрения. Вы знаете, что связывает членов клуба?

– Есть с-слухи, – кротко сказал Стив, опуская глаза в стол. – К-кузен г-господина Д-думара – прокурор. М-мы п-пл-платили с-чччччета з-за банкеты. Якобы ббб-банка. Д-для н-него.

Это куда больше информации, чем я надеялся получить, и куда больше, чем Стиву стоило бы знать для собственной

безопасности. И картинка, вроде бы, складывается, только вот к краже она в самом деле не имеет отношения.

– Спасибо, Стив, – говорю я. – Вы нам очень помогли. Мы постараемся не упоминать Ваше имя при предъявлении обвинений господину Думару, а Вы уж, пожалуйста, сами себя не подставляйте. Помните, мы говорили о том злополучном переводе.

– Д-да, к-конечно, – торопливо кивнул он. – С-сп-спасибо.

– А я всегда говорила, что нам ужасно нужен нормальный телепат в команду, чтобы проводить допросы эффективно, а не абы как, – безлично похвалила меня Дипика, когда мы, к огромной радости секретаря, покинули офис «Фаради».

– Хочешь сказать, Кин допрашивает хуже, чем я?

– Да. А я и вовсе в этом отношении кура. Или овца. Не то блею, не то кудахчу. А ты своим шаманским взглядом как помотришь, так они все и готовенькие.

– Ты же знаешь, что без ордера нельзя лезть людям в головы.

– Я также знаю, что если ты «почуял крысу», то сделаешь это все равно. Это-то и круто.

– А вот то, что с этим можно попасться – не круто. Но я в самом деле стараюсь влезать по минимуму. И никогда не лезу к тем, кого нет оснований подозревать.

– Да ты у нас просто сокровище, – с ехидцей подтвердила Дип.

Я некоторое время перекладываю ее слова так и эдак, пы-

таясь понять, чего в них было больше – искренности или сарказма, но так и не прихожу ни к какому мнению, а в голову ей лезть в самом деле не собираюсь, хотя ее щиты я бы точно прошел. Это уж точно работа Кольбейна – Старик примерно так лепит всем, и меня так учил, так что я могу их разобрать даже не напрягаясь. Но я не хочу: во-первых, мораль, во-вторых, смысла нет, а в-третьих – так не интересно.

Заскучав, я возвращаюсь к делам Фонда. Хваленые вирусные ролики оказываются полным дерьмом, или просто это я ничего не понимаю в современном искусстве пиара. Практически все остальные данные – бухгалтерская скучища, проверенная нашими бравыми финансистами, уже просмотренная мной и практически полностью бессмысленная для меня. А вот медиа-план привлекает мое внимание, и я провожу некоторое время за сравнением данных, радуясь, что чувство задницы, кажется, меня не повело, и конкретно здесь зарыта какая-то жирная, жирная и изрядно подванивающая крыса, потому что медиапланы, выданные нам по запросу, и взятые с серверов Фонда отличаются друг от друга.

– Ну, вот, все примерно понятно, – радостно объявила Дип спустя некоторое время. Видимо, она тоже проводила время продуктивно.

– И что же тебе «все понятно»? – уточняю я, откладывая пока свои изыскания.

– Я пробила через Министерство соцразвития всех родственников нашего Думара, последовательно, и действитель-

но обнаружила там одного прокурора. И, если подтянуть немного, можно прикинуть, как он мог повлиять на те дела, про которые мы знаем. Это дает нам достаточно простую схему. Все эти люди замешаны в разных криминальных делах – и мы даже можем теперь искать по членам клуба и их родне темные пятна и гарантированно найти! Вероятно, прокурор лично, или при посредничестве Думара, оказывал им соответствующую помощь. Влиянием, прямыми приказами или просьбами – без разницы. А эти люди, кому была нужна помощь, становились членами клуба и платили «длинный кредит» за это. Это дополнительно связывало их своего рода круговой порукой и наверняка позволило творить еще какие-то коррупционные дела. Классно. Все очень классно, и надо разматывать, только аккуратненько, потому что тут могут быть замешаны люди и покрупнее прокурора.

– Это дело для Кинслеера, – хмыкаю я. – И для управления по борьбе с коррупцией.

– Да, надо будет их всех порадовать. Но «Фаради» точно к кражам не имеет отношения, так что они идут в минус и в разработку на другие, более светлые времена. Ты, кстати, про «Соджорн» посмотрел?

– Нет, конечно, – отмахиваюсь я. – Я что, похож на юного аналитика УБР, чтобы бежать и делать, как только велели?

– Похож, – отрезала Дипика. – Иди и читай.

– А ты иди и проверяй, что там можно собрать по данным на заказы Коды и на заявки, которые можно за уши притя-

нуть к банкам.

В пику ей, я вместо этого зарываюсь в документы, полученные с сетевых хранилищ «Детей науки», и сильно подозреваю, что она, в пику мне, тоже занялась чем-то совершенно противоположным. Впрочем, у нас тут столько всяких документов, счетов, отчетов и результатов проверок, что копание в любом направлении будет серьезным подспорьем.

– Ту проблему, когда деньги пропали в пути и появились потом неизвестно откуда, решили, кстати?

– Нет, – отсутствующе ответила Дип – Вернее, не совсем. Там такое чувство, что деньги физически сняли и наличкой положили в другом месте. Вернее, там, в общем, в первом случае речь идет о выемке в драгметаллах по курсу. А там, где они появляются, они пришли из ломбарда, в виде стоимости заложенных драгоценностей. Этот ломбард пытаются вытрясти, конечно, а вот записей там, где была выемка средств, почему-то нет. У них там служба безопасности банка волосы на заднице рвет от ужаса, потому что кто-то просто взял и стер. С учетом того, что сделать это было у них особо некому, это либо внутренний саботаж, либо взлом и внешняя диверсия.

– Очень классно, – хвалю я. – Этот Кода – просто чудо. Нам бы такого парня в команду.

– Ну уж нет! Чтобы он в любой момент мог выпотрошить наши счета?

– Дорогая, я в любой момент могу выпотрошить твою го-

лову. Но, тем не менее, мы чудесно ладим.

– Пожалуй, это аргумент, – согласилась Дип. – Но я все равно не хочу. Кстати, с чего ты вообще решил, что это парень? Может, девчонка? Например, та фифень, которую ты отправил к Кину, как ее? Эйрика.

Я обдумываю этот вопрос со всех сторон. Причин считать Коду мужчиной, в самом деле, не было, кроме, вероятно, моих собственных представлений об этом человеке.

Впрочем, вряд ли это Эйрика.

– Интересно, кстати, как прошло их общение, – хмыкаю я.

– Так давайте же уточним, – предложила Дип и написала нашему боссу. Через пару минут на ее лице появилось злорадное выражение, и она сказала. – Он грозитя тебя убить.

– Как конкретно и за что конкретно?

– А что, много есть за что? За Эйрику.

– А, по-моему, прекрасная девушка. Если ему такой фанклуб не по душе, я согласен забрать себе.

– И что же в ней такого прекрасного?

Я молча обрисовываю в воздухе контур женской фигуры с изгибами в правильных местах.

Дип вздохнула с преувеличенным отчаянием.

– Он сказал, что достанет твои мозги через нос и заставит тебя их сожрать, – зачитала она с особым садистским удовольствием.

– Господин знает толк в извращениях, – комментирую я.

– Потому что, он говорит, только так можно полноценно

остановить телепатическую деятельность, чего-чего? Это он всерьез?

– Нет, конечно, это легенды, порожденные зверской живучестью альваров, – отмахиваюсь я. – Он что, консультации у маворсов брал?

– А что надо делать, чтобы остановить телепатическую активность?

– Сунуть в ительдиновую клетку или сжечь, – спокойно отвечаю я. Это медицинский факт, освещенный во многих учебниках по биологии, в конце концов. – Кислота тоже подойдет, но пока кислота действует, телепат может еще успеть надергаться на пару смертей экспериментаторов. А вот от температуры плохеет быстро.

– Брр! – отозвалась Дип.

– Вы с Кином первые начали, – пожимаю плечами я. – Интересно, а как убить Кина?

– А что такого? Как любого другого, – отмахнулась Дип, и в ее голосе я прямо-таки чую фальшь. Полностью или нет, но какие-то тайны дорогого капитана она знает – и тщательно хранит.

– О, сомневаюсь. Тем более, что прошлый состав вашего управления чуть ли не в полном составе попал в ловушку и не выжил, кроме Кина.

– И меня.

– И тебя. Но ты осталась в живых не потому, что мистически оказалась живой среди горы обожженных трупов, а по-



тому, что в этот момент лежала в больнице с огнестрелом после перестрелки.

– И Кин до сих пор меня с собой на выезды старается не брать, – поябедничала Дип. – Разве это справедливо?

– Справедливо. Ты аналитик – вот и анализируй. В том числе, почему это справедливо.

Когда мы снова появились в Управлении, нас встретила укоризненная спина Кинслеера, размещенная перед моим художеством на доске. И он даже не стирал мое творение, а старательно дорисовывал туда какую-то мохнатую гусеницу. Приблизившись, я вижу, что на гусенице написано «Иль».

– Похоже? – спросил он самым серьезным тоном.

– А что это? – Дип невинно помахала ресницами.

– Это телепатическая гусеница. Она чует крыс на расстоянии до пяти километров и умеет приносить кофе. Подвид называется Иль Вульгарис.

– Ты смотри, как бы я тебя там не нарисовал, – угрожаю я со смехом.

– Кофе, кстати, где?

– Вот же вы люди, – деланно восхищаюсь я, потому что про кофе, конечно, с Дип совершенно забыл. И она, кстати, забыла. – Пару раз сделаешь вам хорошее по своей инициативе, так на третий раз вы сразу думаете, что уже и обязан.

– Нету? Ну и ладно. Я позвоню в кофейню и попрошу принести нам тогда, – примирительно сделал вид, что не услышал мое ворчание Кин.

– Лучше скажи, что там с этой Эйрикой.

– Может, лучше про Кольбейна рассказать?

– Со Стариком и так все ясно. А вот что там было у красивой девушки в квартире, нам очень даже интересно.

– Сервер у нее там. Один из узлов, как, я думаю, ты и надеялся, когда ее на меня сваливал.

– Нам это поможет?

– Скорее, в общеполитическом смысле, чем в текущем расследовании, но да. Мы его переключили на резервный блок питания, подключили к сети через виртуальную карту, и тихооооонько перевезли в управление кибербезопасности. Они будут изучать его работу и, может быть, мы узнаем больше о работе и Сумсети, и этого аукциона. В перспективе – это серьезная продвижка в сторону борьбы с киберпреступлениями, а вот для нас – практически пустышка. А что у вас? Я заметил, что «Фаради» перечеркнут.

– Да, и мы туда ездили немного подбить хвосты, – подтвердила Дип. – Там коррупционная схема, целый клуб любителей альтернативного правосудия. Работы непочатый край, но, опять-таки, к кражам отношения никакого. Зато я проверила все заказы, которые брал Кода, это раз.

– И что там?

– Он достаточно часто берется за дела, связанные с обеспечением кибербезопасности переговоров, шифрованием передачи данных и, внимание, финансовыми операциями. Так что, я считаю, наш вариант. Кроме того, я поискала

по всем заданиям последнего года, и кто, вы думаете, брался за задачу по добыче или созданию верифицируемых личных данных для взятия кредитов в нескольких банках?

– Кода, – легко угадал Кин.

– Точно. Я не знаю точных результатов, но у него «плюсик» за это дело.

– Что-то еще интересное?

– В его профиле уже недели две как статус «на деле», но нет открытых сделок, что значит, что он взял какое-то дело не на аукционе. Может, от кого-то, с кем работал раньше, напрямую.

– А может, и нет.

– Точно. Благодаря нашему гостю я нашла все его выполненные заказы, но информация по контрагентам, мягко говоря, скудная. Мы даже не знаем откуда они. Их адреса указывают только на используемые гейты Сумсети, и они разные каждый раз. Платежные данные скрыты, и Свифт просто любимым братиком и его здоровьем клянется, что эту часть ваял не он и никаких доступов никогда не имел.

– Ты ники-то пробей. С вариациями, в обычной сети, – подсказываю я. – Многие преступники палятся на привязанности к определенному сочетанию букв и аватарке. Это глупо, но работает.

– Да, даже при использовании подложных документов такое встречается, – согласился Кин. – Берут доки на то же имя, но с другой фамилией, например, потому что им нра-

вится, или бояться не отозваться на «не свое» имя.

– Проверю, конечно. Но это искать иголку в стоге сена, – она, видимо, начала вводить данные, но тут же нахмурилась и последовательно несколько раз нажала на ввод, все с большим напором. – Что за?..

– Что-то не так?

– Проверьте сеть у вас есть?

Но мы даже не успели это сделать. Раздался сигнал аварийного оповещения, и металлический голос автомата сообщил:

– Внимание сотрудников Министерства. Все учетные записи отключены. Доступы к базам данных и общим документам аннулированы. Внешняя связь отключена. Просим соблюдать спокойствие, ведутся работы по обеспечению безопасности конфиденциальной информации.

– Что за дерьмовщина? – вскинулся Кин и бросился звонить кому-то, видимо, из управления кибербезопасности. Конечно, ему никто не ответил, как и Дип.

– Да если они что-то делают, хрен они нам ответят, – пожала плечами она.

– Тогда мы пойдем и спросим лично, – Кин не собирался сразу сдаваться. – Что такое-то, хоть бы объясняли нормально!

У меня есть теории, но только теории, поэтому я горячо поддерживаю инициативу хотя бы из чистого любопытства.

Мы пробирались по коридорам к Управлению Кибербез-

опасности, и это была не самая легкая задача, потому что значительная часть сотрудников министерства была занята примерно тем же, чем мы, а именно – установлением причин тревоги и такого серьезного блекаута.

Перед дверью, ведущей к, непосредственно, общему залу искомого управления, концентрация людей на квадратный метр превышала уже всякие разумные границы. Кин разочарованно остановился, потому что продвинуться дальше не мог даже он, не говоря уже обо мне.

– Дерьмовщина, – повторил он, с тоской вытягиваясь во весь свой невеликий рост.

Нам везет, потому что там, в конце коридора с трудом приоткрылась дверь, посылая волну по плотному массиву рвущихся к истине тел, и один из сотрудников управления кибербезопасности проорал в толпу:

– Кинслеера позовите сейчас же!

Кин забавно подпрыгнул и помахал рукой над головами, чтобы показать что он тут.

– Уже иду! – крикнул в ответ он, и на этот раз толпа перед ним покорно разжижилась, пропуская. Мы с Дип, впрочем, в круг избранных не вошли.

– И что? – скривилась она. – Опять ждать?

– Я тогда пока кофе принесу, а то вы от меня не отстанете, – решаю я. В самом деле, тревожный конец дня – самое время для кофе.

На проходной тоже полный бардак. Отключенные системы доступа и базы создали нехилый форс-мажор для при-  
выкших во всем полагаться на них охранников, поэтому ка-  
бина прохода была отключена, сканер отключен, в проеме  
стоял недовольный охранник, а на вход – целая толпа. На вы-  
ход толпы нет, но я прекрасно вижу, что значительная часть  
толпы – это сотрудники министерства, которые выскочили  
за мороженкой, на выезд, в суд или по какой еще надобно-  
сти, а теперь не могут попасть обратно. Ну, укс.

Именно поэтому я сначала удостоверяюсь, что охранники  
меня помнят, и только потом прошу выпустить меня на волю  
«на пять минуток». Помнить меня, конечно, дело не хит-  
рое – я один тут такой, но, все же.

Я двигаюсь на выход, потихоньку распахивая толпу, пока  
внезапно не утыкаюсь взглядом в три бумажных стакана в  
картонном подстаканнике.

Нет, они, конечно, не в воздухе висят: их держит тот са-  
мый, видимо, наш бариста – но я-то «девочка с Давоса», и  
мне никогда в жизни его не запомнить без помощи специ-  
альных средств. На стаканах, как положено, написано ноль,  
один и два, и я немного подзависаю, пытаюсь понять, откуда  
такое счастье. Неужели Кин успел позвонить?

Бариста отдает мне стаканы, и я автоматически забираю  
их, затем протягивает портативный терминал для оплаты.

– Кинслеер заказывал? – уточняю я, не сильно ожидая от-  
вета. Парень неразговорчив до невозможности.

– Нет, – отвечает он. – Жест доброй воли. Вы с девочкой были задрюканные, когда вернулись.

– В самом деле, – соглашаюсь я.

– Часто тут так весело? – он кивает на толпу разгневанных сотрудников.

– Нет, это специальное событие, – хмыкаю я. – Спасибо.

– На здоровье, – он убирает терминал и едва заметно прихрамывая идет к выходу, а я поворачиваюсь обратно к пропускному пункту, когда у всей толпы внезапно и одновременно начинают гудеть коммы. Сообщение за сообщением, оповещения за оповещением, они дергаются, сверяются друг с другом, и я присоединяюсь к общему интересу, хоть у меня ничего подобного и не происходит. И к кому бы я не сунул нос, у всех одна и та же картина. Подряд с небольшой задержкой приходящие оповещения о поступлении средств: по одному микрокредиту за раз, с меткой зачисления зарплаты и сообщением: «фонд». Это все очень мило, но народ бесится, ругается, пытается выключить оповещения, звонит в банк, звонит в бухгалтерию, и пуще прежнего рвется на вход.

В этой борьбе я, впрочем, побеждаю, рискуя в отсутствие начальства применить свои сионические способности для высвобождения коридора для себя, и охрана пропустила меня в здание.

– У Вас тоже оповещения по капельке? – уточняю я.

– Угу, – мрачно кивает ближайший охранник, и вслед мне тут же несется ожидаемое:

– Эй! Почему его пропустили, а нас нет?

– Потому что Гиллернхорна я помню, – огрызнулся мой собеседник. – А вы кто такие я не помню и знать не знаю! Вот ваше начальство придет, так сразу и узнаю.

Пока я двигаюсь по коридорам до нашего Управления, со всех сторон вижу, как все Министерство асинхронно вздрагивает от продолжающихся оповещений. Настоящий золотой дождь, только вот интересно, кто нас так обоссал?

К моменту моего триумфального возвращения Дипика как раз дорисовывала новый злобный огуречик на доске, подписав его как «Кода», в процессе едва не сломав фломастер от усилия. За одним из терминалов сидел печальный парень из отдела кибербезопасности и что-то настраивал, а Кин ходил туда-сюда с такой целеустремленностью, словно решил проходить в полу дырку длиной от стенки до стенки.

– У нас все плохо? – спрашиваю я, оценив диспозицию.

– Но только что стало лучше, – отозвался Кин, отнимая у меня свой стакан.

– А если серьезно?

– А если серьезно, то, похоже, ты был прав.

– Что, что вы с Дип все-таки встречаетесь? – невинно уточняю я, раз у Кина руки заняты стаканом.

– Что это финансовый терроризм, – недовольно ответил Кин.

– Я видел, что у всех в Министерстве, кроме меня и кого-то, вероятно, еще сплошняком приходят сообщения о за-



числении денег, все от нашего банка, и все с сопроводительным сообщением «фонд», – говорю я.

Кин молча показал мне свой комм, тоже заполненный такими сообщениями.

– А у тебя, значит, не приходят.

– Нет. Я думаю, это потому, что я не получаю зарплату в Министерстве, – резонно предполагаю я. – Что значит, что это все – ваши собственные деньги, вероятно, будущая выплата зарплаты, только вот так оригинально разбитая на части.

– Тогда это надолго, если банк все это не остановит, – Дипика села за свой терминал и пробежала глазами сообщения. – Бухотдел сообщает, что они связались с банком, и там ничего не могут сделать, потому что их учетная система «не поддается контролю».

– Проще говоря, взбесилась.

– Взбесилась, – согласилась Дип. – Я надеюсь, они сейчас поступят как мы – отрубят все внешние связи и будут ловить вирус.

– А мы ловили вирус?

– Да, – ответил вместо моих коллег парень из кибербезопасности. – Этот хренов сукан, оказывается, взломал не Министерство Экономики, а нас. И мы, наконец, это нашли.

– Потрясающе, – говорю я, старательно заменяя совсем уж нецензурный вариант на ходу.

– Мы начали чистить, но наверняка нашли не все. Поэто-

му сейчас все будет несколько проблемно.

– И поскольку это связано с делом, которое висит на нас, а не на ком-то еще, сам понимаешь.

– Это означает, что у нас, хотя бы, в отличие от всего остального Министерства, будет оперативный доступ к информации о том, что происходит в недрах кибербезопасности, – нахожу светлый момент в этом я. – Там такой курятник внизу, вы бы видели.

Кибербезопасник – его как-то зовут странно, Лад? Кажется, Лад, – отмахнулся.

– Да, понятно. Сейчас тут везде курятник.

– И когда произошел взлом?

– Мы еще не проверяли. Надо будет поднимать бекапы последовательно, но у нас просто не хватает людей, чтобы одновременно искать и затыкать дыры и проводить расследование. Все-таки, прекращение вмешательства – в приоритете.

– То есть, мы можем с уверенностью заключить, что Кода взломал банки через нас.

– Да. Скорее всего.

– Остается понять, как Кода взломал нас, поймать Коду, и что там еще?

Дип возмущенно вытянула в мою сторону руку с коммом, на котором мигало 100+ сообщений от банка.

– Фонд, мать его!

– Который, как назло, Тир просто умоляет отпустить с ми-

ром. Даже Старика накрутил про это. А Старик накрутил нас.

Я некоторое время молчу, задумчиво растирая шрам свободной от кофе рукой.

– То есть, Кода, как вы мне все намекаете, взломал нас, чтобы указать на фонд. Зачем-то нам, хотя у нас тут фонд толком деятельности не ведет, а ведет ее в Созвездии.

– Может, не надеялся докричаться до Тира напрямую? Тир же в упор там ничего не видит плохого. Этот Кирсло его друг детства, или что-то вроде. Как уж тут обвинять, чтоб услышали?

– То есть у нас тут Кода внезапно благородный разбойник, который пытается рассказать о каких-то неведомых преступлениях, – критически резюмирую я.

– За исключением того, что он совершенно точно – злостный преступник, потому что это все, – Кин потыкал в сторону Лада, потом своего комма. – Никуда не годится! И сообщения все еще приходят!

– Просто надо быть скромнее и зарплату поменьше иметь, – злорадно выворачиваю я. – Вот у меня нет денег – нет проблем!

– Некоторые из нас иногда кушать хотят, и праной, в отличие от других некоторых, не питаются, – обиженно сказала Дип. – А для покушать нужны денежки.

Я качаю головой, потом решительно разворачиваюсь на выход.

– Ладно. Пока тут нет сети, все равно нет смысла высидить яйца. Это я могу делать и дома, с сетью и в относительной безопасности от Коды, потому что он, надеюсь, туда еще не добрался.

– Блажен, кто верует, – проворчал Кин, но махнул рукой, отпуская меня. – Вали нафиг.

И, да, именно туда я и сваливаю.

## Глава 5. Moonlight shadow

Непреложный закон местной кофейни гласит: если твой бариста вчера дежурил до вечера, то сегодня будет другой, потому что они поменялись сменами. Так что я, конечно, заглядываю на всякий случай в витрину, но нашего парня не видеть, так что я прохожу мимо.

Видимо, я был не первым, кто сунул туда нос, потому что рядом с гостевым-моим терминалом стоит кофе из аппарата. Дип при этом без особого удовольствия употребляла свой утренний кофеин, тоже, а Кин хмуро изучал нашу доску с рисунками.

– Мне твой схематоз не нравится, – пожаловался он.

– Звучит, как название болезни, – отмечаю я, занимая свое стратегическое место за терминалом. На доске новый «огуречик», снова – Министерство экономики, и к нему от Коды ведет жирная линия.

– Наша болезнь называется «Кода», – сумрачно сообщила Дип. – Потому что это из-за него я теперь застряла намертво в проверке дохрена часов видеозаписей с проходной и внешних камер, как и все условно свободные глаза.

– Это еще почему?

– Потому что, похоже, мы были «точкой входа» для его деятельности, и наши кибербезопасники считают, что он это сделал, физически подцепив какое-то устройство к одному

из терминалов. Примерно определили по логам первое вмешательство, и теперь от него отматываем назад, пытаемся понять, кто это вообще был.

Я громко и неприлично фыркаю.

– Если он забрался настолько глубоко, то видео тоже должно быть подчищено.

– Я тоже так считаю. Но вдруг? Не тысяча же у него рук, и не мозг размером со звездный крейсер «Непотопляемый», чтобы все предусмотреть. Вдруг прокололся.

– Маловероятно. Ну да чем бы дети не тешились, лишь бы не плакали, – я киваю на рисунок на доске. – Что, минэкономики тоже в заднице?

– Да, но наша задница гуще, потому что их, как и центральный узел, взломали через нас.

– Затрудняюсь представить степень нажористости этого фиаско. Наша информация, в итоге, вся слита?

– К счастью, у нас тут полно параноиков. Материалы исследований и все, что касается внутренних коммуникаций Министерства, хранится физически отдельно. Это другая сеть. Скомпрометировано все, что касалось внешних взаимодействий.

– Неужели за столько времени... сколько, кстати? Никто не умудрился передать вирус на внутреннюю сеть?

– Около семи месяцев.

– Нет, почему, передали. Но он оказался бесполезен, потому что его разрабатывали под другую операционную си-

стему.

– А обзывались на отдел информационных технологий, что они маразматики с этой древней альварской операционкой на внутренней сети, – прокомментировала, не отрываясь от своего занятия, Дип. – Но вообще-то это полный разгром.

– Я даже не знал, что она альварская, – с интересом говорю я.

– Ну так они на нее натянули оболочку от ИАОС, – Дип дернула плечом. – Так что ты и не видел разницы. Ты же не колулался в сборке.

– Да я даже разрешение экрана не менял, – признаюсь я. Мне действительно обычно совершенно не до того.

– В общем, альвары снова спасли мир, хотя даже и не планировали, – Кин несколько принужденно улыбнулся. – Как будет «слава альварам» по-альварски?

– Понятия не имею, – говорю я. – Моего знания альварского языка достаточно для того, чтобы попросить передать соль и вступить брак, и, в общем, на этом все.

– Это какой-то новый базовый уровень, – развеселилась Дип.

– Вот ты смеешься, а для самых незначительных и самых больших изменений обычно требуются одинаковые усилия, – наставительно сообщаю я.

– Ага. Титанические, – вздохнула Дип. Кажется, ей предстоит просто ужасный день наедине с видео.

Я очень ей сочувствую, но разделить это бремя не предла-

гаю, потому что искренне надеюсь получить другое, на выбор, так сказать.

– Ладно, Дип у нас тут в видеорабстве, а остальные юниты куда? – кофе совершенно не вкусный, и я выливаю остатки в биокорзину и бросаю туда же скомканный стаканчик. – Какова повестка сегодняшнего дня?

– Догадаешься сам?

– Фонд, фонд, или фонд, – предлагаю я свои варианты.

– В самом деле, – хмыкнул Кин. – Я планирую еще разок наведаться в их местный офис и разграбить все, что еще не разграблено, дозапугать всех, кто еще не дозапуган, и все такое. Ты со мной, или хочешь сегодня посмотреть увлекательные документалки из жизни Министерства?

– Не бойся, я тебя не брошу, – вальяжно отвечаю я, как будто бы Кин меня умолял, а я благодушно согласился. – Тем более, что у меня для них готов целый блок новых вопросов.

– Да? Это когда это ты успел? – оживился Кин.

– Вообще-то, вчера, но все тут так бегали, и было так весело, что просто не успел рассказать.

– Ладно. И что там?

Я открываю на своем/гостевом заново подключенном Ладом терминале файлы, которые смотрел вчера: два медиа-плана, и запускаю разрекламированный нам видеоролик.

– Что это за дерьмовина? – уточнила добрая Дип.

– Это та самая вирусная реклама, про которую нам так



прекрасно хором пели господа из Фонда, ло-Джахеррам и Сорель. Правда, крутая? А это их медиаплан. Один – по версии Сореля, присланный нам, а второй из бухгалтерской отчетности, которую мы достали из их хранилища. И они разные.

– Это может говорить о чем угодно, – возразила Дип, радостно оторвавшись от своего муторного и совершенно бесполезного занятия. – Например, они хотели произвести на кого-то впечатление, и поэтому дали другие цифры. Или им ужали финансирование в последний момент. Мало ли что!

– Да, – подтверждаю я. – Они немного запаниковали после нашего появления. Им надо было показать, насколько широко они крутили этот ролик, чтобы мы поверили в то, что они в самом деле сами могли бы поверить в море денег, на них падающее. По-моему, тут чистой воды ошибка на нервах.

– Которая, как сказала Дип, в общем-то, ничего толком не значит. Они в самом деле могли просто испугаться тебя и повышенного внимания к себе, и поэтому выдать тебе «более лучший» план.

– Тут есть еще один момент, – я тыкаю пальцем в монитор, в одну из строчек отчета из бухгалтерских документов. – Видите, за ротацию в целом все оплаты принимает одна фирма – «Медиасервис». Это вполне приличная организация. А вот тут тоже «Медиасервис».

– И что?

– Читай по буквам. Вернее, по цифрам. Реквизиты это-

го «Медиасервиса» совершенно другие. Это можно без проблем пропустить, или списать на какой-нибудь мелкий мухлеж, но этот «Медиасервис» вполне себе дерьмовина. Их учредитель и директор – совершенно не впечатляющий персонаж, состоящий на учете как наркоман и не имеющий реального места жительства. Нравится? Мне очень.

– То есть, либо они выводили какой-то откат, либо тут что-то серьезней.

– Именно. А что это, конкретно, я думаю, как раз и надо уточнить у наших друзей из фонда.

– Молодец, – резюмировал Кин. – Именно этим мы и займемся.

Полный воображаемых картин будущего счастливого завершения расследования, про «Соджорн» я вспоминаю, конечно же, когда мы уже совсем подъезжаем к офису, арендуемому фондом. И это уже слишком поздно для того, чтобы что-то начинать изучать. Снова. Я немного ругаю себя, но в целом отношусь к промашке снисходительно, потому что в целом я же такой хороший мальчик.

Офис почти пуст: полностью приостановленная деятельность фонда порадовала работников внезапными каникулами, так что на месте мы застали только Сореля и Ло-Джахеррама, которые, видимо, как настоящие капитаны решили покинуть тонущий корабль последними. Ло-Джахеррам выглядел совершенно разбитым, куда хуже, чем в первый наш визит, и, кажется, уже был готов начать жевать свой галстук

при виде нас, но вместо этого постучал зубами о стакан, в руках с которым мы его и застали. Даже с двух метров я чувствую запах сильного алкоголя. Сорель визуально более спокоен, но мне кажется, что это только внешнее.

– Господа. Чем мы можем вам помочь? – уточнил Ло-Джахеррам, совладав с собой. Ну, правильно, меня-то он узнал, но в прошлый раз со мной была Дип, а не Кин, так что он мог предположить, что тут что-то новенькое.

– У нас есть несколько уточняющих вопросов по вашей рекламной кампании. Мы можем переговорить с каждым из вас по очереди?

Мевз с трудом поставил стакан, поднялся и пригласил нас в свой отгороженный уголок.

– Когда нам снова разрешат работать? – рискнул спросить он. – Почему бы вам уже не забрать все эти деньги и не позволить нам вернуться к нашим делам? Мы теряем время. Много времени, которое могли бы потратить с пользой, спасти детей, помогать им.

– Вы можете нам помочь с этим. Чем быстрее мы закончим расследование, тем быстрее офис начнет работу. Расскажите нам о своей последней рекламной кампании. Той, которая вирусная.

– Той? – он явно немного сбился с толку. – Ролик я сам готовил – сценарий писал, и режиссировал. Я обработал информацию о нескольких сотнях рекламных сообщений, которые смогли стать модными и распространяться самостоя-

тельно, на основании этих данных построил модель сценария и выбрал героев. Это была очень продуманная, серьезная работа.

– А где его размещали?

– У вас наверняка был в документах медиаплан. И мы даже, кажется, вам его специально еще раз отправляли, – он вопросительно посмотрел на меня.

– Действительно, – киваю я. – Но они разные.

– В смысле, разные?

– В том, что вы прислали мне, значительно больше площадок, – я дожидаюсь, пока Кин протянет ему планшет с открытыми на нем планами. – Узнаете свои материалы?

– Да, но, – он близоруко сощурился и поднес планшет к самому носу. – Вот этот, он просто старый. Мы его согласовывали, но нам урезали финансирование.

– Его прислал господин Сорель, когда я попросил показать мне этот документ, – поясняю я.

– Не представляю, – он продолжил щуриться и сличать документы. – Почему он отправил Вам старый план? Может, перепутал?

– Также, в более новом варианте почему-то два контрагента вместо одного, – продолжил Кин.

– Как это два? Мы все размещения всегда берем в «Медиафере». У них хорошие скидки.

– Там две «Медиаферы», – подсказал Кин, и Мевз расстроился окончательно, и на самом деле расстроился – его

смятение очевидно и видно невооруженным взглядом.

– Да как это может быть? Неужели кто-то попутал реквизиты? Но они не писали претензию, и ролик в эфир ушел, я точно видел! Как это могло случиться? Надо спросить у Эндера. Он точно знает, или сможет подсказать, кто виноват.

– Действительно, – согласился Кин, кинув на меня короткий взгляд и получив подтверждение. – Давайте спросим у господина Сореля. Попросите, пожалуйста, его поговорить с нами.

Наш собеседник, все еще дергаясь, высунулся за дверь, громко позвал Сореля, и тот, не торопясь, зашел в кабинет.

– Ло-Джахеррам, пожалуйста, подождите снаружи, вы со своим коллегой можете обсудить что угодно когда угодно потом, – умеренно вежливо попросил Кин.

Мевз молча открыл и закрыл рот, но Сорель ободряюще хлопнул его по плечу, и тот, немного успокаиваясь, ушел. Эту всю внутреннюю жизнь, конечно, очень мило наблюдать, но скучновато. Что эти двое отлично ладят и, возможно, воюют в дружном согласии, я уже давно понял.

– Господин Сорель, – Кин кивнул ему на освободившееся кресло ло-Джахеррама. Тот присел, приняв свободную, раскованную позу, и я мысленно аплодирую его апломбу. – Мы с вашим коллегой обсуждали вот эти два медиа-плана. Подскажите, пожалуйста, в чем причина их различий?

Он бросил на файлы один короткий взгляд и немного сморщил лоб.

– Эта версия не прошла согласование, пришлось сократить бюджет. Я ее вам отправил, вероятно, потому что слишком торопился.

Не врет.

– По невнимательности? – уточнил Кин совершенно невинным тоном.

– Скорее всего.

Врет, заключаю для себя я.

– Может, эти документы имеют какое-то дополнительное значение? – влезаю я, пользуясь тем, что Кин не начал задавать следующий вопрос.

– Думаете, это какая-то моя работа подсознания пытается что-то подсказать вам в решении дела? В этом случае, мое сознание не в курсе, – отозвался Сорель. Ответ хороший, и достаточно запутанный чтобы пройти простую проверку на правдивость.

– Хорошо, тогда подскажите, пожалуйста, почему тут в счетах фигурируют две разных «Медиасферы»?

– Две? – так естественно удивился он, что я готов поспорить, что где-то там была еще и третья, которую мы просто не отыскивали с наскоку. – Такого не может быть. Я обычно проверяю все счета, но, – он просмотрел подсунутый ему Кином файл очень тщательно. С одной стороны, можно было подумать, что он соображает, как это могло получиться. С другой стороны, я понимаю, что он перебирает заготовленные пути отхода и оправданий. – Это очень похоже на намеренный са-

ботаж, – наконец, сказал он.

Я согласен, в самом деле похоже.

– Вы сами знали о том, что оплата по этим счетам уходит не одной фирме, а двум?

– Нет, – ответил он.

– Принимали ли вы участие, содействовали ли, пособничали ли проведению этого платежа?

– Я не могу ответить «нет», – возмутился он. – Я подписывал эти счета – вот моя подпись. Но это вовсе не значит, что я туда подставил другие данные. Эти счета мне вернулись с согласования из центрального офиса, там в них мог залезть кто угодно!

А, может, это значит, что дорогой господин Сорель просто прошел курсы по тому, как качественно дурить правильно построенными ответами судебных телепатов и дознавателей Альянса, что более реально.

– Вы сами – сами Вы вписывали сюда другие реквизиты, или же давали команду совершить подлог?

– Нет.

Правда?..

– Кто мог это сделать?

– Документ с цифровыми подписями. Это кто-то из тех, кто подписывал.

– Вы, ло-Джажеррам, глава финансового отдела вашего центра и Горун.

– Да.

– И вас не тревожит, что вы в числе подозреваемых в подлоге?

– Это не я, – повторил он. – И меня куда больше тревожит тот факт, что работа фонда остановлена на неопределенный срок. Не могли бы вы, наконец, забрать свои деньги и дать нам работать?

Он практически повторил слова ло-Джахеррама ранее, и слова Тира, и слова кого-то еще из этой конторы. Горун? Вероятно. Такое чувство, что они в самом деле искренне хотят, чтобы мы просто оставили их в покое, но мы этого, конечно же, делать не собираемся.

– Мы сделаем все, что в наших силах для того, чтобы завершить расследование в ближайшие дни, – Кин кинул на меня вопросительный взгляд, и я коротко отрицательно качаю головой. Нет, вранья тут недостаточно для подробного разбирательства и залезания с ногами в эту непокорную человеческую голову. – Вы не знаете, когда мы могли бы поговорить с госпожой Горун и тем финансистом, который поставил подпись?

– Я думаю, они будут доступны в ближайшие несколько часов, несмотря на все трудности, руководство продолжает работать.

– О, я вижу, – ехидно согласился Кин, скашивая глаза на стакан с ядерным алкоголем, который Мевз-ло-Джахеррам забыл на столе.

– Итак, – явно преодолевая дурноту, сказал мне Кин по



дороге обратно до Управления. – Ты считаешь, он врёт, но врёт недостаточно для того, чтобы выжать из этого обоснованные обвинения.

– Все врёт, – меланхолично говорю я. Интересно, Кину так стабильно хреново в любых флаерах при полетах дольше, чем пять минут, что это, похоже на хитрое проклятье, а не на простую физиологию. – Но я думаю, что он сам не менял это. Скорее, знал, что изменение было, и ничего не сделал, но сам – нет. Он, несомненно, скользкий жук, но какая часть этой скользкости связана с мухляжом, а какая – просто служит самозащите?

– Отвратительно, – заключил Кин. – И никуда не годится.

– У нас остается вариант поговорить с Горун и финансистом. Как там? Лссин.

– Что это за фамилия такая? Или имя.

– Вероятно, кто-то из негуманоидных рас.

– Мальчик или девочка?

– Какая тебе разница? Тебе его допрашивать, а не на танец приглашать.

– Это был эвфемизм?

– Возможно.

– Держи свои грязные эвфемизмы при себе.

– Они чистые. Я их мыл.

– Справку принеси, – отмахнулся Кин.

Управление встретило нас полнейшим омутом отчаяния и тоски, в которых пребывал третий участник нашей команды.

– Я уже раз сто пятьдесят видела, как Иль с кофе проходит досмотр, – пожаловалась она, стоило нам появиться на пороге.

– Врешь ты все, или смотришь невнимательно, – не соглашаюсь я. – Там столько раз накопиться не могло.

– Зато пара дней точно отсутствует, я проверила.

– Это как?

– А так. Я бы не заметила по всем остальным, но Иль сюда ходит каждый день, и ты, Кин. Кроме выходных. А в одном месте Иля не было в будний день на входе и выходе, а, значит, запись была подменена. В общем, я запустила поиск дубликатов, и нашла несколько дней, которые были подменены записями с того же дня прошлого года.

– Вполне практичное решение, – хвалит нашего злобно-го хакера Кин. – Главное, без особой мороки. И чем знаменательны эти дни?

– Понятия не имею, – призналась Дип. – Я написала письма всем руководителям подразделений с датами этих дыр, но они пока молчат, тоже.

– Дай, – прошу я, и она протягивает мне планшет. Я, в самом деле, не могу ни с чем связать эти даты. Это были обычные дни, обычные расследования, даже практически без особого нависания Директивы 22, никаких форс-мажоров. Не к чему прицепиться.

– Я даже фотографии с комм пересмотрела за эти дни, пыталась вспомнить, что там было.

– И?

– И ничего. Что бы это ни было, оно было совершенно мимо нас. Но Лад обещал что-то придумать, чтобы по всем данным, которые мы соберем, сделать корреляцию. Так что все, что у вас есть по этим дням, шлите ему. И все пришлют – все министерство. Может, что-то найдется.

– Или нет.

– Или нет. А у вас как?

– Достаточно безрезультатно. Они врут и валят на центральный офис. С чем я нас и поздравляю, потому что нас ждет второй раунд с разгневанной госпожой Горун.

– Может, она не будет сейчас такой злой.

– Будет, – не соглашаюсь я.

– Почему?

– Потому что в этот раз в кадре буду еще и я.

– А, может, не надо? Толку от твоей телепатии все равно никакого с межпространством.

– Надо. Помните, как она дергалась при мысли о Палаче Эвердена? Она ненавидит альваров, и может от злобы сказать больше, чем собиралась. А слюной через межпространство забрызгать не получится.

Госпожа Горун отозвалась не ранее, чем через два часа, с пятого нашего приветствия, отправленного в ее адрес. Каждое из них было прогрессивно более грозным, и последнее завершалось обещанием обязательно пообщаться напрямую с Тир-ар-Ллеа о том, что мы не можем получить от нее от-

веты на вопросы, задерживающие следствие. За это время мы успели, развлекаясь, отыскать еще несколько проплат на сомнительные дубликаты фирм в других счетах: обычно это были оплаты за размещение роликов, или простые офисные услуги. Каждый раз оплата на сторону была спрятана в потоке аналогичных платежей на правильные реквизиты, и почти всегда это были разовые платежи. Когда мы записывали последнее обращение, Дип уже не обращала на нас внимания, с энтузиазмом разбирая счета, реквизиты и сведения о подставных конторах. И что бы там ни было, я был уверен, что она докопается.

– Собственно, – говорю я на запись, – Тир-ар-Ллеа недавно сам мне звонил. Вы не можете не знать, что этот номер, – я поворачиваю в камеру комм с выведенной информацией о звонке Тира. – В самом деле его. И я прямо сейчас попрошу его попросить Вас содействовать.

Имя Тира способно на волшебство. Мы получили, наконец, ответное видео, где Горун, по всем приметам злая, как черный демон из альварских сказок, смотрела на нас, как на дерьмо.

– Вы отвлекаете меня от важных дел и угрожаете – я вам это попомню, – сообщила она. – Думаете, вам все можно? Палачи и жулики.

Я знаю, кого конкретно она имела в виду под палачами и жуликами, хоть и смотрела она просто в камеру, а не на меня.

– Госпожа Горун, мы были вынуждены прибегнуть к Ва-

шей помощи, – спокойно ответил Кин, игнорируя ее предистерическое состояние. Кажется, я в самом деле произвел нужный эффект, и она может и выдать что-то, что совсем не собиралась, просто от злости. – Дело в том, что мы нашли вероятные следы подлога в документе, предоставленном представителем фонда в Альянсе. Я направляю Вам копию. Пожалуйста, прокомментируйте осуществленные выплаты.

– Какое это имеет отношение к вашим деньгам? – возмутилась на присланном тут же в ответ видеофрагменте, а следующий мы ждем уже дольше.

– Это обычный счет на оплату размещения видеороликов. Я не понимаю, что вам от меня надо и что вы хотите услышать.

– То есть, вы можете утверждать, что ничего не знали о том, что один из платежей был направлен не самой фирме «Медиафера», а подложной дублирующей фирме сомнительного происхождения?

Нас ожидала новая пауза, которая, видимо, потребовалась Горун, чтобы проораться на камеру как следует. Собственно, все следующее сообщение состояло из одного только ора. Вот только я ее эмоциональному выплеску почему-то совсем не верю.

– Да как вы смеете? Вы меня, меня обвиняете в мошенничестве? Я понятия не имею, что вы там выделяли с нашими документами, что вы там выделяли с нашими подписями, что вы творили с нашими отчетами, и как глубоко

запустили свои грязные руки в нашу бухгалтерию! Вы, остроухие демоны, только и ждете, чтобы нас всех очернить!

– Госпожа Горун, – с осуждением сказал Кин, пока я молчу и нагло улыбаюсь в камеру. – Никто и ни в чем вас не обвиняет, конечно же. Мы столкнулись с подозрительной активностью и привлекли к ней Ваше внимание. Возможно, у вас происходила какая-то утечка, воровство средств, в результате такого же вмешательства, как это случилось с нашими банками. И сведения от вас могли бы помочь нам.

– Что бы у нас не происходило, это НАШИ ВНУТРЕННИЕ ДЕЛА! – заорала она так оглушительно со следующего отрывка, что у меня те самые «остроухие» уши просто в трубочку свернулись. – Мы сами разберемся с нашими делами и накажем виновных!

– Погодите, погодите, но эти документы относятся к деятельности вашего фонда на территории Альянса, что делает проблему нашей юрисдикцией, и, более того, попадает под директиву 22, так как связана с нашим текущим основным расследованием, – попытался прикрутить ей копящий фитилек Кин, но безрезультатно.

– Мы сами разберемся с нашими делами, говорю вам! Уберите своих ручных демонов и сами уберитесь подальше, и не суйте свой нос, иначе останетесь без него! И тот урод тоже свое получит, попомните свое слово! И жалуйтесь Тирар-Ллеа сколько вам будет угодно, потому что я сейчас же, сейчас же звоню Кирсу, и он звонит ему, и мы вас выведем

на чистую воду, проклятые жулики! Да вы там все заодно, и урод этот продался Альянсу!

И она, конечно же, больше нам отвечать не стала. Я задумчиво щурюсь и потираю шрам.

– Будем пытаться прозвониться этому, этой...? Лссин, – спросил Кин.

– Можно, – я пожимаю плечами. – А ты там, Дип, будь ласпочкой, поищи совпадения между закрытыми заказами Коды и уходами денег со счета фонда в Альянсе.

Дип поднимает на меня удивленные глаза от терминала.

– Ты что, думаешь, что они в самом деле заказали эту кражу? Мне казалось, мы эту версию отмели.

– Вы, может, и отмели, – хмыкаю я. – А я – нет. Кроме того, я думаю, тут дело в другом. Ну, что, тебе трудно, что ли? Все равно роешься. Поищи.

Дип бросила на Кина взгляд за подтверждением, получила не слишком уверенный, но все же кивок в ответ, и вернулась к своим файлам. Я же выдерживаю пристальный, испытующий взгляд нашего шефа.

– Что? Я в самом деле считаю, что между ними должна найтись какая-то связь. Это все слишком очевидно, и особенно меня убеждает в этом золотой дождь из ваших зарплат.

– Да, это все больше похоже на месть, что ли? Но она может быть и личной. Например, тому же ло-Лланнренну.

– Или той же Горун, – соглашаюсь я. – Но сомневаюсь,

что дело в Хастингсе. Он сумасшедший ученый, конечно, но, вроде бы, из них самый безобидный.

– Да, только на него есть ордер на арест, – с удовольствием просветила нас Дип.

– Где это?

– В СОНМе. Поэтому эту информацию так долго было получать – они не горят желанием прямо так вот сотрудничать. Но Хастингс их очень заинтересовал.

– И за что же его ищут?

– Он собирал детей на отсталых планетах и ставил над ними опыты, пытаясь создать псионический потенциал. Лет пятьдесят назад. Надо полагать, тогда он был молодым и бодрым амбициозным ученым.

– Какая дивная компания у них там подобралась, вот честное слово, – комментирую я, а Кин скривился.

– Вот за это я ненавижу Созвездие. Настоящий рассадник преступников, которых во всех приличных местах арестуют, как только увидят.

– С каких это пор СОНМ стал считаться приличным местом?

– С того момента, как они сообщили нам об ордере на Хастингса, конечно. Хорошие, значит, там все-таки люди.

– Особенно они прекрасны тем, что их ордер на арест обычно означает, что пойманному в ту же секунду вскроют живот, вытащат кишки и заставят измерить их шагами, – любезно подсказываю я.



– Какие душевные люди, – крикнул Кин.

– И такой душевный Иль, который дает себе труд узнать такие подробности, – проворковала Дип со своего места.

Я прикладываю руки к груди и склоняю голову, изображая, что раскланиваюсь. Что делать, у меня в голове в самом деле целая куча разрозненных знаний о самых разных ненужных вещах.

– Лссин? – напомнил Кин.

Не отвлекая Дип от ее трудов, мы сами находим в материалах дела номер финансиста фонда, и начинаем дозвон. Совершенно, наверное, не странно, что оно (он, она?) отвечает сразу же. Видимо, Горун тут уже успела пройтись с предупреждениями. Лссин действительно оказывается негуманоидным существом. Она кицилос – немного похожее на сухопутного спрута создание, чья раса отличается широко известной склонностью к коллекционированию и систематизации. Это, в самом деле, делает их прекрасными финансистами и мастерами инвестиций, и вот, например, мой собственный консультант-финансист этих вот кицилосов начисто не переносит, как самую мощную конкуренцию своему прирожденному таланту делать деньги, прятать деньги, вкладывать деньги и намывать деньги из воздуха.

— Лссин, простите, не знаю, как к Вам правильно обращаться, мы хотели бы задать Вам вопрос о нескольких визированных вами документах фонда «Дети науки». Мы направили Вам копии.

Вот в чем я архибесполезен, так это в чтении негуманоидных форм жизни по межпространственной связи. Если в гуманоидных я еще могу разобраться и так, без псионических воздействий, на основании опыта общения и основных невербальных признаков, то с негуманоидными швах. Ладно еще, когда можно телепатически прицепиться и хоть как-то прочесть – хотя структуры сознания у них обычно совершенно чуждые, пока разберешься – упаришься. Но вот так, через межпространство? Дохлый номер. Скорей госпожа Горун скажет мне «добро пожаловать в мою голову».

– Это внутренние документы фонда. Все платежи произведены в соответствии со сметой, должными отчислениями по налогообложению и по согласованию с руководством, – почти пропел синтезатор речи, расположенный примерно в середине тела кицилоса.

– Мы обратили внимание, что часть платежей произведена на компании-дубликаты с другими реквизитами. Как Вы можете это объяснить?

– Все платежи произведены в соответствии со сметой и тем подрядчикам, которые были выбраны и одобрены для проведения работ. Выбор подрядчика – внутренняя политика компании.

Кин возмущенно поморщился.

– Дублирующая компания «Медиаасфера» имеет лицензию на рекламу, но не имеет ни одного выполненного обязательства, кроме ваших, и была ликвидирована вскоре по-

сле проведения сделки. Здесь на лицо следы экономического преступления, вероятно, связанного с легализацией преступных доходов или иной угрозой, вероятно, попадающей под директиву 22. Прошу вас внимательно изучить эти транзакции и подтвердить, что они были произведены именно за те услуги, которые указаны, предоставив отчеты об их выполнении и фактологические результаты, заверенные именно этой компанией. Документы, предоставленные первой фигурирующей в Ваших документах компанией «Медиасфера», не подходят.

– У нас есть все отчеты, и они были предоставлены Вам. Я не понимаю ваших требований. Пожалуйста, изложите претензию в письменной форме и направьте через посольство Созвездия для передачи нам.

– В ваших отчетах за все работы по смете отчитывается первая, настоящая компания «Медиасфера», для которой спорные работы тоже указаны, но в разбивку в других пунктах, судя по техническому заданию, – Дип подсунула Кину планшет с нарытыми данными, и тот уверенно зачитал с листа. – Отчет же предоставлен по всем пунктам сметы, перекрывая спорный пункт – вот этот, 10.2, размещение видеоролика в трансляции блоггеров по списку. Но за этот пункт отчета вы платили другой компании.

– Я не понимаю ваших требований, – повторил(а) Лссин. – Пожалуйста, изложите претензию в письменной форме и направьте через посольство Созвездия для передачи нам.

– Я прошу Вас объяснить простую вещь. Почему работу выполнила одна компания, а деньги ушли другой? Именно здесь, именно в этом пункте, не говоря уже о других!

– Простите, я не понимаю Ваш вопрос. Пожалуйста, изложите его в письменной форме и направьте через посольство Созвездия для передачи нам.

– Его заклинило, что ли?

– Они могут бесконечно ссылаться на дефекты работы ретранслятора, – махнула рукой Дип. – Заканчивай эту фигню, ничего ты от этой каракатицы не добьешься.

Кин вздохнул, кивнул, отправил короткое последнее сообщение о том, что «спасибо за помощь, мы непременно напомним вопросы и требования в письменной форме через посольство Созвездия для передачи вам», и обернулся на Дип.

– Хочешь сказать, что зато ты нашла что-то интересное?

– Именно. Вы были правы – некоторые выполненные задания Коды плюс-минус «бьются» с проплатами Фонда.

– И что он для них делал?

– Протаскивал через банки крупные суммы денег. А еще – «обеспечивал доступ» к какому-то арестованному судну. Достаточно давно, месяцев восемь назад.

– Надо выяснить, что это за судно, и как он связан с этими подставными фирмами. У них должно быть что-то общее.

– У некоторых из них общий прокси-регистратор, который оформлял документы для подачи в Реестр Альянса. Я

думаю, стоит его навестить.

– Если он функционирует, то обязательно и прямо сейчас. Иль?

– Только попробуйте, – возмутилась Дип. – Я все утро корпела над цифрами, пока вы прохладжались. Моя очередь ехать!

Кин выгнул бровь, глядя на меня. Я сдался.

– Ладно, уступаю дорогу, гм, уму и красоте, – говорю я.

– А ты тогда у нас кто?

– Храбрость и безумие, – тут же придумываю я.

– А Кин?

– Опыт и ответственность.

– Тогда я тут самая полезная, – заключила Дип и торопливо встала, пока мы не передумали. – Не скучай тут без нас.

– Непременно, непременно буду рыдать в уголке, – обещаю я, демонстративно потягиваясь.

– Устроив вечеринку на все здание, – хмыкнул Кин. Проходя мимо, к выходу, он дружески хлопнул меня по плечу, а Дип подняла какую-то скомканную бумажку с пола рядом со мной и кинула мне на стол.

– От тебя мусор уже разлетается.

– Ну, хоть не песок, – смеюсь я.

Некоторое время после их ухода я просто туплю, обдумывая перспективы дальнейшего расследования, потом начинаю без особых надежд искать сведения по всем арестованным за последние три месяца космическим судам. Под ру-

ку попался найденный Дип мусор, и я собираюсь было выкинуть неопрятный комок в биокорзину, но вижу, что на бумажке есть какой-то текст, и поэтому разворачиваю, гадая, что это я там записал, а также зачем и когда.

Но это не моя работа. Текст написан прямыми печатными буквами алфавита сайедхе, но слова на весторне.

«Мои сведения могут быть полезны для вас. Приходите незаметно во двор на Индер-40 в четыре часа по стандарту».

Чудесно. А сейчас – больше трех. И Дип с Кином уехали больше получаса назад. И Индер-40 не так уж близко.

И кто мог это нам подсунуть? Сомневаюсь, что кто-то прошел прямо сюда, особенно после всех встрясок безопасности, чтобы оставить такую прописульку, скорее, я или Кин, или Дип принесли ее на себе, и я с Кином вероятней, потому что мы сегодня выезжали. Кто это мог подсунуть? Мевз? Сорель? Кто-то на улице? Но я не помню, чтобы по дороге мы с кем-то соприкасались достаточно близко. Значит, это произошло в офисе фонда.

По логике всех вещей, я должен сейчас вызвать подкрепление или Дип с Кином, и отправляться на встречу только так, потому что это запросто может быть ловушка.

Но, с другой стороны, я далеко не беззащитен. Чтобы справиться со мной не так давно не хватило и пяти стрелков, усиленных телепатом. Генератор у меня заряжен, бластер тоже, я в хорошей форме, насколько это возможно. А записка не создает у меня ощущения ловушки. Может быть, у нас

правда пытается появиться информатор? Было бы неплохо, если бы хоть какая-никакая сволочь из фонда все-таки заговорила.

Это, в принципе, решает дело.

Я пишу Кину, что отправляюсь проверять зацепку на Индер-40 к четверем, и что если они освободятся в ближайшее время, то чтобы появлялись там аккуратно, чтобы никого не спугнуть.

И, да, я туда еду. Потому что любопытен и самоуверен, и, как уже сообщал – отличаюсь самой простой и глупой разновидностью храбрости.

И, да, я даже не беру флаер Министерства, чтобы соблюсти требование о «незаметно», и точкой высадки назначаю еще более глубокий проулок, которых в районах старой застройки Тайрены полно и даже больше, и уже оттуда пробираюсь, что называется, огородами к искомому зданию. Оно предназначено на снос, о чем свидетельствуют яркие голограммы строительных работ, как бы намекающие – убирайся отсюда, пока не завалило. Здание, в самом деле, выглядит угрожающе, как будто едва держится, буквально на соплях. Это какой-то старорежимный особнячок, окруженный забором чуть выше человеческого роста, весь увитый каким-то растением. Виноград, может быть? Я совсем не ботаник.

Оглядевшись, пересекаю заградительные голограммы, разворачиваюсь и нахожу себе удачный угол, из которого видно весь двор, и спина прикрыта. Подключаю по очереди

всю схему, от импланта до генератора, проверяю бластер и застываю в ожидании.

Мой человек появляется через несколько минут, причем не со стороны воротец в заборе, а из недр частично обрушенного здания, и я знаю этого человека, конечно же. У меня было две основных версии – так что я угадал ровно на пятьдесят процентов. Это Сорель.

Он двигался нервно, дергано и выглядел далеко не так уверенно, как утром. Вероятно, это в самом деле был качественный блеф, или же он успел испугаться за прошедшее время донельзя.

– Вы один? – отрывисто спросил он, и я кивнул.

– Вы хотели поговорить, господин Сорель.

– Эндер. Энди, – точно таким же резким тоном поправил меня он. – Да. И хочу. Спасибо, что пришли.

Я пожимаю плечами.

– Я думаю, ничего Вы не выяснили у этих жучек? – спросил он.

– Ничего другого я и не ожидал.

– У меня есть на них. Многое есть. Вернее, не многое, но есть. Достаточно, чтобы найти зацепки, чтобы раскрутить.

– И на каких условиях Вы готовы этим «многим, но есть» поделиться с нами? Официально?

– Я хочу защиты. От них всех, от Созвездия. От остальных.

– Вы понимаете, что я не могу сходу дать Вам этих гаран-



тий?

– Почему это? Вам нужны доказательства, что у меня есть сведения? Да?

– Нет, потому что у меня нет официальных полномочий, – объясняю я. – Я – внештатный консультант Управления Быстрых Решений, и даже не постоянный сотрудник. Поэтому за официальными гарантиями нам придется обратиться к Кинслееру.

– Плевал я на официальные гарантии, – его голос сорвался, и он закашлялся. – Я знаю, кто Вы. Иль Гиллернхорн, тот самый и сын того самого. Я хочу Ваших, лично Ваших гарантий, что Вы и Ваша семья за меня впряжетесь, если что. Перед сучьим Тиром, перед его людьми.

Я некоторое время смотрю на него, сосредотачиваясь на поле его мыслей так, что мне самому чудятся искры и щелчки энергии вокруг.

Стоит ли это дело такого личного вовлечения? Чтобы вот прямо так вписаться и собой, и своей семьей в помощь какому-то там свидетелю?

В общем случае ответ был бы, конечно, «нет». Мы не раздаем направо и налево таких обещаний. Но директива двадцать два? Директива двадцать два заставляет меня согласиться.

– Да, я обещаю Вам, Энди, свою личную защиту, если Вам будет угрожать опасность в связи с данными Вами показаниями.

Он видимо расслабился, и я расслабляюсь тоже, на короткий миг, и это, видимо, ошибка. По крайней мере, вспышку лучевого оружия я успеваю увидеть только краем глаза – первую вспышку, которая срезает нижний балкон со здания начисто, и аляповато украшенная громада, треснув, несется вниз. У меня есть меньше секунды, наверное, на все решения и все взвешивания, но она получается очень долгой. До следующего удара сердца я успеваю передумать сотню вещей, мысленно попрощаться с семьей и друзьями, пожалеть о своем обещании защиты и вытолкнуть Сореля из-под обвала, роняя его на землю торопливо и от этого не очень верно рассчитанной силой телекинетического толчка. Я тут же поднимаю кинетический щит, ожидая продолжения, и второй вспышки я не вижу, но она явно есть, потому что по щиту барабанят не только мелкие ошметки штукатурки, но и арматура, крупные куски лепнины, части строительных блоков. Это старый, когда-то прочный дом, в нем все кондовое, мощное, из тяжелых материалов времен активного освоения природных ресурсов, и он вполне может стать мне – и Сорелю – прекрасным надгробием, потому что лазер, по всей видимости, даже не военный, а строительный, продолжает шарить по зданию, выполняя вполне закономерные работы по демонтажу. Что это, вообще, такая волшебная случайность?.. На нас падают куски декора, балконы, балюстрады, и я понимаю, что сейчас начнет падать и все остальное – а двор становится все непроходимей.

– Надо выбираться, – яростно кашляя от потоков пыли, которую я не могу сейчас еще и фильтровать кинетическим щитом, выдавил Сорель. – К выходу, давай!

Он прошел бы – пока не рухнула вся конструкция, двор проходим для нормального человека, но у любого, даже самого мощного гравикресла есть ограничения. У моего люфт подъема и механики расчета движения позволяют подниматься и спускаться на пять-семь ступенек, что вполне достаточно, но я не уверен, что получится одолеть неровные завалы, в которые быстро превращается двор.

Впрочем, попытка стоит попытки.

– Не отходи дальше, чем на метр, – предупреждаю я и машу рукой в сторону мигающей при каждом прямом попадании сферы вокруг нас. Кинетический щит быстро жрет запасы энергии генератора, но без него мы были бы мертвы уже раз десять. Сорель кивнул, без спросу вцепился за спинку кресла, чтобы не следить за расстоянием между нами, а я поднимаю гравитационный люфт на максимум и пытаюсь продвинуться из с таким тщанием выбранного угла к воротам. Пока мы двигаемся – медленно, стремно, потому что уже нигде нет ровной поверхности и датчики кресла не могут найти пол для расчета – мимо нас и на нас падают обломки здания, и лазер, курсируя, пару раз задевает за кинетический щит. Я вздрагиваю каждый раз, и новая порция энергии утекает из генератора на залатывание дыр. Это похоже на локальный конец света. Мы с Сорелем оба кашляем, за-

дыхаемся, глаза слепит пылью так, что мы толком не видим уже, в правильном ли направлении пытаемся спастись. Я соображаю послать сигнал тревоги Кину, на несколько мгновений задержав наше продвижение, и этих мгновений чертовому лазеру хватило для того, чтобы упереться прямо в мой кинетический щит и начать палить его в лучших традициях военных действий.

– Быстрее, – выкашливаю я, скорее себе, чем Сорелю, но он и сам чувствует или видит, да немудрено тут не видеть – от постоянного попадания лазера щит блестит, и становится красноватым, распыляя световые лучи.

– Как же так, – прохрипел Сорель и всем весом налег на гравикресло, проталкивая его почти боком между строительными обломками.

И мы упираемся – впереди выход, сверху и позади лазер, не устающий нас преследовать, намекая, что это не самая случайная случайность в мире, а, скорее, наоборот, а ровно перед нами – пылевой и защитный экран, по все правилам демонтажа воздвигнутые вокруг зоны сноса.

– Да как же так, – повторил Сорель.

Я молчу, перерасчитывая мощность щита, он истончается, высвобождая энергию для удара, но продолжает работать. Лазер – мгновенная, быстрая смерть, возможно, даже не мучительная, но нам рано. Нам точно рано, особенно мне. И не для этого я выбрался с Тир-Нан-Ога вместе с отпускным дебилом Тиром, чтобы сдохнуть в тупом расследовании на

Тайрене.

– Резко вперед, как только, – предупреждаю я. – У нас пять секунд.

Нет и нет – и всей высвобожденной энергией я даже не ударяю по защитным экранам – нет, я подпитываю их так, что многократно возросшая мощность выбивает предохранители.

У меня начинает хлестать из носа кровь, и по голове ударяет болью так, что я почти забываю сам следовать своему совету. Но Сорель, так его разэдак, не забыл, и меня не бросил – он в очередной раз пнул, или, может, толкнул гравикресло, и оно, скатываясь с груды обломков, скопившихся у края защитных экранов, вместе с их частью и клубами пыли вылетело наружу.

Система перезагружается, предохранители перещелкиваются, и защитные экраны перекрывают ход строительному лазеру.

Я прижимаю руку к хлюпающему кровью носу и выдыхаю, в голове звенит, и першит в горле, но мы живы? Живы же.

Я оглядываюсь на Эндера Сореля, и он ответил мне совершенно очумелым взглядом. Его зрачки внезапно расширились, но я не успеваю обернуться – только чувствую дополнительную вспышку боли в виске, и мир гаснет.

Иногда я сам себе напоминаю плохо собранного киборга. Тут отваливается, тут шумит, тут пощелкивает. Но особенно это заметно в такие особые моменты, когда и во внешнем

мире что-то неладно.

– Что с этим будем делать?

– Мы, сука, наследили. Этого забирай.

– А этот что?

– Этот министерский телепат. Ты так его нормально приложил. Он живой вообще?

– Вроде, дышит.

– Следи, чтоб не очухался. Я Гнарку звякну. Он не говорил, что тут министерские будут. Это все не смехуечки. Сука, сети нет. У тебя есть?

– Нет, все вырубилось. Что за нахрен?

Я слышу только звуки. Глаза, как ни пытаюсь открыть, не могу, и пошевелиться тоже, и это меня особенно пугает, потому что я всегда, всегда боялся и боюсь, что вместо прогресса меня настигнет регресс, и я потеряю чувствительность и контроль и над верхней частью тела, оставшись в нем беспомощным пленником.

Только бы нет.

– Что за нахрен?! – повторил тот же голос, и потом слышится смутно различимый гул двигателя крупного флаера, потом пара выстрелов, глухой удар, снова пара выстрелов и потом топот.

Я скорее чувствую, чем слышу, как едва слышно чпокает дверь флаера, явно какой-то крупной внедорожной модели, с герметичными дверями, и приближающиеся шаги. Кин? Нет, не Кин. Иначе выстрелов было бы больше, и ко мне бе-

гом бежали бы, сломя голову, а не шли, и две пары ног, а не одна.

Кто-то касается вены на моей шее, и я снова ощущаю себя.

Несмотря на боль, это прекрасно, потому что я знаю, что чувствую, и, значит, выберусь, справлюсь, главное, что я все еще тут.

– Продержись чуть-чуть, – глухо говорит смутно знакомый голос. – Твои скоро будут. Твой спутник жив.

Я пытаюсь дотянуться до него телепатией, потому что ни говорить, ни открыть глаза все еще не получается, но вместо ощущения своей мысли получаю только острую боль в виске.

– Имплант разбит, – сообщает мне тот же голос, после чего ощущение прикосновения исчезает – к счастью, не забирая с собой все остальное. Даже боль – я рад сейчас боли, она означает, что я жив.

На грани слуха я слышу еще один двигатель, и наш, кажется, спаситель быстро отходит к своей тачке. Я слышу, как он запускает двигатель, как терпеливо дожидается чего-то, не двигаясь с места.

А потом резко стартует.

Внутренняя борьба не проходит зря – я все-таки разлеплю склеенные кровью ресницы, и поэтому через сраную пелену вижу, как резко затормозил флаер Министерства из него с двух сторон выскочили мои люди – Кин и Дип, и побежали ко мне, примерно как я это и представлял.

– Иль! – завопила Дипика, и я пытаюсь улыбнуться, чтобы

ее не пугать, но, видимо, получается обратный эффект.

– Иль, мать твою, – более грозно сказал Кин, торопливо меня осматривая. – Я вызвал врачей. Уже вызвал. Мы не будем тебя двигать, хорошо? Ты понимаешь, что нам нельзя? Моргни, если понимаешь.

Я моргаю.

Вообще в такой ситуации не стоит никого двигать, а особенно меня – кто знает, насколько я снова повредил позвоночник?

– Кто это тут? Сорель? – Кин присвистнул. – В какое болото вас упыри макали?

– Я думаю, они были там, – Дип показала на разрушенный дом, торопливо проверила пульс и целостность Сореля, после чего вернулась ко мне, села рядом на землю и осторожно погладила по лицу. – Ильчик, милый, ты держись. Тебе очень больно?

– Нет, – я с трудом ворочаю языком, во рту пустыня песка и такое чувство что груды щебня. – Голова.

– У тебя дырка в виске. Где имплант, – она осторожно прикоснулась к нему. – Кажется, он разбит. В остальном я ничего не вижу. Несколько синяков.

– Кресло?

– Завалено на бок. Придавило тебя. Но я не двигаю. Я не знаю, оно отключилось? Иначе выровнялось бы.

– Имплант, – поясняя я, пытаюсь облизнуть сухие губы сухим и потрескавшимся языком.



– В смысле, что когда имплант повредился, ты потерял управление?

Типа того.

– Да.

– Тогда можно будет починить? У тебя классный трон.

Я закрываю глаза, потому что смотреть больно.

– Иль! – она несильно похлопала меня по щеке. – Не пугай меня. Открой глаза.

Послушно открываю.

– Сорель?

– В отключке.

Внезапно я понимаю, что у нее рассечена щека, и вся она несколько более грязная и пыльная, чем должна бы.

– У вас?

– Где эти чертовы врачи? – пробубнила она прежде, чем ответить. – В нас стреляли, не поверишь. Вроде бы пустяковое дело, но стоило нам выйти из флаера, как бац! Кин просто в шоке был.

– Взяли?

– Нет, они ушли. И регистратор не то, чтобы мертв, а бесполезен. Они забрали его архивы. А он сам особо не помнит, у него куча всяких дел. А видео с камер наблюдений, как ты можешь догадаться, выпилено. Кода замечает следы.

Я не думаю, что это Кода. Вернее, видео-то несомненно выпилил он (и, возможно, все инкриминирующие записи у регистратора тоже, так что ничем они не помогут нападшим

на Кина и Дип бандитам), а вот в организации нападений я сильно сомневаюсь. Вот только надо бы еще выяснить, почему Сорель назначил встречу именно тут, и как так удачно получилось, что нас едва не закопали. Хотя, надо отдать должное этим гавнюкам – все выглядело бы достаточно естественно. Никто, кроме попавшихся идиотов не был бы виноват, что оказался в предназначенном и огороженном на снос здании.

Но допрос Сореля придется отложить по техническим причинам, как и любое мое участие в расследовании. Только вот интересно, насколько?

Зависит от состояния импланта, без хотя бы базовых его функций я не смогу нормально передавать команды гравикреслу, что очень-очень сильно затруднит мои перемещения, а я не люблю себя ограничивать.

– Хвала небесам, – пробормотал Кин, – наконец-то медики. И лентяйская полиция.

Он перехватил их еще на подходе, и я слушаю, как он уверенно начал отдавать команды. Осмотреть остатки здания, осмотреть строительную технику, осмотреть диспозицию до того, как медики нас с Сорелем заберут, и внутренне киваю, соглашаясь с его указаниями.

Через две минуты Дипику отогнали, пригрозив ей госпитализацией, тоже, а меня, наконец, подняли, просканировав и прощупав на предмет повреждений позвоночник. Я вижу, как с трудом удалось поднять и откатить мое кресло, с тру-

дом терплю принудительное перемещение на каталку. Работай генератор, я бы сам. А так приходится переживать медицинское насилие. Но я хотя бы убеждаюсь, что в целом – цел. Руки работают, шея поворачивается, все, что шевелилось утром – шевелится. С тем, как проходит онемение от обратной волны при повреждении импланта, я чувствую себя спокойней и лучше.

– Я в порядке, – говорю я, когда мне дают отпить воды и я, наконец, перестаю мучиться от боли в пересохшей гортани. – Только голова болит.

– Сейчас чем-нибудь поможем, – пообещала жизнерадостная медсестра в персиковой медицинской пижаме, взяла мою руку и приложила инъектор.

Это радикальное решение – потому что меня отключает снова.

## Глава 6. Can't touch this

Когда я, наконец, снова открываю глаза, то некоторое время бездумно пялюсь в потолок с красивыми узорами и медленно оцениваю общие ощущения от организма. Саднит висок, в голове изрядная каша и словно пустое эхо от сквозняка в тазике, но в остальном мне нормально. Ради пробы я поднимаю руку и вместе с собственной ладонью в поле моего зрения появляется серьезное, собранное, темное лицо моего хирурга, неуловимо напоминающее элегантный экскаватор для дорожных работ в дизайнерской обработке.

– Доктор Дар? – на всякий случай уточняю я.

– Почему ты каждый раз так не уверен в этом? Тебя прямо часто в больнице приветствуют другие маворсы.

– Я – девочка с Давоса, – поясняю я и опускаю руку.

– В смысле?

– Это такой неприличный анекдот.

– Затравил – рассказывай, – доктор Дар достал планшет и начал делать пометки. Надеюсь, хотя бы не конспект анекдота.

– Мне кажется, в отцензурированной версии пропадет вся соль, – жалуясь я, но послушно начинаю. – Одна клевая девочка с Давоса познакомилась на дискотеке с парнем с Маворса. Он был такой высокий, суровый и красивый, что она пала перед его чарами, и спать он пошел не в свою общагу, а

к ней домой. У них все было круто, а утром он ушел, сказал, что зачет сдавать, но обещал вернуться. На следующий день, на той же дискотеке она подошла к нему, без разговоров увела с собой в укромное место и частично повторила достижения прошлой ночи. Парень был в восторге, и они продолжили у нее дома. Утром он встал пораньше, чтобы приготовить ей завтрак, но она, подумав, что он сбежал, выскочила в неглиже на улицу, где увидела своего маворса и за ухо притащила его в дом. Он не сильно сопротивлялся, потому что давоска, как мы помним, была клевая. И тут значит с кухни выходит ее предыдущая пассия, в полном недоумении, с готовым завтраком, а еще открывается дверь, и заходит парень с предыдущей ночи. Все они весьма удивляются, а давоска смотрит и говорит: о, боги света, кажется, вот теперь будет достаточно.

Дар прикрыл лицо планшетом и сдержанно захихикал.

– Что, настолько сложно?

– Еще как. Подозреваю, что это расовое. А когда с телепатией проблемы, но вообще атас.

– Маворсам с детьми эльдар тоже тяжело, – признал Дар. – И я тоже думаю, что это наследие многовековой деперсонализации противника.

– Но ты нас различаешь.

– Я твой лечащий врач! Я тебя по своим швам отличу, если надо будет.

– И не поспоришь, – хмыкаю я. – Доктор, я буду жить?

– Конечно. Только плохо и недолго. А если серьезно, то ты как, голова болит?

– Нет. Не болит. Нормально.

– Тогда я включу сейчас тебе имплант, пришлось заменить пару деталей, но он должен работать. Но входить обратно в работу надо постепенно и аккуратно, как в первый раз. Ты все помнишь?

– Да, – радостно отвечаю я. Доктор Дар поднес к моему виску угрожающую микроиглу, я чувствую давление, но после этого ничего не изменилось.

– И где моя телепатия?

– Ты на супрессорах. Иначе разнес бы полбольницы пока мы тебя оперировали. Больше не вкальваю, последнюю дозу ты обработаешь и выведешь через пару часов.

Я немного успокаиваюсь.

– И когда мне можно обратно на работу?

– Когда проверишь работу импланта и его связь с генератором через усилитель. И когда сам пересядешь на свой трон, – доктор Дар помахал в сторону стоящего в углу палаты гравикресла.

– Справедливо, – не кривлю душой я.

Действительно, неплохие проверки дееспособности.

– А что там с Сорелем? Тем парнем, которого тоже пытались убить?

– Он не в моей клинике. Мне привезли только тебя, – покачал головой Дар. – Потому что ты моя ответственность.

Кстати, у тебя тут была куча посетителей, но я всех прогнал, кроме тех, кого не смог.

– Отец и брат?

– Сейчас это только брат, так что пользуйся случаем. Он явно не будет тебя поучать.

– Это ты плоховато знаешь моего брата, – морщусь нос я, и тут же ощущаю, что он чем-то заклеен. Ощупываю – залито искусственной кожей. Как, впрочем, и висок поверх импланта. Наверное, со стороны я похож на немного обглоданного зомби.

– Ты похож на объединенного зомби, – сказал мне мой брат пару минут спустя, усаживаясь на место доктора Дара. Сам-то он уж точно не похож ни на зомби, ни на еще какой ужасник – просто картина цветущего альварского великолепия.

– А ты – на рекламный плакат, – хмыкаю я. – И что с того?

– Мне казалось, тебя запихнули в это управление, чтобы уберечь именно от таких ситуаций, а? Вот чтоб наш Иль берег себя, под пули не совался, башку о хрен знает что не разбивал, не травмировался...

– Да ладно? А мне казалось, что я должен Альянсу тут пользу приносить, – язвлю я.

– Много с тебя пользы, – с презрительным выражением сказал Мейли, но при этом неловко похлопал меня по руке. – Будет на больничной койке.

– Меня скоро отпустят. Говоря об этом – поможешь пере-сесть? И одеться. Сначала одеться.

Мейли нахмурился.

– А Дар разрешил?

– Я в порядке, с чего бы ему запрещать?

– Бывало «в порядке» и по-порядочней, – не согласился он, но пошарил по шкафу, нашел мою одежду и занялся делом. – Кто тебя отделал-то?

– Кто-то, – умно говорю я. – Я грешу на один стремный фонд из Созвездия. Буду проверять. Меня зажопили во время встречи с информатором, который собирался мне что-то про них серьезное рассказать.

– Моя информация тебе чем-то помогла? По тому банку, «Фаради», или как там его?

– Мы просчитали там коррупционную схему, и будем разрабатывать чуть позже. Но, к сожалению, это не пролило свет на текущее дело.

– Судя по новостям, это просто офигеть какое важное дело. Как будто на «Банке Легатов» у нас вся экономика держится.

Я пожимаю плечами. Это далеко не только про «Легатов», и далеко не только про банки, и вообще касается не только Альянса и его безопасности, но Мейли об этом особо знать не полагается.

– Что, – чутко уточнил он. – Все намного хуже, но у вас какое-то правило насчет потрепаться?

– Уж точно не в больнице, – охотно заявляю я. – Спроси меня, когда закроем это дело.



– Спрошу, – пообещал Мейли. – Если помощь нужна – говори, не стесняйся.

– Да я и не стесняюсь, – хмыкаю я, пока брат помогает мне застегнуть ботинки.

– И все-таки, Иль, – укоризненно сказал он. – Не надо так нас пугать. Отец ругался.

– Я просто за нас с тобой двоих отрабатываю, – отмахиваюсь я. – Выделяваю такие штуки за себя и за тебя. Потому что ты никогда такого не выкидываешь.

– Баланс во всех вещах, – полушутя соглашается Мейли, и я понимаю, что смутно ощущаю его телепатически – оттенки страха, заботы, понимания, сомнений. Это как глоток свежего воздуха в духоте, и я с удовольствием тянусь к этим ощущениям. Значит, скоро можно возвращаться к работе, к делу, которое, вопреки таким основательным встряскам, только надкушено со всех сторон и совершенно не разобрано в центре. Собственно, оно напоминает перепутанный ком гирлянды с огоньками на проводе, из которого с одной стороны свисает немного распутанный хвостик, с другой – подключение в сеть, и отовсюду торчат петельки и зацепки. Я бы отвел роль сетевого адаптера фонду, а хвостика – Коде.

На следующий день я отправляюсь на работу как ни в чем ни бывало. Вот только нашего баристы снова нет, и мне приходится включать мозги несколько раньше запланированного времени, чтобы попытаться внятно объяснить его сменщику, какой именно кофе мне нужен. Это особенно трудно

с учетом того, что я понятия не имею, какой, но кое-как и с помощью моментально собравшейся за мной очереди удаётся справиться.

Так что в Управлении я появляюсь бодрый, проснувшийся и с кофе, чем ярко контрастирую со своими несколько уныловатыми коллегами.

– Что, уже раскрыли тут дело без меня, всех арестовали? – спрашиваю я, вручая кофе Дипике.

– Тебя не было сутки! Ты с ума сошел?

– Ну, вот, в самый раз. Целые сутки! Можно было все успеть.

– Иль, если ты не помнишь – в нас стреляли.

– И что вы делали, сидели и переживали? Все сутки?

– Почти. Тесты проходили. Для возврата к службе. А тебя, что, не тестировали?

– Так в меня и не стреляли. Меня только погоняли лазером, как котика, и шваркнули прикладом по голове.

– Действительно, большая разница, – фыркнула девушка и ненадолго замолкла, потому что взялась за свой кофе.

– Смех смехом, а для протокола есть. При перестрелке, любой, последующие тесты обязательны. А при драке, если не нанесены повреждения средней и тяжелой степени, нет, – пояснил Кин, оглядывая меня так, словно ожидал, что я рассыплюсь в пепел. Но нет, я держусь – даже отвечаю ему полным сарказмом взглядом.

– Спорим, тебя опять трепал Старик?

Кин махнул рукой.

– Это очевидно. Он настаивал на выводе денег обратно, раз Тир готов санкционировать их выдачу, и мне пришлось согласиться.

– Это практически равносильно признанию непричастности фонда и его боссов к краже денег, – отмечаю я. – Потому что, вроде как, они становятся совсем ни при чем, просто через них пытались спереть.

– Да, но Старик тоже не дурак. И я показал ему наши прикидки по связи между Кодой и фондом.

– И что Кольбейн?

– Сказал, что Коду мы, конечно, продолжаем искать, и проверять все, что собирались, а еще ищем тех, кто смеет нападать на сотрудников Министерства при исполнении. Поскольку в момент нападения ты встречался с кротом из фонда, связать все это воедино и предъявить фонду и Созвездию – реально.

– Горун будет орун, – задумчиво говорю я. – А как-то зафиксировано, что это было именно нападение?

– Да, потому что строительная компания не имела в плане работ на это время, и вся техника была опечатана. Кто-то взломал ее и пытался использовать для имитации несчастного случая.

– У нас есть отпечатки, следы ДНК, видеозаписи?

– Как ты можешь догадаться по всем делам, в которых замешан Кода, все камеры именно в этот момент внезапно ис-

пытали временные перебои со связью. Так что нет.

– Я прямо-таки вижу, как кто-нибудь из судий нам говорит: «вы ничем не можете доказать, что это было не хулиганство подростков, а именно нападение».

– Их координатора, или одного из боссов называют Гнарк, – сообщаю я. – Я слышал это имя, когда валялся в полуотключке, и они думали, что я без сознания. И у них не было сигнала, тоже, кстати. Не могли никуда прозвониться. Но, может, мы можем отфильтровать все коммы, которые цеплялись к вышкам в этом районе и проверить по частоте нахождения там, и все такое? Вряд ли там много празднующих.

– Это может сработать, если они там сами не живут, на самом деле, – нахмурился Кин, но сделал заметку в планшете. – Дип, займись, пожалуйста.

– Есть, шеф, – без особого энтузиазма согласилась она. – А по нашим стрелкам тоже так искать?

– Нет, – подумав, ответил Кин. – Это почти самый центр – там куча народу, все равно что искать иголку в стог сена.

– И поищите по камерам большой флаер, вылетающий из той же зоны, – добавляю я. – Бронированный, тяжелый. Он отъехал буквально за секунду до того, как появились вы.

– Я не уверен, что это релевантная информация. Но стоит проверить. Кстати, что там Сорель? Шутки шутками, а не только я его спас, но и он меня. Дар сказал, что ему отдали латать только меня.

– Сорель в министерской клинике, под охраной после этих всех чудес. Но его приложили покруче, чем тебя, или он сам более хлипкой сборки, чем ты. У него ушиб головного мозга, и он пока что путает день с ночью и вообще не сильно коммуникабелен. Так что его допрос пока отложили – до лучших времен, так как рассказать что-то внятное он сейчас не в состоянии. Он успел тебе что-то сказать?

– Он сказал, что у него достаточно информации против Фонда, на основании которой можно серьезно раскрутить дело против них. Но договорить нам не дали, как ты понимаешь.

– Ладно, он от нас никуда не убежит, надеюсь, и мы завтра или послезавтра с ним поговорим. Хорошо бы завтра, потому что это дело с бесконечными наездами Кольбейна начинает мне, мягко говоря, надоедать.

– Давайте пройдем по тем сведениям, которые у нас есть, еще раз, – предлагаю я.

Кин оборачивается к доске, стирает все, что мы там нарисовали и начинает сначала.

– Банки, не важно какие, взломаны через центральный узел, центральный узел через нас. С тоже через нас – министерство экономики. Сделал, судя по всему, все-таки известно-неизвестный нам Кода, но не похоже, что по заказу Фонда, скорее, из любви к искусству. С помощью взломов на более низком уровне он насоздавал счетов в банках и микрофинансовых организациях уровнем пониже, – Кин нари-

совал маленькие шарики рядом с большими. – В том числе, с их помощью он выполнял заказы от Фонда на ввод-вывод средств, получая оплату с их левых схем по рекламе.

– У нас есть данные о том, какие именно средства и откуда зачислялись на счета фонда через него?

– Ловят. И поимка нам даст достаточную амуницию, чтобы закрыть местное представительство Фонда навсегда, и даже без твоего Сореля, но, знаете ли, мне хотелось бы знать, откуда эти бешеные бабки и за что.

– Про это у нас есть всего одна зацепка, – я телекинезом отбираю у Кина маркер и рисую длинный, похожий на кукурузину огурец. – Корабль, к которому надо было обеспечить доступ в одном из заданий предположительно фонда.

– Да, этот корабль может быть ключом ко всему, но ты хоть представляешь, сколько кораблей задерживают для проверки каждый день?

Я рисую еще один огурец и подписываю «Трек-Аваланш», с вопросительным знаком.

Кин посмотрел на мое художество, потом на Дип, но она сделала вид, что слишком занята более ранней задачей.

– Значит, поищем и это, – резюмировал Кин. – Что у нас еще? Нападения. Кто-то пытался убрать Сореля, который знает, я думаю, какую-то конкретику о связи между Кодой и Фондом, и нас, которые пытались получить документы о фирмах, имеющих отношения к, предполагаем, что Коде. Что намекает, как будто бы, на то, что Кода и устроил нам

это развлечение.

– Сомневаюсь. Кода изымает информацию легко и непри-  
нужденного, и ему нет необходимости посылать бандитов за  
серверами, он и так туда залезет, изящно и издалека, и все,  
что угодно сотрет или скопирует. Но интерес откуда-то со  
стороны к компаниям, связанным с ним, подозрителен. К то-  
му же, Кода, – я делю его «огуречик» пополам и ставлю над  
водоразделом вопросительный знак. – Либо не однородное  
образование, либо уже находится в конфликте с фондом, ли-  
бо, – я рисую кружочек рядом, соединяю его с Кодой вол-  
нистой линией и рисую еще один вопрос. – Есть еще один  
игрок, который пытается нам указать на фонд и Коду, и сам  
имеет с этого какую-то выгоду. На эти мысли меня наводит,  
для начала, настигший вас зарплатный дождик, с таким яв-  
ным указанием на фонд, в тот момент, когда мы, наконец,  
выяснили, кто нас предположительно взломал и как. Это ли-  
бо попытка повернуть наше следствие в сторону фонда, ли-  
бо подстава Коды под нас кем-то еще.

– Вероятно, – кивнул Кин.

– Есть еще один момент, – я тру шрам в задумчивости. –  
Кода или нет, но камеры, как ты говоришь, были в районе  
отрублены, а нам с Сорелем кто-то помог. Был ли это Кода,  
или один из Код, или кто-то копающий под Коду с другой  
стороны, я не знаю, но факт остается фактом.

– В смысле? – Кин удивленно выгнул бровь, и даже Дип  
оторвалась от своих изысканий в номерах коммов и траек-

ториях движения.

– Кто-то приехал до вас и изрядно напугал напавших на нас парней. Попытался задавить их бронированным флаером.

– Тем самым бронированным флаером.

– Именно. Потом вышел из машины, проверил, живы ли мы оба и пообещал, что, дескать «твоя скоро будет». И уехал при вашем приближении.

– Какие-то еще внезапные откровения?

– Мне показался знакомым его голос, – поколебавшись, признаю я. – Но с учетом того, сколько голосов я слышал за свою жизнь? Это бесполезно. Это точно был не Мейли, не мой отец и не кто-то из моего ближайшего окружения, это все, что я могу утверждать.

– И не Кольбейн.

– Это был бы слишком круто. В общем, это достаточно бесполезные сведения, но, может, он расслабился, и мы поймем его за флаер?

– Вряд ли.

– Что там осталось еще?

– Гнарк, персонаж, которому пытались позвонить нападавшие. Я думаю, это прозвище, но может, кто-то из информаторов его узнает?

– Этим я займусь. Сейчас позвоню в полицию, – пообещал Кин.

– А я выброшу стаканчики, – щедро обещаю я, но делаю,



конечно, не только это. Так как все мои письма были проигнорированы, я сначала пытаюсь по межпространству дозвониться до директора «Атенрей», а потом пытаюсь отыскать его пресс-секретаря, потому что получаю в ответ только назойливый автоответчик.

– Ай, привет, Иль, – помахала мне Хисс с терминала каких-то пару десятков минут спустя. – Ты так упрямо прозванивался, что я не выдержала и сдалась. Что, передумал и хочешь меня взамуж?

– Почти, – смеюсь я. – Хочу от тебя информации, над которой чахнет твой босс.

– Вау, интрига! Одобряю, – важно кивнула девушка.

Хисс – такое же личное прозвище, как Гиллернхорн, и означает оно нечто донельзя ядовитое. Красотка в мини-юбке, мило улыбающаяся мне с экрана, получила его за свое невероятное умение легко и без проблем устранять конкурентов. Собственно, один из них, собирая свои манатки с рабочего места пресс-секретаря «Атенрей», и кинул в ее сторону это самое «Хисс». Малышка очень обрадовалась, и приняла это знаком судьбы. Хисс и Хисс, и, кажется, толком никто и не помнит, что зовут ее Дейдре Амариллис. Я знаю ее с детства – так что для меня она иногда и чуть-чуть все еще «Дэй», но Хисс ей и ее поистине бульдожьей хватке идет куда больше.

– Еще как. Так вот, расскажи мне, Хисс, что ты знаешь про «Трек-Аваланш»? Ни за что не поверю, что у тебя про-

тив них нет толстой папочки с компроматом.

– Боюсь тебя разочаровать, но толстой – нет. И вообще это все на уровне подозрений. А чем они тебе сдались?

– Вот именно, что не сдаются, – фыркаю я.

– А тебе надо, чтобы сдались? Боюсь, я не очень помогу.

Ну, про них ходят слухи, что они нечисты на руку, но это и про нас ходят не меньше.

– И что же, у них прямо-таки безупречная деловая репутация?

Хисс скорчила недовольную рожицу.

– Они неплохо работают, в самом деле. Один из их бывших капитанов сейчас работает у нас, и он клянется, что «Трек» таскает контрабанду, но их ни разу не ловили, даже после нашей наводки, даже после его советов, как искать. Так что, либо их прикуп круче нашего, либо ничего такого и нет.

– А можно контакты этого капитана?

– Он сейчас на рейсе до Арники, но, наверное, по межпространству может тебе ответить. Я ему сообщение кину, и тебе – его контакт.

– Спасибо, – киваю я.

– Это с ними связана заплатка у тебя на роже, только честно?

– С их, так сказать, партнерами, – без особой охоты поясню я.

– Тогда отомсти им жестоко и кроваво, – торжественно напутствовала меня она.

Дип все еще копалась, а Кин пока не вернулся из полиции, так что я продолжаю тянуть за свою петельку из клубка и вызываю капитана сразу же, как только получаю письмо с контактами от Хисс. Он, видимо, сообщение тоже получил, и поэтому на мой звонок ответил сразу же, хотя вид у него и изрядно потрепанный, словно я ему десятый сон досмотреть не дал. Ну, или девятый.

– Чего вам всем надо, пристали, как ерепень, – вежливо и очень обреченно начал он разговор. Однако, без мата, что внушает определенные надежды. А слово «ерепень» – вообще шедевр.

– Хисс посоветовала мне именно с Вами обсудить слабые места «Трек-Аваланша», – отвечаю я. – Управление быстрых решений Министерства безопасности проводит расследование под грифом директивы 22, и оно коснулось деятельности «Трек-Аваланш». Вы ведь работали там?

– Двадцать лет псу в задницу, – подтвердил мой собеседник. – Гонял им грузовики туда-сюда, а потом пассажира мне какого-то посадили важного. А он мне, хлебощелк эдакий, всю пассажирскую ванную раздолбил, и велел из капитанской выметаться. Ну так я не вымелся. Сказал ему, чтоб знал корабельный порядок. А эти пугорапицы меня потом и попросили. Мол, жаалобы на вас, капитан, жаалобы! Тьфу, а не жалобы.

– Выполняли ли Вы для «Трек-Аваланша» какие-либо задания, которые показались Вам подозрительными или стран-

ными? Может быть, вы знаете о других капитанах, которые выполняли?

– Так там любое задание ерепень полная, – с готовностью ответил он. – Я как-то коробки везу, по маркировке – растение дикоцветное сироборка, листья сушеные. А коробки мелкие, но тяжелые, как моя жизнь!

– Еще что-то?

– Да так на каждом шагу. Постоянно какие-то коробки в коробках, какие-то документы в двух экземплярах и разные, которые надо показывать этим и не показывать тем, такие дела.

– То есть, Вы можете сказать, что участвовали в контрабанде? Не переживайте, я не собираюсь предъявлять Вам никаких обвинений. Это дружеская беседа.

– Да оно это. Правда, у всех так.

Мощное признание, простосердечие или желание подставить «Атенрей»? Я склонен думать, что, все-таки, имеет место первый вариант.

– Где нам искать, и на что смотреть? – в упор спрашиваю я.

– У них часто двойные простенки в машинном отсеке. Якобы там уплотнитель, но в уплотнителе и под экраном нычки. А еще тайники под приборной панелью прям.

Это все знакомо, по учебникам, по делам, которые я читал, так что я вынужден заключить, что и таможенники про это все могли догадаться.

– Какие-то еще тайные места?

– Да нет, вроде.

– Как вы думаете, что возят? Какие-то особые ценности?

– Не знаю. Камни, может. Металлы.

– Какие-то еще особенности их кораблей? Может, что-то, что было обязательным?

– Чот не соображу, – покачал он головой и зевнул.

– У вас, может, остались какие-то документы с того времени? Корабельный распорядок, что угодно?

– Поищу, ладно? – пообещал он.

– Да, спасибо. Буду ждать.

– На этот номер вам пришлю, ну, или мадам Хисс.

«Мадам Хисс» – звучит ободряюще, но мы все еще ничего не знаем, кроме того, что «Трек», вероятно, возит контрабанду. Но это же «у всех так».

Я выключаю связь и тру шрам на щеке, задевая край заплатки из искусственной кожи на виске, поверх импланта.

Дипика посмотрела поверх монитора на меня.

– Пустьышка?

– Как будто бы. А у тебя?

– Я нашла целых десять коммов в этом районе по заданным условиям, – потянулась она. – Из них два с одно-разовыми картами и уже выключены, и еще два принадлежат парням, которые вместе имели приводы за нарушения общественного порядка, приставания к людям и все такое. Остальные более или менее похожи на нормальных людей.

– Нормальные – это скучно, – киваю я. – Берем ненормальных. Ты можешь их найти?

– Они расслаблялись последние пару часов, а сейчас выдвинулись куда-то. Думаешь, стоит попробовать их перехватить?

– Пока выпасай, – машу рукой я. – Тем более, что Кин еще не вернулся.

Дип кивнула и уставилась в экран, оперевшись головой о руку.

– Кто поедет, ты или я? – на всякий случай уточняю я.

– Может, ты? – без энтузиазма зыркнула на меня она.

– Рассказывай.

– Что рассказывать?

– Ты психуешь. Ты вообще вчера прошла свои тесты?

– Сегодня повторный, – неохотно ответила Дип. – Кин говорит, я вчера слишком переволновалась, поэтому завалила.

– Я так думаю, он-то прошел?

– Конечно. Он всегда спокойный, – с оттенком тоски сказала она. – Его ничто не может вывести из равновесия.

– Тебя напугала перестрелка.

Дип некоторое время молчала, глядя в монитор и сопя.

– Меня напугала перестрелка.

– Хочешь показать мне?

Она некоторое время всерьез это обдумывала.

– Нет.

– Главное, что ты должна понимать – ты жива. Как бы

не сложилась ситуация, насколько страшно бы тебе не было, сейчас ты жива. Все хорошо. Просто надо смотреть вперед и не возвращаться мыслями к прошлому.

– Я стараюсь. Но в этот раз с Кином поедешь ты.

– Не проблема. Воспользуюсь случаем, пока ты пропускаешь меня вперед. Потому что через пару дней ты оклемаешься, и у нас опять будут кошачьи драчки за то, кому ехать.

Дип криво улыбнулась.

– Они в западной части города, не двигаются. Там рядом ничего нет, ни пабов, ни клубов, это жилой массив, – она прислала мне ссылку на карту, и я пишу Кину, что стоит попробовать съездить за этими гражданами. Может, там и Гнарк найдется. Главное, чтоб не смылись оттуда, а то гоняться за ними по всей Тайрене что-то не хочется. – Они не зарегистрированы в этом доме, но ближе всего к ним в проекции комм некого Гвидо Альтреса, и на него у нас ничего нет, зато есть его номер квартиры.

– Нам нужно придумать альтернативный способ доставки тебя до целевых точек, – говорю я Кину, пронаблюдав за тем, как он старательно отвернулся от окна, потому что ему и без того плохо.

– Лошади, – предложил он. – Но это будет очень медленно.

– Тогда нам надо ввести какую-то винтажную форму, – шучу я. – Знаешь, чтобы гармонично смотрелось. И обязательно ношение холодного оружия.

– Ваши альварские народные костюмы хорошо подошли бы к лошадности, – предложил Кин. – Но тогда точно все скажут, что Альянс обальварился.

Я отмахиваюсь.

– Зато красиво! У нас очень удобная, функциональная и красивая одежда, между прочим. Не то, что у некоторых. Кажется, у последнего императора Тайрены были солдаты с обувью с помпонами.

Кин хмыкнул, но на приманку не повелся.

– Да, я видел картинки, – подтвердил он. – Так что альвары – образец благоразумия в этом отношении. Даже если сравнивать с другими вашей категории: фейри, сидхе.

– Да уж, особенно фейри с их зверскими тряпками, – зло-радно припечатываю я.

– Разве не ты говорил, что у тебя целых два друга – фейри, злых колдуна?

– Да. И у них отвратительные тряпки.

Кин сдержанно посмеялся. Кажется, от болтовни ему немного полегчало.

– Что думаешь, все-таки, кто-то в Фонде эти деньги заказал дернуть, или Фонд ни при чем?

– Я не уверен про деньги, но они, как минимум, у нас под носом тут развели какие-то свои игры. Мы почти что знаем, что они платили приличные проценты Коде за аккуратный ввод денег на свои счета. А что это за деньги и откуда? Я поговорил с бывшим капитаном из «Трек-Аваланш», он уве-



рен, что «Трек» возит контрабанду, но не уверен, как именно. Он назвал несколько простых способов, но это обманет какую-нибудь заштатную таможню, но только не церберов на Тайрене. И вот что они возят? И связано ли это, вообще, с фондом? Тот заказ, с доступом к кораблю, мог вообще быть не фонда. Фонд мог просто его оплатить для «Трека», потому что у них уже был контакт с Кодой.

– А вот, кстати, почему они платили ему за перевод денег не из той суммы, которую надо было ввести, а отдельно? Разве не проще было бы просто оставлять задание, вот, пусть переводит, и себе забирает «проценто».

– Проще, но не на «Внутримире», – я открываю на планшете документы по аукциону, старательно собранные Дипикой, чтобы свериться. – Тут, как раз, все достаточно просто, потому что у них просто такие правила. Чтобы площадка могла контролировать ход сделки и честность ее выполнения, оплата вносится сначала, на привязанный к сделке счет исполнителя, к которому имеет доступ площадка для контроля – до тех пор, пока задание не будет выполнено. Там есть целая система диспутов и экспертов для решения спорных моментов.

– Как все сложно у преступников, – покачал головой Кин. – Ничего на доверии, все на проверках.

– А ты в магазинах дистанционно как покупаешь, на честном слове, или хочешь гарантий от государства и прочее? Это дублирующие системы. Для них не существует Мини-

стерства безопасности, нет Управления Быстрых решений, и они создают свои, так сказать, гражданские институты для саморегуляции.

– Ты так говоришь, как будто это охренеть как круто.

– А это и есть охренеть, как круто. Без власти и регуляции самоорганизуются структуры, общности, сети общения. В них возникают параллельные финансовые институты, и просто правоохранительные организации. Это, можно сказать, чудо жизни, а ты?

– А я?

– А ты ерепенишься, – ввернул я слово, услышанное у допрошенного капитана.

Жилой массив, куда мы приехали, оказался совершенно обычным. Высокие дома, выкрашенные в яркие сочетания цветов, какие-то мелкие скверы, дворы, придомовые магазины, типичное городское обиталище, совсем не подозрительное. Это вам не полузаброшенные старые части города, которые, все-таки, постепенно сдаются под натиском современности. Тут даже, наверное, лифт есть.

Кину, впрочем, окружающие пейзажи совсем не понравились.

– Специально они, что ли, тут прячутся?

– В смысле?

– Тут полно гражданских. С детьми, со стариками. Представляешь, если тут погоню устраивать? Или вдруг придется стрелять? Да даже в доме стрелять! Стены взрывостойкие,

скорее всего, но плазма вполне может расплавить, пластик же наверняка.

– Значит, постараемся обойтись без стрельбы, – резюмирую я. Имплант к усилителю я подключаю куда более осторожно, чем обычно, можно сказать, даже нежно – сбоку на виске – сплошная рана, прикрытая искусственной кожей, и мне банально саднит. Вопреки обсужденному с Кином, бластер я все же достаю. На всякий случай.

Искомая дверь, принадлежащая Гвидо Альтресу ничем не отличается от всех остальных. Она самая обычная, как и его биография, обрисованная Дип в сопроводительном файле.

Кин огляделся и указал мне на точку в конце коридора.

Я выгибаю бровь, и шеф повторил свой жест. Видимо, моя задача – прикрывать снаружи, так что я без споров занимаю указанное место, растягивая на тонкой псионической нитке щит для Кина, на всякий случай, и уже со своего места наблюдаю, как Кин нажал на панель интеркома.

– Гвидо Альтрес? Я из управляющей компании. Поступили жалобы на протечку от соседей снизу. Вы не могли бы впустить меня, чтобы я мог проверить и убедиться, что проблема в трубах, а не в вашей квартире?

Я бы не поверил. Конечно, люди бывают разные, но людей из управляющей компании в таких зверских пиджаках с павлиньими хвостами просто не бывает. Особенно – в павлиньих пиджаках ценой в десять минимальных зарплат.

Однако в интеркоме прозвучало недовольное ворчание,

которое толком и расшифровать нельзя, и дверь открылась. Кин было сделал шаг вперед, но внезапно кто-то из глубины квартиры заорал:

– Это Кинслеер, придурок!

И тут же раздался выстрел.

Кин качнулся назад и вбок, выхватывая бластер. Щит выдержал, и я продолжаю его держать, пока Кин заблокировав ногой дверь, чтоб не закрыли, то и дело выглядывал из-за нее, чтобы сделать пару коротких, веских выстрелов. Из распахнутой двери при этом палили в белый свет, как в копеечку, так, что на противоположной стене начали плавиться стенные панели. Нетрудно догадаться, чем это кончится. Да, это тугоплавкий пластик с малым уровнем потенциального задымления, сертифицированный и вполне подходящий для противодействия пожару, но плазменное оружие генерирует куда больший температурный уровень. Еще чуть-чуть и включится пожарная тревога, и люди начнут выскакивать в коридор, чтобы последовать плану эвакуации. А тут и мы с бластерами, и агрессивные уголовники в своей норе.

Я кривлюсь и двигаюсь к открытой двери, останавливаясь так, чтобы не попадать под обстрел или в потенциальную зону видимости, но достаточно близко, чтобы попробовать поймать засевших там несознательных граждан за мозги.

– Сдавайтесь! – между выстрелами выкрикнул Кин, который наверняка пришел к тем же выводам, что и я. – Я лично обещаю вам скидку на обвинения!

– Это Кинслеер, дебил, – слышу я между залпов из квартиры. – Он все врет!

Кин не врал, конечно, и скидку бы он им в самом деле сделал, но это уже не важно. Важно то, что звук голоса из комнаты помог мне нащупать и отделить от остальных мысли одного из бандитов и хорошенько их подцепить, накручивая одну на другую. Это не очень сложно, мужик явно под кайфом, но от этого результат мало предсказуем. Вместо того, чтобы аккуратно упасть в обморок, он начинает метаться и орать как резанный.

– Прочь, прочь из моей головы! Прочь из головы! – визжит он.

– Э, ты чего?

– Это ты! Ты!

– Чего... да чего ты делаешь, э! – раздался выстрел, вскрик и тишина. Кин, пользуясь отсутствием шквального огня, тут же ворвался внутрь и сделал два точных, коротких выстрела, финализируя нашу победу, и почти одновременно с этим я выворачиваю из-за двери, тоже. Кин оттолкнул ногой подальше выпавшее из рук наших противников оружие и укоризненно посмотрел на меня.

– И зачем было его заставлять в своих палить? Ты жестокое, бессердечное существо.

– Они под кайфом, – дергаю плечом я. Подобравшись к одному из лежащих, я оттягиваю его веко, чтобы осмотреть склеру. – Забрин, – сообщаю вслух. – Видимо, он вызывает

галлюцинации при псионическом воздействии.

– То есть, мы накрыли лавочку, когда они собрались расслабиться, – прокомментировал Кин, вызывая полицию и врачей.

И тут, конечно же, все-таки сработала пожарная сигнализация, как назло. Тут же раздалось хлопанье дверей, топот, взволнованные голоса – жители дисциплинированно покидали квартиры, а вот нам это было нельзя. И теперь пока пожарные не снимут тревогу, никакая скорая, никакая полиция сюда не пройдут.

– Вот же дрянь, – выругался Кин. – Глянь тех, они продержатся? Хоть кто-то. Нам бы не повредили бы их показания, ради них мы сюда и явились, в конце концов.

– Плохо, что мы не знаем, кто из них Гнарк, – кривлюсь я, проверяя состояние каждого из трех. – Можно попробовать моего наркомана, – поколебавшись, выбираю я. – Тому ты легкие прострелил, он уже булькает. А этот мертв.

– Да уж, без полголовы не бегают, – Кин придиричиво выбрал наименее засиженный стул в комнате, сел и закурил, а я молча принимаюсь за дело. Тому, которому Кин прострелил грудь, уже не помочь без срочной операции, поэтому я только обезболиваю его, и даже не останавливаюсь для попыток покопаться в его голове, потому что наркоману еще можно помочь, и из него потом есть шансы что-то вытянуть. Получается не очень. У него пробито всего лишь плечо, но общая интоксикация от наркотика так велика, что даже от

не самой страшной раны началась аритмия и сердце засбоило. Кроме того, он постоянно пытается перестать дышать, и я полностью сосредотачиваюсь на том, чтобы в слиянии сознаний контролировать пульс и дыхание.

Вдох, выдох. Вдох, выдох. И так по кругу, бесконечно. Булькающий вдох рядом замирает, но я продолжаю вести своего временного пациента.

Вокруг него плавают мысли, и я вынужденно думаю их вместе с ним, и даже немного разматываю в нужные стороны, хотя его волнует, по большей части то же, что и меня сейчас. Закладки, деньги. Продажи через Сумсеть. Надежный поставщик, постоянный, много лет. Гнарк давно с ним работает, и не только Гнарк. Хорошая дурь. Зяба, Хола, Ксу. Здесь не сделаешь – полно полиции. Везде полиция! Гнарк сказал, хотят накрыть. Надо убрать кое-кого, чтобы все было хорошо.

Не получилось.

Мать его, телепат.

«Мать-его-телепат» – это, видимо, я.

– Держитесь? – заботливо уточнил Кин.

– Когда уже конец тревоги?

– Врачи приехали, и полиция, начальник отделения встретится с пожарными. Они проверяют, и все такое. Думаю, скоро.

– Хорошо. Но он толком ничего не знает, разве что, можем накрыть кучу мест с закладками и пару-тройку курьеров. Это мелкая сошка. Вот не мог бы этого застрелить, а

другого оставить?

– Извини, ошибся. В следующий раз предварительно проведу опрос участников и отстрелю в соответствии с анкетой.

– Хороший план, – устало одобряю я.

– Эй, ты там выживешь? Смотри кровью все не залей опять.

– Приятно знать, что ты за меня беспокоишься.

– Да что ты. Просто ты мне тут все улики испортишь.

Впрочем, мне удастся не уделать ничего кровью – мне дурнеет уже после того, как приезжают медики, так что мне даже оперативно суют гигроскопические салфетки, хладоаккумулятор и энергетический батончик, который я и жую, пока Кин вместе с начальником местного отделения полиции ваяли краткий отчет о произошедшем и договаривались о допросе нашего наркомана после приведения его во вменяемый вид.

– Это была бесполезная трата зарядов, – резюмировал Кин, когда мы вернулись во флаер. – И бесполезный день, если мы срочно не придумаем пару гениальных идей.

– Дип не нашла тот арестованный корабль?

– Скорее всего, если туда и пробирались, данные о взломе просто не подали – или взлом не обнаружили. А арестованных или задержанных за это время было штук пятьдесят. Больше всего – в Кпорте-3. Они чаще всего кантуются там. Это иголка в стоге сена.

– Тогда нам нужна Урадра, – я уже тоже вывел себе этот



отчет и просматриваю его. – Там был задержан всего один корабль.

– Ты думаешь, что в Кпорте-3 у них прикуп, а тут особо нет, и поэтому пришлось тащить что-то с внешней помощью?

– Примерно так. Поболтаем с директором Урадры?

– Ты выдержишь, или мне лучше Дип вызвать?

– Выдержу. Кстати, как она точно все угадала, а? Вот не хотела она сегодня с тобой ехать, и была права – опять стреляли.

– Да уж, было бы не к месту, с нее еще после прошлой драчки ограничения не сняли. А тут было бы одно на другое. Да и, – он помолчал. – Даже не в тестах дело. Она в самом деле пока что плохо держится под огнем. Может, сказывается то, что ее подстрелили в первой же перестрелке?

– Тут либо поможет опыт, либо ничего не поможет, – подтверждаю я. Я знаю людей, которые так и не привыкли, но я – другой случай.

– Хорошо бы помог, хотя, с другой стороны – благодаря той первой ране, она избежала куда худшего. А мы и с тобой на оперативной работе неплохо справляемся.

Да, мы справляемся. Кин считается одним из лучших в Министерстве в том, что касается боеспособности, а я уверенно болтаюсь где-то на медианном значении, несмотря на гравикресло. Иногда оно даже играет на руку, потому что большая часть людей все равно не ждет ничего особенного

от человека с ограниченными возможностями – для этого даже есть дразнилка – «чесовоз», что уж. Чесовоз, чесовоз, сунул голову в навоз, и все такое. Общество высокой, мать ее, толерантности. В общем, когда кто-то видит парня в гравикресле, то никогда не подумает сходу, что руки-то у него работают, и глаза тоже, так что стрелять ничто не мешает. А креслом я управляю через имплант, так что маневренность на высоте.

Ну и, к тому же, я телепат. Это тоже играет свою роль.

– Тем не менее, я считаю, что нам – вернее, тебе, как руководителю отдела, нужно больше людей. Я понимаю твои проблемы, но нас, все-таки, слишком мало.

– Ты понимаешь? Повезло. Я сам себя не до конца понимаю. Но это было тяжело. Очень тяжело. Ты когда-нибудь терял друзей? Они были моими друзьями и моей семьей, и из них осталась одна только Дип. Я думаю, тебе сразу было ясно, что я согласился на твое присутствие, потому что тебя определили вроде как просто консультантом, а не членом команды. Но за это время, конечно, ты стал частью команды.

– Настолько, чтобы включить меня в отдел и платить мне зарплату?

– Я подумаю над этим предложением, – щедро пообещал Кин. – Но только если это будет не слишком большая зарплата.

– Как будто свои личные деньги берегаешь, – весело фыркая я. – Не хочешь новых сотрудников – хорошо, да-

вай тогда просто возьмем еще консультантов. Знаешь, например, консультанта по киберзащите, консультанта по системам энергетической защиты.

– Консультанта по боевым искусствам! – продолжил Кин, веселясь.

– И, конечно, собственного консультанта-патологоанатома.

– Чтобы было кому собирать куски наших тел после неудачи.

– По-моему, чудесный план.

– Ты меня почти уговорил. Может, это и будет не очень плохо, тем более, что Старик не слезает с меня по поводу команды. Он, видишь ли, переживает, что мы трое перегружены. Особенно, видимо, ты.

– Сплошная эксплуатация! – говорю я и занудно добавляю. – Еще и зарплату не платят.

– Я уже понял твой тезис на этот счет. Успокойся.

Мы оба посмеиваемся, и напряжение перестрелки окончательно рассасывается.

Не так уж мне и нужна эта зарплата, на самом деле, и Кин об этом прекрасно осведомлен. Даже если оставить в стороне все остальные факторы, я заработал достаточно, пока служил, и у меня всегда был под рукой надежный инвестиционный менеджер в лице собственного брата. Так что у меня все в порядке – даже с учетом почти астрономических трат на обеспечение «более лучшего» состояния себя, любимого.

Космопорт, даже не самый крупный, всегда – настоящий муравейник. Грузовые корабли практически ежеминутно прилетают и улетают, всюду снуют грузчики и беспилотники. То и дело кто-то орет в матюгальник, на том самом языке, на котором врачи выписывают рецепты, ни черта не понятно, и очень суетливо. Мне тут нравится, даже несмотря на то, мы толком не понимаем, как нам все-таки найти директора, никого не убив.

– Директор? Конечно, можно просканировать ваши документы? Простите, этот сканер только для ИД. Давайте пройдем вот сюда. Простите, господин эээ... Гиллернхорн, вам не нужна помощь?

– Мне не нужна помощь. А вот Вам, кажется, нужна, – язвлю я.

– Вот тут есть нужный сканер. Джорвин! Пожалуйста, убедись, что эти господа из Министерства! А мне нужно идти, – и он убыл, оставив нас с растерянным служащим, посаженным очередью людей.

– Господа, позвольте, я просканирую, – только он приступил, как очередь тут же начала возмущаться.

– Да что такое! Я на рейс так опоздаю. Да кто это придумал!

– Это коррупция. Коррупция! Пропускать министерских вперед это коррупция!

– Это не коррупция, это возмутительно!

– Спокойно! – Кин поднял руки. – Мы занимаемся рас-

следованием, а не пытаемся улететь.

– Кроме того, – ехидно добавляю я. – Лица с ограниченными возможностями обслуживаются первыми.

– Да вы издеваетесь!

– Я опаздываю!

– Проверьте быстро, – Кин прочекал комм по интерфейсу сверки, и на мониторе прокрутился вокруг своей оси значок с логотипом министерства. – Все? Позвоните кому-то, кто отведет нас к директору.

– Сейчас! Секундочку

Но в следующие секундочки он был вынужден торопливо проверить ближний край очереди, чтобы не гундели, и только потом кому-то, все-таки, позвонил, пока мы условно-терпеливо продолжали ждать.

Кин сначала стоял спокойно, потом сел, потом опять встал и, убедившись, что никто не смотрит, закурил прямо под знаком «не курить».

– Может, мне достать бластер? – задумчиво спросил он, буравя взглядом злосчастного Джорвина, который от этого явно обливается холодным потом. – Вот достать, пару стад разогнать выстрелами, пройти по бесчувственным телам в любое место. Можно спокойно все пообследовать.

– Пока полиция не приедет.

– Мы сами полиция, – отмахнулся Кин.

– Не курите! Вы что, не видите значок? – заорал на Кина пробегающий мимо служащий.

– А вы не видите, что мы из Министерства и, сука, нам нужен директор, чтобы допросить его? Директива 22, мать вашу! – раздраженно ответил Кин ему вслед, потому что парень уже сбежал. – Дурдом! Может, правда кого-нибудь напугать? Что-то я устал топтаться.

– Напугай, а я посмотрю, – подбадриваю его я.

Кин посмотрел на меня критически, потом решительно направился к Джорвину и выразительно положил руку с бластером на его стол.

– К директору, немедленно. Меня не волнует, что у вас тут плохо организована работа. Я должен поговорить с директором, немедленно. Это директива 22. Вы понимаете, что это значит?

– Ч-то? – запнулся от ужаса менеджер, и даже очередь немного притихла.

– Ваш уровень правового сознания непростительно низок, – всхрипнул Кин.

– Директива 22 касается национальной безопасности, – не удержался от того, чтобы показать свою умность, один из пассажиров из очереди.

– Именно, – не оборачиваясь и продолжая буравить взглядом Джорвина, сказал Кин. – Поэтому НЕМЕДЛЕННО проводите нас к директору, иначе я буду вынужден применить жесткие меры, соответствующие опасности, угрожающей Альянсу.

Джорвин сглотнул, выставил заставку «закрыто» на тер-

минале и торопливо поднялся.

– Господа, сейчас придет мой сменщик и вас быстренько оформит, – дрожащим голосом сказал он. – А вы, господа, пожалуйста, за мной.

Кин изобразил грозное лицо, вложил бластер в кобуру и, печатая шаг, двинулся вперед. Выглядел он при этом несколько забавно – в хорошем смысле. Маленький, грозный, яркий попугайчик, готовый яростно заклевать любого врага. А следом я – ободранный кот с парализованными задними лапами.

Джорвин привел нас в просторный офис и бросился к ближайшему оккупированному столу.

– Кирви, эти господа из Министерства, я проверил. Им надо к директору! Директива 22! – и, только девушка открыла рот, чтобы ответить, развернулся и практически сбежал. Мы с Кином переглянулись и оба уставились на новую жертву. Она натянуто улыбнулась.

– Господа. Я сейчас уточню, не занят ли директор, – сказала она, поднимаясь с места.

Мы с Кином переглянулись еще раз, и он со вздохом снова достал из кобуры бластер и тяжело, со значением, положил руку с ним на стол перед девушкой.

– Директор. Сейчас, понимаете? Мне плевать, чем он занят. Дело по директиве 22.

Она внимательно посмотрела на бластер, потом в серьезное лицо Кина, сглотнула, кивнула и торопливо подскочив

со своего места, повела нас к нужному кабинету.

Мы сдержанно отправились вслед за ней.

– Господин Кюн, – она открыла дверь кабинета генсканером и заглянула внутрь. – Простите. К Вам господа из Министерства.

– Какого ещё Министерства?

– Безопасности, – Кин осторожно отодвинул девушку плечом и вдвинулся внутрь. – Господин Кюн, я Аджантис Кинслер, это Иль Гиллернхорн. Нам необходима Ваша помощь в расследовании.

– Безобразие! – заорал он. – Только безопасников мне не хватало. Какого демона вы явились? Мне без вас проблем, что ли, недостаточно?

– Господин Кюн, держите себя в руках, пожалуйста, мы просто зададим вам несколько вопросов и уйдем. Если, конечно, вы не предпочитаете вызов в Управление.

– Говорите, – бросил он, и Кин, сочтя это достаточным приглашением, разместился в одном из кресел.

– В вашем космопорте больше полугода назад задержали судно «Трек-Аваланш» под названием «Садора». Помните такое? – сверился с планшетом Кин.

– Нет. Да. Может, – буркнул директор, но Кин продолжил смотреть прямо на него, и он полез в терминал. – Да. Было. И что с того? Его проверили, отпустили.

– Чем он вызвал подозрения?

– Документы требовали подтверждения. В таких ситуаци-



ях обычно инициируется полный досмотр, чтобы избежать проблем. Что-то еще?

– Были ли какие-то странности в период между арестом судна и его проверкой? Сбои оборудования, внезапные появления внешних проверок, например?

– Нет. Не было.

– Можем ли мы получить доступ к информации систем безопасности за тот период?

– Да чего привязались вы? Орден несите, и все дадим. Без ордера – ни пика, ни бита!

– Это ваше окончательное решение?

– Да! И никто вам тут ничего не выдаст без ордера. Еще раз говорю. Нечего у меня тут рыскать, мы налоги все платим, сотрудников трудоустраиваем по правилам, санэпидем правила соблюдаем, по антитеррористической безопасности все отлично, что вам еще надо? Хотите системы безопасности попроверять? Ордер!

– Что же, спасибо за помощь, – буркнул Кин, поднимаясь. – Не сомневайтесь, мы вернемся.

Я вежливо промолчал и невежливо не попрощался. Вместо этого тут же по выходу спросил у ближайшего служащего:

– Где у вас тут таможенный пункт? А лучше, начальник таможенного пункта?

– Это вам на первый этаж, они все в промежуточной зоне. Давайте я покажу на карте?

– Таможенники? – уточнил Кин.

– Они на государственной службе, а не получают зарплату от директора. То есть, скорее всего, получают, но никогда не признаются. А вот на наши вопросы они вынуждены будут ответить.

– Хорошая мысль.

– Других не держу, раздаю желающим, – отмахиваюсь я.

Впрочем, таможенники особенно нам помочь тоже не могут.

– Да, я помню этот корабль. Мы его, в самом деле задержали. У них были достаточно сомнительные документы на один из грузов – какие-то растения. Мы ждали экспертизу, что они не токсичны. В таких ситуациях мы всегда делаем полный досмотр корабля и персонала. Я помню, это были наглые такие гавнюки. Но потом мы их проверили, и все было чисто. Я даже расстроился, – охотно рассказал нам молодой офицер таможни.

– Были ли какие-нибудь странности за то время, пока вы ждали результатов анализов? Например, сбоящая техника?

– Наша в порядке. Что у охраны было, я не знаю.

– Что-то еще подозрительное про тот корабль?

– Да нет. Обычный грузовик «Трека». Они все примерно одинаковые.

– Опишите.

– Что, простите?

– Опишите их обычный корабль, все аспекты, которые

вы ожидаете обнаружить там, когда видите, что речь идет о «Трек-Аваланш».

– Ну, – парень бросил короткий взгляд на Кина, потом снова на меня. – У них обычные грузовые курьерские корабли, обычно производства «Схайо» из Созвездия. У них всех стандартная планировка, – он вызвал схему на экран своего терминала. – Вот тут рубка. Тут машинное отделение. Грузовое может быть и односекционное, и двух, и трех. Кают от трех до десяти. У них стандартные команды. Три человека: капитан, механик, пилот. У них не бывает навигаторов, потому что маршруты им рассчитывают автоматически с базы, и нет медика. Для всех проблем со здоровьем – криокамера. У них мощная оптимизация за счет таких условий, и они возят просто дофига. Они не гибкие, конечно, никогда не могут перестроиться и сделать что-то, выходящее за рамки программы, но они не на это рассчитаны. У них стандартизированные задачи, которые решаются стандартизированными методами.

– Если они летают стандартными маршрутами, почему они не оптимизировали еще и пилотов?

– Не знаю, – пожал плечами парень. – Может, они посчитали, что автопилот недостаточно надежен. Или у них профсоюз какой-нибудь, или союзный договор. Все их пилоты – кицилосы.

– Кицилосы? – сморщил нос Кин.

– Как финансист «Детей науки», – подсказываю я.

– А они хорошие пилоты?

– Они могут быть пилотами, – поправляю я. – Почему нет? Они зануды. Летают очень занудно, тоже. По схеме. Как автотопилот. Вж, вж.

Но я озадачен, на самом деле. Кицилосы? Все, сплошь?

– Вы их когда-нибудь ловили на контрабанде?

– По мелочи. Платили штрафы, и все.

– У вас сейчас какой-нибудь корабль «Трек-Аваланша» на задержании стоит?

– У нас – нет, – бодро ответил таможенник. – Но, может, где-то еще есть? – он открыл базу и начал искать. – Вот, на Кпорте-3 сейчас один на проверке. Хотите, я шепну ребятам, чтобы их подольше помариновали?

– Да, – ответили мы с Кином почти хором. В Кпорте-3, теоретически, у «Трек-Аваланша» имеются некие лазейки, и если у приветливого таможенника ничего не получится – мы будем точно знать, что они имеют место быть.

– Вот мой номер комма, – Кин передал ему инфокарту. – Пожалуйста, свяжитесь со мной, когда поговорите с коллегами.

– Конечно. Всегда рад помочь коллегам!

– Итого? – спросил меня Кин во флаере, сев и закрыв глаза. Как только флаер тронулся, Кин резко побледнел, аж с зеленцой.

– Итого, директор врет. Что-то у них случилось, именно у них, но рассказывать нам об этом он не горит желанием. Мы

сможем получить на них ордер?

– На основании чего? – поморщился Кин. – Это догадки. Он мог врать тебе про другое. Коде могли дать задание про совершенно другой корабль. Никто не примет такое основание для ордера.

– У нас есть альтернативы?

– Легальных – нет. Разве что они сами решат нас осчастливить.

– Мы можем влезть в их записи нелегально. Но у нас в команде нет хакера, что возвращает нас к нашей предыдущей беседе.

– Может, попытаться все-таки уговорить кого-то из них?

Начальника охраны?

– Частным образом?

– Как будто это более легально.

– Если именно уговорить, а не выжать, то все будет в рамках закона.

– По-моему опыту, нормальные СБшники плохо поддаются уговорам и особенно давлению.

– Для начала надо определить, нормальный ли там СБшник.

– Может, проще пробраться в кабинет директора, найти пароли в записках и все на свете узнать.

– Кто это на тебя так плохо влияет?

– Бесконечные глухие стены вокруг, – фыркаю я. – Я уже готов начать сканировать всех подряд.

– Давай все-таки не будем лишний раз рисковать и поищем лазейку среди СБшников. Нам даже не обязательно нужен именно начальник.

– Лишний раз? – уточняю я.

Кин раздраженно промолчал.

Я не давлю на него – в конце концов, эту черту мы можем перейти позже.

– Ты прав, – сказал он через некоторое время. – Сплошные тупики. За сегодня мы не продвинулись ни на шаг.

– А, может, просто не заметили, – не соглашаюсь я. – Когда флаер начинает движение, не всегда понятно, это ты двигаешься или мир вокруг.

– Хочешь сказать, что это либо мы двинулись, либо весь мир двинулся?

– Мы давно двинулись, Кин.

Мне не дает покоя информация о пилотах, например. Какое отношение ко всему этому имеют кицилосы?

## Глава 7. Try everything

Кто не рискует – тот не пьет... кофе. Но, кажется, давно понятно, что я – рискованный парень, храбрый в самых неподходящих для этого местах. Так что я покупаю кофе у чужого дяденьки и даже спрашиваю его о его сменщике.

– А что «Лангда»?

– А в отпуске, – с готовностью ответил тот. – Как раз по графику, на две недели. Да вы не переживайте, заходите. Он мне написал вчера, какой Вам кофе делать.

Он даже старательно нарисовал ноль, единицу и двойку на стаканах из моего заказа, но я недоволен все равно. Не настолько недоволен, чтобы не оставить чаевые – но настолько, чтобы не сказать больше ни слова.

Я так и не придумал ничего про кицилосов. Даже позвонил еще раз тому капитану, с которым меня сконнектила Хисс, и тот подтвердил, что да, его пилот тоже был кицилосом.

– И как, хороший пилот?

– Да зануда, мать его в качель, автопилот и то веселее.

– А почему тогда именно он?

– Да мне-то откуда знать?

– Хотя бы предположите.

– Лсинн своих пристраивает?

Это было бы проще всего, конечно, но мне в это верится

с трудом.

К тому моменту, когда я только появляюсь в Управлении, Кин уже выглядит так, словно ему уже все совершенно опостылело. Если не сказать хуже. Он выглядит немного багровым, и сейчас слишком рано для того, чтобы это было результатом чайка-менеджмента имени Старика.

– У тебя внезапный приступ аллергии на жизнь, и тебе не давать кофе, пока там не будет больше алкоголя, чем кофе? – уточняю я.

– В самом деле, – тут же поддакнула мне Дип. – Расслабься, покури, выпей тайком под столом из заначки. Никто не заметит.

– Заметят, заметят, – мрачновато сказал Кин, забирая у меня свой стакан. Пил он свой кофе так, словно это был, в самом деле, чистый спирт – залпом.

– Нормальные люди вот покуривают, побухивают, там, или еще что, – сказала Дипика. – А как расслабляется Иль?

– А Иль не напрягается, – отмахиваюсь я. – А что у нас с утра такое прекрасное случилось, что Кин перестал сочетаться с собственным пиджаком?

Кин с недоверием оглядывает свой бирюзовый аутфит.

– Врешь ты все.

– Художественно преувеличиваю, готовлюсь писать песню, – напоминаю я ему про данное в начале декады задание. – Собираю, так сказать, метафоры и яркие образы.

– У него что ни день, то яркие образы, – хихикнула Дип.



– Смех смехом, – вздохнул Кин.

– Смех смехом, а он такой красный, потому что не ты один заметил его прекрасный вид рано поутру, – продолжила потешаться Дип. – Помнишь ту прекрасную Эйрику, которая тебе так понравилась?

– О, так ты согласна, что она прекрасная?

– Еще как! Она так классно бросилась Кину на шею голой грудью сегодня, что это признали все! А если учесть и разницу в росте, ты можешь себе представить, да, куда именно она ему бросилась.

– Сиськами в лицо? – уточняю я самым невинным тоном.

– Именно! – подтвердила Дип. – Народ бросился просить стоп-кадр с камер охраны, чтоб это все запечатлеть.

— Надо ловить волну и сделать игривый календарь с нашими сотрудниками и их горячими поклонниками. С кем ты хочешь, чтобы тебя запечатлели, Дип?

– Пожалуй, выберу того хорошенького альвара, который решил с нами сотрудничать, – демонстративно закатывает глаза она в преувеличенном восторге. – Он весь такой светленький.

Кин потемнел еще больше.

– Может, вы уже прекратите, и мы вернемся к делу?

– Действительно, а чем дело-то закончилось? – радостно уточняю я у Дип.

– О, о, Кин ее невежливо от себя отодвинул. Я думала, у него сейчас черная слизь из ушей пойдет, но ничего, обо-

шлось. Попросил охрану ее вывести.

– Столько всего пропустил из-за какого-то кофе, – хмы-  
каю я. – В следующий раз позвони мне, чтоб я шуршал быст-  
рее.

– Следующего раза не будет! – мрачно сказал Кин.

– Будет, – почти хором ответили мы с Дип.

– Все, отставить шуточки над старшими по званию, – уны-  
ло попросил наш шеф. – Лучше пошутите мне что-нибудь  
про расследование, а то тошно.

– Расследование идет плохо, потому что у него нет но-  
жек, – автоматически выдаю я.

– Срочно пришить ему ножки, – скомандовал Кин. – Что-  
бы быстрее булками шевелило.

– Булок у него тоже нет. Есть кицилосы.

– И неизвестные результаты заказа на проникновение на  
корабль.

– И Сорель. Он еще в больнице?

– Да, шибануло его знатно. Зато тот парень, которого ты  
вчера героически спасал, внезапно, очухался, но толку от  
него – чуть. Ну, допустим, пару дилеров мы с его слов на-  
кроем. Но он сам ничего толком не знал, на кого работает –  
а кто знал, тот, к сожалению, труп.

– Я передумал. Нам нужен консультант-некромант. Вме-  
сто консультанта-паталогоанатома.

– Хочешь сказать, фейри это в самом деле умеют?

– Говорят, когда-то умели. Правда, опять-таки, говорят, с

мертвецов мало толку. Нейроны быстро отмирают, и память истощается. Через полчаса после смерти никаких сведений уже не восстановить.

– Убил – допросил. Хороший подход, – одобрил Кин.

– Можно даже превентивно, – сказала добрая Дип. – Есть подозреваемый – его ввел в клиническую смерть, допросил, узнал, что хотел, отдал врачам откачивать. Так сказать, допрос через смерть.

– Куда проще просто дать мне разрешение взломать, например, мозги Горун, – предлагаю я. – И мы сразу все узнаем.

– Принеси мне свидетельство совершения Фондом преступлений, подпадающих под директиву 22, и я добьюсь этого разрешения.

– Так это поздно будет, – вздыхаю я – Нам бы сейчас ее вытрясти. Только она благоразумно даже по комму с нами не разговаривает.

– Я все еще надеюсь, что Сорель знает что-то критичное, – нахмурился Кин. – Потому что иначе как-то не густо у нас ниточек.

– Кстати! – едва не подпрыгнула на месте Дип. – Иль, ты про «Соджорн» почитал?

– Частично, – увиливаю от ответа я. – Но пока ничего интересного не нашел.

– Это переводится как «даже не открывал», – любезно перевел Кин. – Итак, кто может нам добыть сведения из со-

трудников «Урадры»? И так, чтобы это было хотя бы относительно законно.

– Поищи среди их СБ ветеранов десанта, – без энтузиазма предлагаю я. – Если кто-то есть, я попытаюсь найти общих знакомых.

Дип кивнула и углубилась в терминал.

– Деньги, кстати, вернули.

– И дыры в безопасности залатали, надеюсь.

– Я тоже надеюсь. Лад прислал отчет – наш хакер просто пришел сюда с устройством, которое приконнектил к нашей внешней сети через один из портов напрямую. И пока оно там оставалось, он сначала неторопливо разобрал всю защиту, а потом аккуратно, элегантно и очень подло делал все, что захочет.

– Нам еще повезло, что он не устроил нам никаких крупных дез и сливов. И во внешней сети хватило бы информации для скандала любого уровня. А где этот черный ящик был?

Кин сверился с файлом Лада и задумчиво покрутил в пальцах свою электронную сигарету.

– В сетевой розетке на пункте охраны. Там одна выведена не напрямую на пульт, а чуть сбоку. Так вот он нашел же ее, и воткнул.

Я пытаюсь представить себе пост охраны, весь такой пугающий и подтянутый. А тут – розетка? Прямо наружу?

– А она прямо так, что ли, торчала?

– Нет, была заклеена пленкой и изоляцией. В смысле, – Кин замолчал и внимательно посмотрел в отчет, потом на меня, немного выкатывая глаза. – Кажется, я хочу спросить, а как он ее нашел.

– Кажется, я тоже хочу это спросить, – соглашаюсь я. – У кого могут быть, я не знаю, данные о схемах коммуникаций?

– Проектное бюро? Какая-то экспертиза? – предположила Дип, не отрываясь от терминала. – О, какие тут красавчики в СБ работают, хоть всех на календарь.

– Дипика! – возмутился Кин. – Мы тут серьезными вещами занимаемся.

– Он ревнует, – подсказываю я и подмигиваю Дип. – Не слишком пялься на чужих мужиков, у тебя тут свои есть.

– Как мило с вашей стороны, – хихикнула она. – В любом случае, наше здание спроектировано Проектным институтом «КБС» при Университете имени Джея Годвелла что-то около пятидесяти лет назад. У них точно должны быть где-то в архивах наши планы, исключая секретные блоки. Планы секретных частей есть только у нас самих. Проверку осуществляло Бюро Городской Экспертизы номер три. Оно с тех пор упразднено, архивы числятся как переведенные в закрытый сектор Публичной Библиотеки. Ремонты по подряду осуществляет компания «Айла Сель». Судя по всему, у них как раз планов никаких нет, иначе бы они не заклеили напрочь эту сраную розетку.

– Либо планы у них есть, и они это сделали нарочно, – не

согласился Кин. – Кого будем трясти первыми?

– Можно СБшников? – попросила Дип, но Кин посмотрел на нее так сурово, что пришлось стушеваться.

– А ты там что-то нашла?

– Тут есть мужичок, который служил в О76-299, но не когда ты, Иль. Лет за десять до тебя ушел на пенсию. Его зовут Ларс Кринв, – она переслала мне фотографию из его профиля.

Не помню я, конечно, никакого Ларса Кринва – видеть я его не видел, а если мне про него и рассказывали, то упоминая прозвище, а не имя.

– Адрес есть?

– Есть, и номер комм. Комм трекается – мужик занудно легален.

– И где он трекается?

– Какая-то забегаловка – «Красная телка»? Кто вообще так называет бар? – возмутилась Дип.

– Это название легендарного отряда, – ворчу я. – Неужели ты думаешь, что они все назывались, там, О75-299?

– Нет? А как тогда?

– И56-299 был «Красная телка». Наш был «Летучая дрянь».

Дип честно попыталась не хихикать.

– Это ты еще наши не позывные слышала, – хмыкаю я.

– И у тебя это не «Гиллернхорн»? – уточнила она.

– Конечно, нет, – деланно оскорбленно отвечаю я.

– Кин, а ты в курсе?

– Нет, но я обойдусь без этого компромата, – поднял руки

Кин. – Иль, ты займешься этим потенциальным информатором?

Я тру шрам и со вздохом соглашаюсь.

– Хорошо.

– Тебе помочь или не мешать?

– Не мешать. А чем займетесь вы?

– Мы начнем с конца. Потрясем ремонтников.

– Постарайтесь не попасть под пули.

Дипика вздрогнула.

– Типун тебе на язык! Не станут же ремонтники в нас палить за простые вопросы!

Я сдерживаюсь и не язвлю, но мы с Кином обмениваемся понимающими взглядами.

– А что с тем бронефлаером?

– Который тебя с Сорелем спасал? Ничего. На ближайших камерах куча крупных машин, но ни одна из них не зарегистрирована как бронированная, так что, наверное, тупик. Можно, конечно, каждую вручную проверить, но их там почти сотня.

Почти сотня – это даже не пара десятков. А с учетом того, что я бы на месте водителя со своим собственным номером не ездил, и перекинул бы табло сразу, как скрылся из виду... в общем, я склонен согласиться – это не вариант.

Вопреки тому, что я не слишком хочу посещать «Красную

телку», рискуя встретиться с бывшими сослуживцами, я, тем не менее, чувствую определенный подъем: у нас есть целых два новых хвоста с охвостьями, и это куда интересней, чем биться без толку об стенку одних и тех же догадок.

Вряд ли ремонтная фирма в курсе, впрочем. Собственно, я готов сделать ставку, что они ни при чем.

«ставлю десять кредитов что планы сперли из библиотеки», – пишу я Кину по дороге, просто потому, что мне скучно ехать одному и хочется хоть в кого-то потыкать.

«Дип считает, что это университет, потому что там, где студенты – всегда бардак».

«а ты сам»

«А я воздержусь спорить с тобой. Твое Тонкое Чувство Задницы работает исключительно хорошо. Ты зря не занялся расследованиями еще лет десять назад».

«я всегда больше любил стрелять в людей чем разбираться в их проблемах».

«Как будто ты сейчас больше любишь проблемы людей, а не стрелять в них».

«сейчас у меня выбора особо нет».

Я немного кривлю душой. Если бы прямо очень хотелось, как ни странно, я бы мог даже вернуться в свой отряд – я все еще ограничено годен именно для своего рода войск, так как управление экзоброней всегда работает через имплант: у не-телепатов со штекерным интерфейсом, у телепатов – с соприкасающимся. Так что, я могу и гожусь, по большому



счету, но уже не так рвусь на передовую. Нет, периодически пострелять и поучаствовать в какой-никакой драчке очень приятно – но я уже, наверное, не хочу, чтобы это было моей профессией.

Кроме того, мой напарник и по совместительству один из лучших друзей уже тоже на несколько другой работе, а без него это все и вполнину не так весело было бы.

На вывеске «Красной телки» нарисована, как ни странно, наверное, для непосвященных, именно красная телка. Здоровенная корова с хитрой лыбой на всю морду, венком на рогах и с трезубцем в руках. Не дать, ни взять, а демон какой-нибудь религии, воплощенный в крупном рогатом скоте.

Телка, тем не менее, зверски харизматична – и, судя по наполненности бара в будний день, не один я так думаю. Хотя, может дело в харизматичности выгодного предложения обеда для офисменов?

– Эй! – окликнул меня бармен, стоило только появиться. – Ничего себе! Кого тут нам ветром принесло. Какими судьбами?

Я пытаюсь оглядеть зал, но народу слишком много, и мне с моей точки обзора не очень-то видно, а просканировать нормально телепатией тоже не получится – никто не сидит же и не думает прямо на поверхности – «я такой-то, этот парень явно пришел за мной». То есть, ожидающих ареста и чувствующих себя виноватыми людей так вот с порога поймать можно – а вот искать иголку в стоге сена – несколько

затруднительно. Принимая все это во внимание, я решаю вопрос с помощью социальной инженерии.

– Слушай, – говорю я бармену, свернув к стойке. – Ты вот этого парня знаешь?

Тот бросил взгляд на снимок на экране моего комма и уточнил самым независимым тоном.

– У него проблемы?

– Нет. Но он может мне помочь решить мои.

– Эй, у нас все в курсе, что ты сейчас на безопасников работаешь. Я точно могу тебе верить, что ты не устроишь тут буйный арест или дознание, и все такое?

– Даю слово. Этот парень работает в компании, на которую мне нужен, скажем так, независимый взгляд, вот и все.

– Я за тобой наблюдаю, – пригрозил мне бармен и махнул рукой. – Десятый столик, он у окна. Позывной Флегма.

– Спасибо, – я уверенно выдерживаю испытующий взгляд своего временного информатора и направляюсь к Ларсу Кринву. К Флегме.

– Флегма, – не спрашиваю, а здороваюсь я. Он с изрядной задержкой поднял на меня взгляд от еды, медленно и размеренно вытащил из ушей наушники и кивнул.

– Я тебя в новостях видел. Но ты тогда был меньше на бабу похож, – беззлобно сказал он.

– Можем поговорить? Я обещаю не отнять много времени.

– Валяй. Можешь еще работу предложить, смеха ради, а я послушаю.

– Не нравится нынешнее место?

Он хмыкнул в усы.

– Салаги.

– Я могу поговорить с начальником СБ «Альтеры». Интересно?

– Возьмут?

– Ну так ты фактически мой сослуживец.

– Лады. Так тебе что надо-то?

– Вопрос про «Урадру».

– Я еще там работаю. Как насчет спросить, когда уже не буду?

– Не получится. Мне надо закрывать дело. У нас нет ничего на них, ничего против них. Но они не хотят делиться одной совсем не инкриминирующей деталью без ордера.

– Это о чем?

– У них был арестован для досмотра корабль – «Садора», судно «Трек-Аваланш». Помнишь такой?

– Не помню. Но я их не запоминаю. И что «Садора»?

– Мне нужно знать, есть ли следы взлома системы либо несовпадения по видеофиксации за то время, пока оно ждало проверки.

– А это, вообще, зачем? И не гони мне про директиву 22 и прочую хрень.

– Мы думаем, что систему безопасности «Урадры» кто-то взломал с целью обеспечения прохода к кораблю. Мы уверены, что руководство и сотрудники тут ни при чем и сами

стали жертвой обмана. Но нам нужно знать о самом факте.

– То есть, никого вы не будете арестовывать, если что и было?

– Я не прошу мне говорить, если вы сами кого-то там по договоренности пропустили. Собственно, когда мне, может, лучше не знать детали. Просто сам факт – был ли доступ к кораблю во время проверки или нет.

Флегма некоторое время смотрел на меня, что-то обдумывая, потом по-деловому кивнул.

– Но я жду от тебя в ответ конкретики про «Альтеру». А то, может, и надеяться не резон.

– Хорошо, – подтверждаю договоренность я и протягиваю ему инфокарту. – Это мой номер. Можешь писать и звонить в любое время.

Он кивнул снова.

– А теперь, если ты сам жрать не собираешься, дай хоть мне пожрать спокойно.

Требование справедливое – я киваю ему и направляюсь к выходу, не собираясь даже снова общаться с барменом. Но примерно на середине пути до дверей на траектории моего движения появилась сначала дерзкая нога, а потом и сам Пушка целиком. Этот парень всегда относился ко мне с изрядной долей скверного юмора, как и я к нему, впрочем. Видимо, обмена колкостями не избежать.

– Ого, папина любимая принцесска в золоченой карете заскочила к нам на огонек! Как дела, принцесска?

– Корона не жмет, трон удобный. А как там у вас на дне? – невинно спрашиваю я и вижу, как бармен немного напрягся – даже обе руки под стойку убрал, где у него, наверняка, какое-то оружие припрятано. Зная сугубую нелюбовь держателей притонов всех мастей к разрушениям, это не бластер, а, скорее, парализатор.

Это напрасные надежды – бластер есть у меня, и, я уверен, у Пушки – тоже. Однако, обычно мы всегда обходились, если что, обычными тумаками.

– Ходим, – гыгыкнул Пушка. – По дну-то. Ходим!

Он подумал, наверное, что меня можно обидеть намеком на мое состояние?

– Сочувствую. Всем бы стоило иметь возможность не загребать ногами грязь.

Он обдумывал ответ несколько секунд, и все вокруг даже немного притихли в ожидании. Он не слишком умный, наш Пушка, но у него хватило мозгов сменить тему.

– Тебя тут, принцесска, не ждали совсем, если ты еще не понял.

– О, я в самом деле давно не навещал вас. Вы тут все отчаялись, наверное. И ждать перестали, – лучезарно улыбаюсь я. – Но ничего, я буду чаще к вам навещаться. Тем более, смотрю, тут новый интерьер.

В прошлый раз я был тут со своим бывшим напарником, и Пушка с еще парой парней нарвались на нас. А злосчастный интерьер – на всех нас вместе. Это было с год назад, но,

видимо, оставило самые глубокие впечатления.

– Стоп, – призвал нас к миру из-за стойки бармен. – Пушка! Гони сюда, налью. И ты тоже. Вы достали мне все тут разносить! Выпейте лучше оба и успокойтесь!

– Так принцесске небось нельзя, – съерничал Пушка. – Не из золотого кубка.

– Я вам обоим золотые кубки обеспечу, – пообещал бармен. Пушка, не сводя с меня настороженного взгляда, отошел к стойке боком, как краб. И правильно, кстати, сделал, потому что мебелью я кидаюсь все еще совершенно легендарно.

Роль золотых кубков исполняют желтые стаканы, но мы оба делаем вид, что так и было задумано.

«как успехи», – пишу я Кину, когда выхожу из паба.

«Сюда надо было ехать тебе», – пожаловался Кин. – «Директор настоял, чтобы мы убедились в праведности всей его ремонтной бригады. Их всех вызвали. Они все друг на друга сваливают, кто же решил заклеить эту розетку. Экшен хуже перестрелки».

«дерьмо так и летает».

«Именно. Как у тебя»?

«завтра узнаем я пока в библиотеку».

«Самое время просветиться»?

«конечно может еще я успею спасти тебя от допроса всех родственников этих ремонтников до десятого колена».

«Для этого уже слишком поздно. Отомсти за меня».

Я люблю библиотеки. Люди там обычно заняты своими делами, и мысли у них спокойные и прозрачные, создающие легкий белый шум на границе сознания. Конечно, в зонах досуга и отдыха обычно шумновато, но в читальных залах тихо, все трудятся. Несмотря на весь технологический прогресс или, может, как раз из-за него, в библиотеках всегда полно народу – к части цифровых архивов доступ ограничен, а многие материалы либо не оцифрованы, все еще, либо цифровизации не подлежат, поскольку представляют собой «культурное достояние в аналоговой форме». Нетрудно догадаться, что за всем этим стоит: любимое государство желает знать, кто и что читает, и внимательно бдит за тем, чтобы в доступе были только «правильные» материалы. А доступ к спорной информации должен регулироваться тщательно.

Но Альянс тут еще не худшее, что может быть. Здесь, по крайней мере, печатные книги все еще хранятся и распространяются среди эстетов и любителей, а история некоторых планет знает случаи, когда все печатные книги уничтожались, потому что в них тяжелее вносить изменения и править неудобно. Это же морока – напечатай, перепечатай. А централизованное хранение всех классических и общераспространенных работ и сведений в облачных базах, подконтрольных правительству позволяет вносить неограниченное количество правок в любых местах. Главное тут – запретить сохранение информации где-либо еще, и все – дело в шляпе. Так что... нет.

В общем, люблю библиотеки.

Я начал с простого: включил читательский терминал, прошел идентификацию как сотрудник Министерства с доступом к закрытым архивам, зашел в закрытую секцию и стал искать план нашего здания.

Нашел массу интересного попутно, но совершенно не нужного: копии новостей о нападениях на Министерство, копии отчетов о проверках самого разного рода, даже санэпидем (у нас, оказывается, крысы в подвале, а я то думал!). Есть простые поэтажные планы, а вот никаких следов проектной документации, которая должна быть – нет.

Я на всякий случай еще раз уточняю у Дипики, шла ли речь о Публичной библиотеке, или, может, это все на самом деле у нас. Но нет – она переслала мне распоряжение о переносе и хранении архивов, и все в самом деле должно быть именно тут. Еще пару минут я задумчиво расчесываю шрам на щеке, потом заканчиваю сессию и направляюсь к мирно заседающему за своим терминалом библиотекарю.

– Извините, будьте любезны? Мне нужно найти информацию, которая поступила к вам из Бюро Городской Экспертизы номер три. А конкретно – отзывы и отчеты на проектную документацию по зданию Министерства безопасности.

Библиотекарь посмотрел на меня с невыразимой тоской, но вбил запрос на своем терминале, и на обращенном ко мне втором экране появился нужный отчет. Я чувствую себя полным болваном.



– На какой терминал Вам отправить ссылку? – скучающим тоном уточнил гуру поиска, и у меня тут же включился в голове сигнал тревоги.

– Это классифицированная информация. Разве вы не должны меня идентифицировать?

– Эти сведения в открытой базе, – пожал плечами библиотекарь.

– Простите. Информация, содержащая даже частично планы коммуникаций в министерском здании, не может быть в общем доступе.

– Но вот она, у нее все метки стоят доступности, – не согласился мой собеседник. – Так Вы будете смотреть?

– Да, – поколебавшись, говорю я. – На любой свободный терминал.

Конечно же, в результатах экспертизы вполне достаточно информации. Весь проект целиком не включен, но проблемные зоны аккуратно вынесены в отчет, включая зону проходной со всеми сраными розетками.

И все это в открытом доступе. Я на всякий случай открываю распоряжение о передаче информации, но там все правильно – способом хранения указана закрытая, классифицированная секция. В общем, либо я нашел утечку, либо что.

– Дип? – звоню я драгоценной коллеге. – Отвлекись от допросов и помоги мне.

– Что у тебя там?

– У нас тут куски наших планов из экспертизы в откры-

том доступе в библиотеке. Можно им сразу дадут указание закрыть и срочно проверить свои системы кибербезопасности?

– Что, серьезно в открытом?

– Серьезно. И, в общем-то, это очень в духе Коды – в очередной раз показать миру наши голые задницы.

– Мне не нравится этот визуальный образ! Надеюсь, он еще не расставил нам всем в душевых видеокамеры. Я сейчас попрошу ребят позвонить. Не уходи пока никуда, ладно?

– Хорошо. Как ваши допросы?

– Чудесно! Думаю, Кин предпочел бы обниматься с Эйрикой.

Вероятно, случай был в самом деле тяжелый.

– Господин Гиллернхорн? – прозвучал дрожащий голос сбоку. Библиотекарь! Быстро им передали сведения, оперативно. Хорошо работают.

– Мне сказали, что те данные, которые вы запросили – они классифицированные. Но у меня все верно проставлено! На них нет меток изменения. Нет истории изменения. Там всегда стояли такие данные!

– Или историю кто-то затер, – любезно подсказываю я. – Вы уверены, что так всегда было?

– Этот документ тут дольше, чем я работаю, – почти с отчаянием сказал библиотекарь. – Да и невозможно запомнить их все.

Это настолько контрастирует с приснопамятным Стивом

из «Фаради», что я даже усмехаюсь про себя.

– У Вас хватит прав, чтобы переставить доступ, чтобы хотя бы сейчас это все перестало болтаться в общем массиве информации?

– Да. Это сейчас. Сейчас сделают.

– Мне нужен полный список всех, кто запрашивал документ.

– Никто, – коротко сказал библиотекарь. – Список пустой. Думаете, тоже затерли?

– Думаю, да. Я полагаю, что всю вашу систему будет проверять наш отдел кибербезопасности. Скорее всего, вы стали жертвой хакерской атаки.

– Да у нас тут и ломать особо нечего, – грустно признал мой собеседник. – Система безопасности старая, от честных людей. Ну да и у нас классифицированной информации самой важной и нет – она в министерствах хранится, или в центральном банке данных. Целиком инженерные планы на Министерство, например, не у нас. У нас только то, что, вроде как, просто так валяться не должно.

Итак, их взломали – но когда и как, мы снова не знаем.

Зато я почти уверен, что знаю, кто – такой замечательный аккуратный, почти каллиграфический, почерк только у одного подозреваемого из плеяды имеющих у нас.

– Будьте готовы к тому, что сейчас сюда нагрянет наш отдел кибербезопасности. Скорее всего, в ближайшие дни вы будете закрыты. Вы и все остальные филиалы.

– Надолго?

– Фонд «Дети Науки», например, прикрыт с начала декады.

Библиотекарь подумал несколько секунд и заулыбался.

– Отлично! Я наконец-то допишу все отчеты! А то люди ходят, понимаете. Им надо показать, рассказать. Провести мероприятие. А отчеты требуют.

– Читатели мешают библиотекарю работать, – подытоживаю я.

– Ничего. Прорвемся, – он лучезарно улыбнулся. Первый раз вижу, чтобы кто-то был настолько рад, что его систему хакнули и непонятно что навели в его делах. Видимо, у библиотекарей в самом деле другие проблемы, ничем не похожие на затруднения остальных смертных. – Чем-нибудь еще я могу помочь?

– Спасибо, – говорю я и собираюсь было распрощаться, но внезапно торможу сам себя. – Хотя нет. Можете помочь. Вы не могли бы мне найти кое-что по общественно-научному применению к негуманоидным расам?

– А конкретней?

– Кицилосы.

– Сейчас, – кивнул он и шустро убежал к себе за терминал. Через пару минут на терминал передо мной начинают приходить ссылки – их достаточно много, и библиотекарь явно постарался – они даже аккуратно аннотированы и снабжены рубриками.

Я читаю – упрямо, настойчиво, потому что в Управлении читать практически невозможно, то и дело приходится куда-то бежать, а дома я уже и не захочу, скорее всего: на один вечер посвященный ударному труду приходится четыре-пять тех, когда я лежу на кровати с гитарой и ору песни глухому потолку. Почему глухому? Да оглох он от моего ора, вот почему.

Кицилосы, как я и помню, описываются как методичная, педантичная, внимательная к деталям и совершенно не способная к импровизации раса. Все их развитие – череда последовательных маленьких улучшений, следствие невероятного перфекционизма и упрямства. Никаких прорывных шагов по наитию, никаких скачков – все четко, все спланировано, везде подстелена соломка на случай сбоев. У них есть свои пилоты и даже несколько пилотных школ, которые удовлетворяют потребности расы в собственных пилотах. Но на общеальянском рынке труда они не слишком ценятся – все таки, методично и по правилам может вести и автопилот, а живой «водитель» нужен именно для импровизации и способности быстро и правильно среагировать в неожиданной критической ситуации, но почему же тогда целая транспортная империя нанимает только их? В самом деле из-за того, что финансист смежной конторы – этот Лсинн – кицилос? Что он тогда крутой представитель своей расы?

У нас нет на него нормального досье – то, что прислали из Созвездия – очень краткое и на собственном языке кици-

лосов. Не удивлюсь, если он сам его и написал. Автоматический переводчик не сообщил нам ничего особенного: родился, учился на Кицсилле, по приглашению как талантливый студент отправился в только-только созданную Академию в Созвездии, учился снова, получил место бухгалтера в одной конторе, название которой нам ни о чем не говорит, потом в другой и, наконец, в Фонде.

Я вяло ищу хоть какую-то информацию по этим конторам и внезапно брезжит небольшой такой просвет: контора номер два, в которой трудился Лсинн, оказывается адвокатской – и связанной с достаточно шумным делом «Трек-Аваланша» в Альянсе, когда «Трек» подавал в суд за порчу имущества протестующими работниками космопорта. Это было давно, и информация достаточно бесполезная, но я, по крайней мере, получаю представление о взаимосвязях и очередном не слишком нужном куске головоломки. В конце-концов, мы и так знали, что «Трек» и «Фонд» связаны сильнее, чем это видно официально, Кирс-ло-Лланнренн сам нам это спокойно сообщил.

Так и не обрета прозрения, я накопировал себе избранных материалов, чтобы о них подумать еще разок и как-нибудь по-другому, после чего отправляюсь обратно в Управление. Как раз в библиотеку прибыли наши кибербезопасники во главе с неизменным Ладом, так что я, фактически, сдаю пост из рук в руки.

Кин и Дип уже вернулись, и у Кина такой вид, слов-

но он хотел бы покурить, но при Дипике стесняется, и не может придумать оправдание, чтобы быстренько удовлетворить свое пагубное пристрастие на улице. Так что он просто уныло жует крекеры, судя по количеству крошек вокруг, – один за одним.

– Я так понимаю, у нас у всех не слишком удачный вышел день.

Дип махнула на меня рукой из-за своего терминала.

– Хуже всего день у Кольбейна, – сморщил нос Кин, отряхивая руки от еды. – И он дал нам об этом знать.

– А что у него?

– Деньги вернули сегодня. И Тир, конечно же, в самых куртуазных выражениях однозначно требует прекращения любых расследований в адрес Фонда и компаний Созвездия, так как, по его словам, действия Фонда показывают добрую волю этой прекрасной организации, и подтверждают, что перевод денег на их счета был грязной попыткой бросить тень на честных людей и доброе имя Созвездия.

– Однако?

– Однако Старик сопротивляется. Вернее, пока что старательно уходит от ответа и готов уже сожрать нас, если мы в самое ближайшее время не предоставим ему верибельной версии произошедшего.

– А что с этими деньгами, – уточняю я. – Вроде, там что-то было в проводках, что было прямо-таки мимо? В смысле, концов не могли найти. Какие-то снятые в драгметаллах,

потом откуда-то положенные на счет? Установили все соответствия?

– Нет, там так и дыры. Но суммы совпадают, и Фонд признал эти деньги нашими.

– А мы их нашими признали?

– Конечно, кто же от денег отказывается, – фыркнула Дип со своего места.

– Мне тоже это все не дает покоя, но ты помнишь – там все записи с камер ломбарда и офиса МФО подтерты. Работа Коды, не иначе.

– Кода, Кода, везде Кода, – ворчу я. – Скоро мы смену галактических ветров будем на него списывать.

– Кстати, Кода, – задумчиво подала голос Дип. – Мы проверили заказы ему. А если проверить его заказы? Допустим, он не сам по этим делам бегал. Почему у него может не быть хотя бы что-то в выданных заданиях?

– Умничка, – похвалил ее Кин, и в этом я с ним согласен. Как мы так прозевали этот момент? – Проверяй.

– Есть, шеф, – бодро отрапортовала она и углубилась в поиски.

– Еще предложения, вопросы, светлые идеи? – перечислил Кин без особой надежды.

– Я почитал про кицилосов. Никаких очевидных причин набирать пилотов из них нет, так что тут глухо.

– Я запросил связь с представителем Альянса на Кицсилле – он завтра должен нам позвонить по межпространству. Он-



то наверняка сможет хотя бы предположить, в чем тут дело.

– Будем ему премного обязаны, – и я в самом деле так думаю, потому что я толком даже мысли кициллоса прочесть не смогу, если что.

– Пусть работают – не одним же нам страдать. Собственно, Старик сам обещал кому угодно в Альянсе надрать задницу, если это поможет докопаться до правды. Его, кажется, сильно бесит Тир.

– И всегда бесил, – пожимаю плечами я.

– Но ведь это он руководил операцией по его спасению?

– Номинально. И это не означает, что Тир ему хоть сколько-нибудь нравится, и что он не макнул бы Тира с головой в какое-нибудь изрядное гавно.

– Высокие отношения!

– Политикам вообще тяжело. Поэтому я, собственно, и совершенно не хочу в политику. Мне совершенно не подходит необходимость улыбаться тем, кому хочешь перегрызть горло.

– Да, я помню, ты у нас любишь стрелять в людей.

– Есть! – радостно заявила, привлекая наше внимание, Дип. – Полного совпадения, конечно, нет, но просто совпадения – есть! На время пары изъятий приходится курьерские задания, брали их разные исполнители. Им всем гарантировали анонимность и непопадание на видеофиксацию в помещении, требования: наличие бликового затемнителя у себя и машины для защиты анонимности на улицах, предоставля-

ются верибельные ложные идентификаторы для получения и внесения средств... в общем, все, конечно, хорошо продумано, но... мы можем достать этих людей.

– И как? Вряд ли тебе выдадут сведения на них из базы этого аукциона.

– Конечно, нет, но у меня есть аккаунт, спасибо нашему другу Свифту, и я могу создать примерно такое задание. И предложить его тем же ребятам, которые делали это все для Коды.

– Делай, – обрадовался Кин. – Тут то мы их, голубчиков, за задницы-то и возьмем.

– Не слишком надейся, – предупреждаю я. – Сомневаюсь, что Кода так просто оставил бы нам ценный хвост.

– И на солнце бывают пятна, и даже самый умный и крутой преступник рано или поздно должен проколотся, – не согласился со мной Кин. – Не обязательно здесь, не обязательно сейчас, но рано или поздно он проколется, и мы найдем, где он прокололся. Обязательно.

Мне бы его веру – лично мне Кода уже начинает казаться каким-то призраком банковской сети, или целым набором хитрых, удачливых, злонамеренных призраков. И еще меня напрягает, что я не могу вспомнить, где еще я слышал голос того парня на бронефлаере там, где нас с Сорелем так яростно гоняли по площадке сноса.

В итоге мы с Кином примерно час занимались очередным пересмотром всех документов по делу (исключая «Со-

джорн» – на папку с этими сведениями я внимательно смотрю и со всей ответственностью откладываю в сторону), но никаких подвижек у нас не происходит.

Тоскливы и следующие новости, которые мы получаем, но они, хотя бы, познавательные. Кину звонит давешний таможенник из «Урадры».

– Доброго дня, – нахмурился он. – Извините, у меня не очень хорошие новости.

– Я Вас слушаю, – спокойно ответил Кин, уже понимая, к чему идет дело.

– Ребята с КПорта-3 меня выслушали, обещали присмотреться к кораблю получше и тут же его выпустили, – у парня несколько обескураженный вид, словно он первый раз в жизни столкнулся с таким поведением коллег. – Я спросил их, почему так – ответили, что там было все чисто, и никаких проблем, и нет причин задерживать честные корабли. И что мой запрос вызывает у них сомнения, что я, дескать, кому-то пытаюсь мстить или беру взятки.

Мы с Кином переглядываемся, и он выгнул бровь, акцентируя внимание на изложенных фактах.

– Лучшая защита – это нападение, – ответил он таможеннику. – Я думаю, у них самих рыльце в пушку, поэтому они пытаются обвинить Вас. Если начнутся какие-то выяснения и расследования, в чем я сомневаюсь, можете совершенно спокойно упомянуть нас и нашу просьбу осуществить следственный эксперимент. Я подтверждаю Ваши слова.

– Спасибо, – кивнул парень, явно веселея. – Жаль, что я не смог помочь.

– Ничего страшного – мы все равно узнали что-то полезное из этой истории. Вы можете сказать нам, с кем именно говорили?

Таможенник некоторое время помолчал.

– Простите, я не хочу подставлять приятеля, которого просил. А второй раз меня направили на их начальника отдела. Это Коннор Энрор.

Это имя, конечно, было известно, но не факт, что «прикуп» был именно там. Но, по крайней мере, мы теперь знали, что он там точно есть – и, вероятно, на это стоило обратить внимание соответствующей инстанции.

– Может, нам опять позвонить Горун или кому-то еще из этих граждан? – без энтузиазма предложил Кин.

– А зачем?

– Может, мы их достанем достаточно, чтобы кто-то из них проговорился.

– По-моему, Горун уже проговорилась достаточно в последний раз – аллюзия на Коду и тот факт, что он, либо «часть» его, так сказать, взбунтовались, была вполне слышна. Не думаю, что она скажет нам больше. Хастингс не скажет ничего, а ло-Ланнрэнн будет опять красиво петь про долг, социальную миссию и прочие чудесные, но совершенно не релевантные вещи. А с учетом требований Тира прекращать их трести – лучше пока, наверное, затихариться.

– Может, – Кин наморщил лоб. Ему явно уже хочется на коня, в доспехи, скакать и сносить неправедных, а не в сотый раз перебирать все наши умозаключения – и, к счастью, Дип все-таки дала нам повод для выезда.

– Двое клюнули, – с удовольствием сказала она. – Я назначила им личные встречи для передачи поддельных идентификаторов. Один предложил через полтора часа, на Силеннос, 56, там одна сомнительная кафешка. А второму я сама назначила – через четыре часа, уже совсем вечером, на Сураве, 14. Это пустырь. Правда, я понятия не имею, кому лучше туда идти, потому что рожу Кина знает едва ли не каждая собака на Тайрене, а Иль у нас и вовсе заметный.

– Не настолько. В кафе в углу – не очень. На пустыре можно за заборчиком обосноваться. Но про Кина я согласен. Если мы не собираемся этих парней арестовывать в тот же момент, то лучше его не брать. Дип, ты себя чувствуешь в силах поболтать с ними?

Она поколебалась, явно оценивая вероятность стрельбы.

– Я тебя прикрою, если что. Собственно, если хочешь, я буду тебя телепатически «вести» и подсказывать.

– А ты это можешь?

– А ты это позволишь?

– Обещай не копаться в личных воспоминаниях.

– Ты настолько не хочешь, чтобы я узнал, встречаетесь вы с Кином или нет?

– Нет, не хочу, чтобы ты случайно увидел меня голой! А

как ты пройдешь защиту? Мне Старик ставил.

– Он учил меня ставить ее точно так же. Так что это вообще не проблема.

Дип с сомнением посмотрела на Кина, и тот кивнул.

– Давай, езжай. Я уверен, что Иль тебя защитит, если что.

Ты, кстати, тест прошла?

– Пройшла, – недовольно ответила Дип, но стала собираться – неохотно, может, но тем не менее, быстро и эффективно. Тянуть время так, чтобы опоздать она явно не собиралась.

– Эй, не переживай, – как можно мягче говорю ей я. – Серьезно. Кин прав – я способен тебя защитить.

– Так в этом и дело, – буркнула она. – Мне так... стыдно-вато.

– Не совсем стыдно, а «стыдно-вато»?

– Да. Стыдно-вато бояться и быть такой бесполезной. А вдруг мы попадем в перестрелку опять, и я тебя подведу?

– Не переживай. Людям свойственно бояться – это просто чувство самосохранения. Те, кто его лишены – обычно долго не живут.

– Но ты жив. И Кин.

– Мы скорее исключения. А сколько на нас, выживших, приходится тех, кому не так безбожно везло?

Дип пожевала губу.

– Думаешь, я невезучая?

– Думаю, очень везучая. Подумай сама. Я знаю, что вы оба не любите это вспоминать, но вся команда Управления,

кроме вас двоих, погибла. А вы – живы. Это ли не везение? Но этим нельзя злоупотреблять.

– Я постараюсь не очень трусить.

– Дип, серьезно, не переживай. Когда мы будем в синхронизации, ты просто не сможешь сделать что-то не так. Если будет перестрелка, я сам буду тебя вести. Но не надо ждать такой уж опасности – мы не с наркодилерами идем встречаться, а с какими-то просто курьерами. Что они нам сделают? Скорее бегать за ними придется, когда драпать начнут.

Дип немного повеселела.

– Гоняться я умею, – похвалилась она. – Лучше Кина.

– Вот и договорились. Я отвечаю за перестрелки, ты за погони. Мы справимся – главное, чтобы эти парни хоть что-то знали.

– Думаешь, не знают?

– В отличие от Кина, я уже считаю Коду своего рода супергероем от киберпреступлений, так что это будет фиаско.

– А я буду верить в оглушительный успех, для равновесия.

Кафешка на Силеннос, 56 действительно выглядит сомнительной – мы с подозрением изучили ее из-за поворота перед тем, как заходить. У нее даже более странное название, чем у приснопамятной «Красной телки» – «Полое брюхо», ни больше, ни меньше.

– Пожалуй, я не буду тут кофе пить, – резюмировала Дип.

– Как хочешь. Дай руку.

Она непонимающе на меня посмотрела, потом до нее до-

шло, и она протянула мне ладонь. Я касаюсь ее, и одновременно касаюсь мыслью краев ее щитов, немного отколупывая их, и это получается вполне легко.

«Я тут», – предупреждаю я.

– Получилось?

– Конечно.

– Только в личное не лезь! – еще раз предупреждает она. – Как пойдём?

– Сначала я. Немного привлеку внимание своим появлением, а потом ты тихонько входи и делай вид, что ты понятия не имеешь кто таков этот замечательный мужчина в углу.

– А там в углу будет замечательный мужчина? – невинно уточняет она, чтобы меня поддразнить.

Я показываю ей не очень приличный жест и двигаюсь ко входу. Крыльцо узкое – еле поднялся, двери узкие – еле пролез. И проходы между столами тоже не по техническому регламенту. Я пытаюсь их подвинуть, и ко мне внезапно подскочила местная официантка, старательно расчищая мне дорогу.

– Извините, тут у нас тесновато. Где вы хотите сесть? Я подвину все.

Она миленькая, и у нее устрашающие ногти с оглушительным маникюром.

– У окна, – я махнул рукой. – А что, здесь можно что-то есть? А то название угрожающее.

– Полое брюхо к учению глухо, – провозгласила девуш-



ка. – Но пирожки ничего такие. И могу вкусный чай, будете?  
– Буду, – киваю я. – Несите!

Пока она бегала за моим заказом, в кафешке появился сначала парень в нечесаном цветном парике, а следом входит и Дип. Она занимает указанный в сообщении столик и замирает, демонстративно утыкаясь в окно.

– Вот! Эти хорошие, совсем не тухлые, – гордо возвестила официантка, ставя передо мной блюдо и огромную чашку чая. От жидкости в самом деле приятно пахло, и посуда была чистая, так что я оцениваю ситуацию положительно. Открываю на планшете скопированные файлы про кицилосов и делаю вид, что читаю и жую. Дип тем временем, берет себе чай и изображает, как будто совсем не нервничает. Время потихоньку идет, но наш курьер не торопился проявлять себя.

Дип немного ерзает, когда ей пришло сообщение, и я чувствую в потоке синхронизации обращенную ко мне мысль.

«Иль, ты тут? Пришло сообщение от него».

«Что хочет?»

«Чтобы я оставила документы на обогревателе под окном и ушла».

«Вероятно, не хочет, чтобы ты могла его опознать, если что».

«Умный. И что делаем?»

«Он тут – или его посланник, через которого можно добраться. Не верти головой – парень в синтетическом парике и очках».

«Он глупо выглядит».

«Зато его трудно опознать. Он и одет в цветные блоки, от чего фигуру трудно распознать на видео в автоматическом режиме. Все по уму».

«Так что делаем?»

«Заплати за заказ, вставай и иди к нему. Скажи, что в такие игры не играешь, и его поведение на таком раннем этапе сотрудничества вызывает недоверие».

«Иду».

Дип четко выполняет мои указания: отдав официантке деньги за напиток, встает и двигается к парню. Он попытался сохранять спокойствие, но я вижу, как он напрягся – а, значит, я все определил правильно.

– Не стоит играть в игры на таком раннем этапе сотрудничества. Либо ты берешь заказ, и мы нормально все обсуждаем, либо расходимся, и я оставляю тебе отзыв о том, что ты собирался меня наколоть.

– Эй, ты о чем вообще? – неубедительно попытался отпереться он.

– Ты Кайрел873, или тот, кому он велел сюда прийти и забрать то, что адресовано ему. А теперь давай поговорим.

Я успеваю передать Дип короткое «лови» и попытаться развернуться в узком пространстве, а парень вскочил, опрокидывая на Дип ближайший стул, и понесся к выходу.

Он бы и ушел, наверное, но не тут-то было: на его пути внезапно возникла маленькая официантка с пустым подно-

сом.

– Куда? А заплатить?

Он попытался ее обогнуть, и это было его серьезной тактической ошибкой. Поднос поднялся и наискосок шваркнул его по морде – так, что парик отлетел в сторону, и в его глазах явно закружились звездочки. Этого времени замешательства Дип хватило для того, чтобы в два прыжка пересечь кафешку и заломить ему руки за спину очень профессиональным жестом.

– А вот теперь поговорим, – повторяет она, принудительно усаживая своего пленника на ближайший стул и прицепляя его руки к спинке пластиковыми фиксаторами.

– И заплати за свой кофе, придурок, – поддакнула официантка, с независимым видом обмахивая поднос передником. – А ты будешь его пытаться? – уточнила она у Дип.

– Э? Возможно, – отвечает моя коллега несколько недоуменно. Парень от этого резко пришел в себя и задергался. Дип успокаивает его нажатием на болевую точку.

– Тогда давай его в заднюю комнату, там проще кровь отмывать, – мило предложила официантка.

– Я думаю, без крови обойдемся, – обещает Дип. – Спасибо за помощь.

– Да не за что, он же не заплатил! Заставь его заплатить, кстати.

– Обязательно, – кивает Дип. – Давай только в угол какой-нибудь его, а то посередине кафе – плохо для бизнеса.

– Наоборот, все сбегутся смотреть, как ты его мучаешь, – не согласилась девушка, но взялась за спинку стула с другой стороны, и они вместе, наклонив стул и удерживая на двух ножках, протащили его до соседнего со мной окна.

– Мы не помешаем? – уточнила официантка с милой улыбкой у меня.

– Нет-нет, что вы, продолжайте, пожалуйста, – отвечаю я, снова обращая взгляд к кицилосам. Для того, чтобы быть в курсе, мне вполне было достаточно синхронизации с Дип, которая без проблем сейчас давала мне доступ к потоку визуальной информации.

– А теперь расскажи мне, – говорит она, усаживаясь напротив пленника. – Это ты – Кайрел873, или гонец?

– Гонец, – буркнул он. – Отпустите меня! Я на вас в суд подам!

«Врет», – подсказываю я.

– Попытайся, – искренне советует Дип. – Значит, Кайрел. Тогда расскажи мне, Кайрел, о паре заданий, которые ты получал от Коды. Ты должен был по доверенности снять металлы в банке. Пару раз, как минимум.

– Ничего я не скажу!

– Так как факт сделки установлен, и твоя личность – тоже, за эти маленькие шалости я вполне могу сдать тебя полиции, и там будешь уже сам бултыхаться. Или ты можешь сейчас ответить на мои вопросы и пойти домой. Спокойно и без проблем. Подумай над моим вопросом еще раз.

– Как будто тебе кто поверит в полиции просто так!

– А я из Управления Быстрых Решений, – мягко отвечает Дипика, улыбаясь. – Обязательно поверят. Вся информация о сделках Коды у нас есть, ты свой ник не шифровал на выполнении, и твое владение аккаунтом быстренько можно доказать либо досмотром твоего комм и терминала, либо любым следственным телепатом. Хочешь, чтобы у тебя в голове копались?

Он, конечно, не хотел – но куда уж ему знать, что это уже происходит?.. Мне нужны сведения, поэтому я осторожно, не забираясь вглубь и не врываясь в воспоминания, размазываю ниточки, которые лежат на поверхности. Если что – мое вмешательство будет очень трудно доказать, а кое-какие дополнительные сведения можно получить.

– Да я толком не знаю ничего, – сдался он, как только я дергаю за ниточку страха перед полицией. Ой-ой, как сильно боится – не одни только чудеса для Коды у него на счету. – Кода осторожный. Я получил доки автоматизированным курьером. Взял свою тачку, она с секторной сменной маскировкой. Прощекривился до банка, это в сраной перди, там граница старого района – Кода мне маршрут начертил, как особо на камеры не попасть, пока еду. Зашел, забрал. Все отдали. Потом ко мне опять автокурьер прилетал, я все ему выгрузил. Даже не вскрывал!

«Правда».

– У тебя остались какие-нибудь документы от Коды?

– Я похож на придурка?

– Похож, – не удерживается от укола Дип. – Нет, серьезно? Даже в переписке в Внутримире?

– Неее, да они сами удаляют по успешным сделкам. Нефиг такое хранить, отзыва достаточно для доверия.

«Правда».

– А ты для него еще что-то делал? Кроме того, что зафиксировано.

– Да. Да вот недавно – в ломбард какой-то, «Териконн», что ли, носил цацки, их оценили и на счет там кинули сразу бабло. На вес металла все приняли.

Я помню это название смутно, Дип – лучше.

«Мы их проверяли. Там тоже все видео затерто. Но схема понятна – видимо, Кода часто использует трансферы в физические деньги и обратно, чтобы что-то отмыть».

«А мы арестовали драгоценности, которые пошли в счет зачисления»?

«Их уже не было. Сдали на переплавку – но есть фото. Ничего необычного, серийные побрякушки. Если хочешь можешь глянуть в деле».

– Ничего я про Коду не знаю, разве не понятно? – парень явно начал впадать в тоску. – Задания от и до выполняю, и все.

– Ладно, – высокомерно говорит Дип. – Не ной. Заплати за свой кофе этой милой девушке и вали отсюда, чтобы я тебя больше не видела.

Она подцепляет острым краем штатного мультитула пластиковую стяжку, освобождая свою жертву, но продолжает пристально следить за каждым его движением, пока он нервно расплачивался, подбирал с пола свой парик, демонстративно оставленный валяться официанткой, и исчезал в неизвестном направлении.

– А что надо сделать, чтобы попасть на работу в Управление Быстрых Решений? – задумчиво спросила официантка. – Я тоже так хочу – быдыщ, тыдыщ, на стол, руки за спину.

– Надо совершить подвиг, – подумав, отвечает Дип. – А потом совершать их раза по три на день.

– Это я могу! – радостно сказала девушка. – Я как раз три раза совершаю. По-первых, я вовремя встаю. Во-вторых, я никого не убиваю на работе, хотя очень хочется. В-третьих, я не забываю сдавать отчеты в бухгалтерию!

– Действительно, – улыбается Дип.

– В общем, если решите, что нужен человек – берите меня! Я и мой поднос готовы служить Отечеству! – с хихиканьем ответила официантка.

– Обязательно, – обещает моя коллега и двигается на выход. – А пока мне пора этим заниматься самой.

Я следую за ней через минут шесть, – дочитав очередную бесполезную статью.

– Ууу, кицилосы, – убирая мои тарелки, прокомментировала разговорчивая официантка. – Вы биолог?

– Как раз нет. У меня потенциальный деловой партнер –

кицилос, а я про них ничего не знаю, – отговариваюсь я.

– Они вредные, – с готовностью сообщила она. – Плохо получаются на фотках, да и вообще атас. Один такой у нас в универе сломал щупальце, так никто не мог понять, что там – ни звуковой сканер, ни цифровой рентген его не брали, так что если вдруг заведете себе кицилоса, не ломайте его, а то фиг вылечите.

– Спасибо за совет, – отвечаю я вполне искренне, пытаюсь переварить этот странный, но почему-то интересный кусок информации.

Флаер и Дип я нахожу там же, где ожидаю – за углом, и моя коллега уже нервно подергивается.

– Ну, что ты так долго? – ворчит на меня она.

– А ты молодец, – не отвечая на ее вопрос, говорю я. – Хорошо справилась.

– И та девочка тоже. Мастер боя подносами!

– Да уж, – хихикаю я. И не только этим хороша, надо сказать. – Едем на следующую встречу?

– Да, эту назначала я сама. Там уютный пустырь. Никаких стульев на дороге и все простреливается. Думаешь, я прогадала?

– Да ладно, – я тру шрам в задумчивости. – Главное в этом деле – самому занять ту точку, с которой все простреливается, первым.

– Это твоя зона ответственности, – согласно кивает Дип. – Не много мы узнали от этого Кайрела, да?



– Это все равно стоило проверки, – пожимаю плечами я. – Ну и кое-что я для себя отметил проверить.

– Цацки? – уточняет она.

– Например.

– Ладно, может, этот второй будет полезней.

– Как там его, чем знаменит?

– Эландефорс его ник. Большая часть заданий у него тоже курьерские, но он немного более продвинутый, таскает в том числе межпланетные перевозки, я так понимаю.

– Это уже серьезней, – соглашаюсь я. – Можно нарваться на проверки, и лицо точно засветится. Так что он должен быть куда умней и хитрей нашего прошлого парня.

– Или глупей и рискованней. И жадней – эти заказы оплачиваются лучше.

– Жадность или хитрость, вот в чем вопрос. Мы должны ориентироваться на хитрость – потому что лучше переоценить противника.

– Ладно, – соглашается Дип. – Ты тогда грехи на хитрость. А мое дело быть твоим, как это? Кондуитом.

– Какие слова, – хвалю я и мягко усмехаюсь. – Прямо-таки чувствую влияние Кина. Признавайся, так вы встречаетесь или нет?

– Как же ты достал, а, – Дип бросает на меня недовольный взгляд.

– Видимо, еще недостаточно, чтобы ты призналась. Вот достану по-настоящему – и ты все, что угодно признаешь,

только бы я отстал.

– Не дожدهшься, – вызывающе фыркает Дип.

Пустырь в самом деле ничего так: это граница застройки рядом с зеленой зоной восстанавливаемого леса, строительный мусор снесенного дома уже убран, котлован закопан, строительная техника по большей части убрана, но посадок еще нет. Видимо, финансирование на следующий этап зависло, вот и оставлено все «как было» – а Дип хорошо подгадала с моментом. До встречи еще много времени, и я придирчиво ищу место для себя. В итоге окапываюсь за сваленными грудой саженцами деревьев: если что, отсюда я вполне дострелю до любой части пустыря и до Дип, сидящей на порожке скаучающего тут сельскохозяйственного агрегата.

«Готов».

«Отлично, потому что я не очень».

Эландефорс заставляет себя ждать: время встречи приходит и уходит, а мы все сидим: я в засаде, Дип на самом видном месте.

«Может, он решил не приходить»?

«Ничего не писал»?

«Нет».

И тут я чувствую что-то. Или вижу краем глаза Дип, или еще что, но я дергаю ее через синхронизацию, заставляя свалиться на землю, и заряд бластера проходит мимо, вспарывая ступеньку, на которой она только что сидела.

Я слышу как бьется ее сердце, тяжелыми толчками прямо

в моих ушах, и в этом ритме, задающем движение мира, выворачиваю из-за прикрывающей меня кучи и стреляю туда, где, как мне кажется, я видел движение, и тут же прячусь обратно, резко разворачивая гравикресло. Привод сопротивляется, но вытягивает, и стрелять начинают уже в меня. Отлично – стрелок, кто бы он ни был, отвлекся от Дип.

Я ловлю синхронизацию, посылая ей ноты успокоения и умиряя волны страха, и понукаю ее двигаться в направлении от себя – медленно, ползком, осторожно.

«Держись, давай, надо зайти сзади. Давай, девочка».

Снова выворачиваю и стреляю, стреляю несколько раз, прячусь, потом включаю генератор на полную мощность и покидаю свое убежище, привлекая огонь на себя и позволяя Дип без страха совершить обходной маневр.

Я ничуть не забываю о том, что наш противник хитер и опасен, так что мне в самом деле нужно держать фокус на себе, а то он живо начнет шарить глазами вокруг в поисках своей настоящей добычи.

А еще – их двое.

Я понимаю это поздновато – разряд бластера ударяет в мое поле защиты сбоку, а не спереди. Я корректирую информацию для Дип и продолжаю движение вперед. В меня продолжают стрелять уже с двух сторон, генератор постепенно слабеет, но я не переживаю – должно хватить, если Дипика не подведет – а она не подведет.

Я вижу ее глазами парня, стоящего в воротах, и поднимаю

ее с бластером и стреляю, одновременно разворачивая себя и свое кресло в сторону второго стрелка.

И стреляю еще раз, два и три, пока не слышу жалостливый вопль неудавшегося убийцы, на которого полетел подбитый мной в шарнире ковш экскаватора.

– Лежааать, – победоносно орет Дип, старательно увязывая нападавшего пластиковыми стяжками. – А ну-ка говори, козел, кто тебе за это заплатил?

– Вы грохнули Гнарка, – буквально выплюнул слова тот. – Я сразу понял, что это вы, суканы!

Я почти не слушаю – пробираюсь к нашей второй жертве. Он без сознания, и полуприкрыт ковшом, который его приложил по полной. Совсем молоденький мальчик. Лет шестнадцать? Не рано такому в банду? Да еще и невезучий – нарваться вот так на министерство.

Я опускаю руку вниз, щупаю его пульс и заодно проскакиваю в беззащитное сознание.

Так и есть – наводка в Сумсети – кто-то нас сдал, что мы тут роемся, и судя по удивлению парня, что я тоже тут – этот кто-то ожидал только Дип. Значит, информация шла от нашего предыдущего контакта. Я сковываю сознание стрелка своими ограничениями, чтобы он не мог не вовремя прийти в себя, забираю все его оружие и возвращаюсь к Дип, которая продолжает радостно орать на свою жертву.

– Кто? Кто вас навел? Ну, говори, быстро!

– Да вы кругом наследили, уборы хреновы!

Я подбираюсь ближе, объезжая композицию «девочка, раздирающая пасть мальчику» красивым полукругом, и аккуратно беру рекомого мальчика за ухо, посылая острый и короткий импульс страха перед неведомым.

– Итак?

– Предупреждения. На досках в Сумсети, что вы роетесь тут. Парень один повесил. Кайрел. А второй написал, что у него тоже с вами тут встреча, а теперь он не пойдет. А вы, гады министерские, Гнарка прикокнули!

– И вы решили попытаться отыгаться на хрупкой девочке. Как геройски.

– Да вы все одинаковые, что девки, что мужики!

– Что знаешь про Гнарка?

– Мы толкали д... – начал было он, но, видимо, мой импульс кончился.

– Так, ты вызвала подмогу? – уточняю я у Дип.

– Вызвала. Сейчас заберут красавцев. Второй жив?

– Да, его немного прикрыло ковшом, но удачно.

Дип кивает и осторожно трогает меня через синхронизацию. Вопросительно трогает так.

Я сначала непонимающе на нее смотрю, потом жестом показываю – отлично. Девочка в самом деле молодец.

И я молодец, что уж там.

## Глава 8. Almost there

Мне иногда кажется, что и Кин, и Дип ночуют на работе, потому что они неизменно уже торчат в Управлении, когда я появляюсь, хотя я и делаю это почти вовремя. Если без кофе – то без почти, если с кофе – то с опозданием. Но эти двое всегда на месте, если только Кина не успевают угнать куда-нибудь в верха на совещание. Предполагаемая синхронность их прибытий несколько навевает подозрения, конечно же, тоже.

Сегодня, однако, дорогие коллеги переплюнули сами себя. На момент моего прибытия они мало того, что уже были на месте, так еще и межпространственная связь уже была включена, и Кин с важным видом беседовал с каким-то дядькой, который с ним, видимо, соревновался по степени надутости. Впрочем, важный вид Кина выглядел несколько забавно, потому что мой шеф опять в совершенно чудовом пиджаке с принтом из комиксов про супергероев.

По-моему, Старик уже пару раз выкатывал претензии за Кинову манеру одеваться, но каждый раз что-то случалось и приходилось временно забивать. Сам же Кин обычно такие ситуации комментировал обещанием прийти в кепке с занавеской из цепей. Не знаю, есть ли у него в гардеробе такой дивный предмет на самом деле, или он просто издевается, но звучит это достаточно любопытно, чтобы я ожидал оказии

увидеть такое, так сказать, во плоти.

– Итак, Вы считаете, что в мировоззрении кицилосов нет оснований полностью исключать их из подозреваемых?

– Конечно, нет. Их логика и методичность способствует успешной кристаллизации лучшего в их собственной законодательной системе, однако, в чужих для себя юридических конструкциях они легко находят изъяны и таким образом оправдывают для себя любые нарушения. Именно поэтому возникли проблемы со вхождением их планеты в Альянс, и именно поэтому они сейчас настроены на интеграцию с Созвездием.

Что же, зато понятно – этот надутый чувак и есть тот представитель Альянса на Кицсилле, общение с которым нам обещали на сегодня.

Я тихонько пристраиваюсь с краю, не попадая в кадр, и Кин коротко махнул мне рукой в момент ожидания.

– У Созвездия более логичное законодательство?

– Нет, но они спокойней относятся к его изменению, так как оно еще не устоялось, и наказания за нарушения там достаточно... гибкие.

– Оплот пиратов и жуликов, – проворчала Дип вполголоса, и я мысленно соглашаюсь, вспоминая вопли посла о том, что именно такое впечатление они не хотят о себе создавать.

– Нам удалось установить, что значительную часть пилотов компании «Трек-Аваланш» составляют именно кицилосы. Как вы думаете, есть ли для этого какая-то специфика?

ческая предпосылка? Может быть, эта раса обладает какими-то подходящими особенностями?

– Не представляю. А эти кицилосы – родственники, или поступили на работу независимо друг от друга?

– Этого мы не знаем – в их документах все это трудно понять.

– Тогда не могу предположить. Расового таланта к пилотированию у них точно нет.

В голове у меня буквально на секунду проскакивает воспоминание со вчерашнего дня, и у меня возникает мысль. Я машу Кину, и он кивнул мне, не нажимая кнопку записи.

– Что, Иль?

– Спроси его, правда ли кицилосы не просвечиваются на медсканах.

– Это что за новости?

– Это мне вчера подсказали, а я внимания не обратил.

Кин кивнул, оставляя разборки на потом, и задал мой вопрос послу.

Тот не отвечал достаточно долго, и у меня тут же начинают возникать подозрения.

– Я не уверен, господин Кинслеер.

Кин и без меня понял, что нас динамят, и поэтому, конечно, поддавил.

– Господин посол, это очень важный вопрос. Мы не собираемся распространяться, что получили эту информацию от вас, если вас это волнует. Она у нас уже есть, нам просто



нужно подтверждение. Кроме того, это дело связано с директивой 22, и ситуация вокруг «Трек-Аваланша» вызывает у нас серьезные опасения.

– Тела кицилосов обладают большей плотностью, чем у других существ, – неохотно пояснил посол через некоторое время угнетенного молчания. – У них нет костей, только хрящи.

– То есть, из-за большой плотности они могут использовать себя для контрабанды?

– Есть такая вероятность, – посол пытался не поджимать губы, но у него не до конца получилось – я вижу остаточные мимические движения. Чего он боится? Что его снимут? – Особенно с учетом мускульного мешка внутри, который они используют для хранения самых ценных своих коллекций, – все-таки выдал он секрет, который считал главным. – Его необходимо... периодически опорожнять, очищать и держать пустым для здоровья, но говорить об этом непристойно. Вы должны это понимать – разговоры об анатомии считаются у кицилосов неприличными, как и интерес к содержимому этого мешка. То, что я знаю о существовании таких особенностей их строения – результат многолетней работы по созданию доверительных и спокойных отношений с этой расой, и я не могу все потерять только потому, что у вас расследование!

– Не переживайте, мы постараемся не упоминать вас ни в каких отчетах, – пообещал Кин, и в его голосе прозвучали

вполне отчетливые нотки торжества. Я его понимаю – вот он, тот самый способ таскать контрабанду так, чтобы никто не заметил! Они могли морочить головы таможенникам сколько угодно, годами, и никто ничего бы не понял. – Но мы очень благодарны вам за помощь.

– Помните, Вы обещали, – напомнил нам еще раз посол с плохо скрываемым отчаянием и отключается.

– Чудесно, – победно резюмировал Кин, а Дип ликующе сложила руки над головой, прежде, чем вернуться к своим раскопкам. – Наконец-то подвижка! Откуда был этот чудесный кусок информации про кицилосов?

– Вчера официантка увидела, что я про них читаю, и рассказала о своем однокурснике. Не только болтун – находка для шпиона, но и студент. Как известно, студенческое братство помогает сунуть нос в самые непристойные секреты других рас.

– В самом деле, – удовлетворенно сказал Кин, сжимая и разжимая ладонь. Судя по этому произвольному жесту, ему, кажется, хотелось курить. – Итак, можно считать, что мы понимаем схему контрабанды, если она есть. У тебя там от СБ новостей нет, кстати?

Я проверяю комм.

– Позвоню информатору через час-другой, – обещаю я. – Что, думаешь, они таскают?

– Это не может быть что-то большое. Должно быть то, что можно компактно упаковать. Драгоценные камни, ред-

кие металлы, наркотики. Носители информации. Что-то в этом духе.

– Наркотики, – повторяю я, вспоминая Гнарка с его «хорошей дурью».

– Наркотики, – подтвердил Кин. – Остается протащить всю эту ниточку в обе стороны, и всего-то.

– Гнарк однозначно связан с Фондом, потому что пытался убрать нас с Сорелем. «Трек» однозначно связан с Фондом общим владельцем. Что у нас есть еще?

– У нас есть те цацки, на которые ты вчера бросился.

– Кстати, тех парней допросили? Вчерашних?

– Частично. Одного ты так прижучил, что его не могут привести в сознание. А второй в реанимации – Дип ему бластер в руках расплавила, а у него оказалось слабое сердце. Начало отказывать в середине допроса. Протокол в материалах дела.

– А вкратце?

– А вкратце, он успел повторить все то же самое. Дежурный телепат зафиксировал, что информация правдива, по крайней мере, мужик сам в нее искренне верит. Его поставщиком был Гнарк, других он не знает.

– Ладно, Дип, ты что-то про драгоценности начала?

– В общем, на одном браслете был серийник. То есть это массмаркет, но такой, знаешь? С претензией и проверкой аутентичности. Я отправила запрос в их инфоцентр, и – ву-аля, у меня есть информация о владельце. Я, конечно, подо-

зреваю, что это нам ничего не даст, но вдруг?

– И кто владелец?

– Какая-то Сирена Астори. Я ее пробила по базе адресов и коммов, она сейчас на своей работе в БЦ «Иоза». Менеджер-консультант какой-то там впаривательной конторы.

– Едем? Или, что скажешь, шеф?

– Скажу, что «Иоза» подождет, Сорель пришел в себя, Иль, мы с тобой сейчас к нему. А ты, Дип, попытайся дозво- ниться до этой Сирены и поговорить с ней по комму.

– Есть, шеф, – поскуцнела девушка.

А мне вот радостно: это же просто праздник какой-то! То ни одной зацепки, то полный вал валом валится, только успе- вай отбиваться.

Сорель выглядел крайне несчастным, но, видимо, он уже успел осмыслить все произошедшее, и поэтому сходу начал с требований.

– Ты обещал мне защиту!

– И не отказываюсь. Между прочим, ты до сих пор жив, хотя ловушку явно строили на тебя. Так что я свое обещание сдержал, и продолжаю сдерживать.

– Я в программе защиты?

– Ты в программе защиты.

Он немного расслабился, потом испытующе посмотрел на нас обоих.

– Вы уверены в своих людях? У этих жучек везде свои понатыканы.

– Только не здесь, – спокойно пообещал Кин. – Если у фонда прикуплено несколько средних чинов на таможне и в полиции, то в Министерство пролезть труднее – все-таки, тут каждого лично допрашивает Кольбейн при приеме, вплоть до последнего курьера, и служба мониторинга работает очень хорошо.

Имя Кольбейна, кажется, подействовало на парня еще более успокаивающе.

– Хорошо. Ладно. Вам нужны сведения ведь, вы не просто проведать меня пришли, – нервно хихикнул он. – Я готов говорить.

– А мы готовы слушать, – Кин подтащил к его кушетке стул поближе и присел, элегантно закидывая ногу на ногу. – Итак, чем конкретно занят этот ваш гребаный фонд в нашем гребанном Альянсе?

– Мутными делами, – поджал губы Сорель. Чудеса! А то мы не догадались, что мутными! Но я, все-таки, сдерживаюсь, чтобы не съязвить, потому что парень продолжил говорить. – С одной стороны, мы вроде бы все делаем, что положено. Какие-то там рекламные кампании. Сборы денег и все такое. Но при этом мы совершаем платежи, про которые нам запрещено спрашивать – это те, что вы нашли у нас в счетах. Я не знаю доподлинно, за что они, но это делается намеренно, это не случайность. Я считаю, что таким образом отмываются деньги, потому что за каждым нашим платежом следуют большие поступления. И есть корреляция по тому,

сколько мы платим и тому, сколько приходит. В последний раз, когда нам пришла вся эта куча денег, мы перед этим платили тоже. Но не на такую сумму прихода, поэтому я удивился. И был в ужасе, потому что явно что-то пошло не так.

– А на какую сумму прихода ты рассчитывал, исходя из оплаченного?

– Триста, может, триста пятьдесят тысяч.

Кин снова посмотрел на меня, и я на него.

– Сколько там было денег, по которым не удалось восстановить точные пути следования?

– Семь мест, – подтверждаю я. – Суммами до сорока девяти тысяч. Похоже, это оно.

Кин кивает и снова поворачивается к Сорелю.

– Что вы знаете о связях фонда с «Трек-Аваланш»?

– Они возят детей по нашим проектам. Они точно возят контрабанду, используя кицилосов.

– Вот не могли Вы на пару дней раньше в себя прийти, – возмутился Кин. – Мы как раз только что это выяснили.

– Да? – расстроился Сорель. – Вообще-то, это очень хорошая схема. Они так устроены, что на всех проверках невозможно понять, что у них там внутри, в мешке для коллекций.

– Схема хорошая, – подтверждаю я. – А ты откуда ее знаешь?

– К нам Лсинн пару раз приезжал, налаживать отчетность. Он в этот мешок совал все, что плохо лежит, когда думал, что мы не видим, включая вещи с магнитными метками. А

на сканере ничего не было, так и унес. Это, и плюс, я видел бухгалтерию «Трека» – у них везде эти кициллы засунуты. Значит, какая-то схема, и либо это кумовство и попытка пристроить кучу родни, либо что-то хуже. Зная Горун и остальных старших, – это второе. Потому что сажать на баланс конторы лишних людей или кициллов она бы не позволила даже Лсинну. Даже Кирсу не позволила бы! Он хотел к нам свою любовницу устроить, чтобы ей шел опыт работы, но нет.

– Как звали любовницу?

– Лита? Как-то так. Я ее не знаю, даже не видел.

– Ваш коллега, который Мевз-ло-Джахеррам, он в курсе всего этого?

– Мевз? Нет. Что вы. Он верит в вирусные ролики, помощь детям и все такое.

– А вы – нет.

– Я понимаю, что наша деятельность не достаточно обширная, чтобы в самом деле привлекать такие средства, – с заминкой вздохнул Сорель. – И, значит, тут что-то такое закопано, что мне лучше не знать было.

– А что Вы подозреваете?

– Думаю, то же самое, что и Вы, – мрачно ответил парень. – Наркотики, конечно.

Кин побарабанил пальцами по планшету.

– Думаю, бесполезно спрашивать, почему Вы не пошли со своими подозрениями в полицию.

– Совершенно бесполезно. Я бы и к вам не пошел, но не хотел быть крайним, когда вы докопаетесь до всего сами.

– Умно, – согласился Кин. – Вам знаком человек по прозвищу Гнарк? Вы когда-нибудь слышали это имя?

– Нет.

– Вам знаком никнейм Кода?

– Нет.

– Вы знаете, кому именно совершались платежи за ввод средств?

– Нет. Но Лсинн называл его хитрой пиявкой. Когда я спросил, кому мы платим, он так сказал. Я думаю, это посредник или какой-то опытный хакер, потому что все платежи, которыми вводились деньги, выглядели очень нормально и ни разу не вызывали подозрений ни у кого из проверяющих.

– Вам известна конкретная схема, по которой происходило движение денег?

– Нет.

– Вы можете назвать любые дополнительные имена сотрудников или заинтересованных лиц, которые под давлением или добровольно могли бы оказать содействие следствию?

– Наш аудитор.

– Конкретней. И подробней, пожалуйста.

– У нас был аудитор, который оповещал нас перед всеми проверками, проверял все сдаваемые как отчетность доку-



менты и все такое. Он какой-то знакомый Горун. Мы ему не платили – так что, может, ему платили от «Трека», или что-то такое? У него очень дурацкое какое-то имя. Никак не мог запомнить, но у меня его инфокарта должна быть в вещах. Только где мои вещи?

Кин огляделся, подошел к шкафу, вытряс оттуда мятый пиджак, не очищенный от пыли и грязи, вытряс над кроватью Сореля карманы: куча мусора, куча инфокарт, жвачки и прочая фигня. Сорель поперебирал инфокарты, пока не нашел нужную.

– Кловис Лахезрис, язык сломать можно, – прочитал Кин, вставив инфокарту в комм. – Что же, отлично. Что-то еще, что мы должны знать?

– Не знаю. Может быть. Но я могу позвонить, если вспомню важное? – предложил Сорель, видимо, немного опасаясь, что мы сочтем его сведения не слишком полезными и откажем сделку по защите.

– Да, – Кин протягивает ему свою собственную инфокарту, Сорель тут же неловко роняет ее в грудь других и начинает, чертыхаясь, перебирать их заново, чтобы не искать судорожно номер Кина потом, впопыхах. – Так что, сообщите, если вспомните что-то критичное.

– И не критичное тоже, – добавляю я, и мы, наконец, покидаем палату.

– Не густо, – резюмировал Кин, пока набирал Дип. – Но это потому, что многое мы уже и сами знаем. Дипика? Что у

тебя с поиском владелицы браслета?

– Комм не отвечает. Либо на беззвучном, либо что. В офис им я не дозвонилась. Дать адрес, съездите?

Кин поколебался – видимо, он считал, что допрашивать девушек лучше девушкам, и наша с ним команда для этого не оптимальна, но в итоге передумал. Видимо, счел, что Дип надо поберечь, тем более, что вчера мы снова нарвались на перестрелку, и на ней висел очередной психотест.

– Давай. Съездим.

– Что Сорель?

– Подтвердил наши подозрения своими. Кицилосы могут возить контрабанду, фонд – прикрытие для чего-то, по его выражению, «мутного», и он подозревает наркотики. Столько денег, сколько на них свалилось из банков, они не ожидали – должны были поступить деньги под видом пожертвований на 300-350 тысяч.

– Примерно та сумма, которую мы не смогли проследить от начала до конца.

– Точно. Вероятно, эти деньги были присвоены тем, кто совершал перевод. Потому что, в общем-то, со счетов фонда нам вернули всю сумму, которая исчезла из банков.

– Вероятно, это такой плевок в лицо, вернее, лица, фонда.

– Скорее всего. Вроде как – выкусите.

– Остается накрыть операции фонда и «Трека», доказать связь между ними, поймать Коду со спертыми деньгами, обвинить владельцев фонда в преступлениях против народа

Альянса и стать героями, – подытожила Дип. – Адрес я вам отправила. Смотрите, не давите на бедную девочку, она по всем соцсетям кажется вполне милой.

– Хорошо. А ты пока поищи нам некого Кловиса Лахезри-са. Копию инфокарты я отправил. Нам нужно поговорить с этим милым человеком, поэтому найди способ нам это сделать.

– Будет сделано, шеф! Потому, что ты – шеф.

Я не очень представляю, что там именно сугубо милого нашла в Сирене Астори Дип, но могу все это списать на разницу в восприятии – парни считают милым, наверное, совсем не то же, что девчонки.

Мне, в общем-то, ничего милым не кажется. Особенно не кажется мне милым бизнес-центр, где она работает, потому что там много народу и лифты крайне мелкие. настолько мелкие и тесные, что у меня едва не начинается клаустрофобия, и вообще приходится ехать наверх одному, отдельно – кроме гравикресла туда ничего не влезает. Да и гравикресло – не очень-то.

В итоге, когда мы оказываемся с Кином оба на нужном этаже, я раздражен несколько больше обычного, потому что сильно, сильно не люблю сталкиваться с любыми ограничениями в связи со своим состоянием. Вся моя жизнь сейчас – своего рода вызов проблемам, которые создает неспособность к самостоятельному передвижению – и у меня, на самом деле, прекрасно получается. Но иногда, иногда я стал-

квиваюсь с системными вещами, которые трудно обойти.

– Господа! Чем я могу Вам помочь? Наш офис продаж на первом этаже. – поприветствовала нас, улыбаясь даже не в тридцать два, и не тридцать шесть, а, кажется куда больше мелких, острых зубов, сотрудница в красивой униформе.

– Кинслеер, Управление быстрых решений, – Кин провел рукой по идентификатору на ее терминале, вызывая привычный поворот туда и сюда эмблемы Министерства. – Нам нужна ваша сотрудница Сирена Астори.

– О, надеюсь, она ничего не натворила? – всполошилась девушка. Она, кажется, полукровка. Какая-то редкая раса на человека? Столько зубов. А фигура ничего так.

– Нет, но нам нужна ее помощь в расследовании. Вы можете обеспечить нам конфиденциальный разговор?

– Конечно, – она завораживающе блеснула своими чарующими зубами, похожими на мелкий речной жемчуг, и вызвала с комм, видимо, искомую госпожу Астори. – Сиреночка, подойди, пожалуйста, пирям, в переговорную три. С тобой хотят поговорить господ из Министерства Безопасности. Быстрей, лапочка. Ничего страшного, просто разговор. А вы, господ, пожалуйста, за мной.

Она поднялась со своего места, вытащила из терминала ключ и, двигаясь не менее завораживающей, чем ее зубы, походкой, повела нас к нужной переговорной. Я занимаю место внутри, а Кин остался у дверей, наблюдая.

Сирена появилась очень скоро – сначала послышался

шустрый перестук каблуков, потом она едва не вбежала в переговорную.

– Господа, – похлопала она длинными ресницами, окаймляющими большие, блестящие словно от слез глаза. – Вы по поводу моего брата?

Я удивлен, и, вероятно, Кин, тоже, но он даже глазом не моргнул.

– В основном – по поводу дела, которое мы расследуем. Не смогли дозвониться до вас, поэтому пришлось приехать лично.

– О, мы все обязаны сдавать коммы перед началом рабочего дня. Поэтому связаться с нами можно только через фронт-менеджера. Это для повышения продуктивности, – ошутимо покраснела она.

– Присаживайтесь, пожалуйста, – Кин кивнул, приняв это к сведению. – И посмотрите на это изображение, – он протянул ей планшет с фотографией предположительно ее украшения. – Вы знаете этот браслет?

– У меня был такой, – кивнула она, и губа у нее затряслась. Такая сильная эмоция, такая яркая, и по поводу такой ерунды, как браслет? Вряд ли. Тут что-то другое.

– По номеру он принадлежит Вам. Вы зарегистрировали покупку на сайте производителя. Как Вы потеряли это украшение?

– Я не, – она сглотнула и на секунду зажмурилась. – Я не потеряла.

– А что же случилось? – как можно более мягко уточнил Кин, прекрасно видя, что девушка вполне может разрыдаться.

– Я отдала брату. И все деньги остальные. Все отдала, – сказала она. – Так вы, вы из-за него пришли? Он попал в беду? Вернее... в еще большую беду?

– Давайте начнем с начала, – попросил я, пододвигаясь к ней и мимолетно касаясь ее переплетенных на столе дрожащих рук. – Успокойтесь и расскажите нам, что приключилось с вашим братом, о чем вы так волнуетесь. Это может помочь нам, а мы постараемся помочь Вам.

Она подняла на меня глаза, в которых уже явственно стоят слезы, и мелко кивнула, впитывая волну спокойствия и уверенности, которую я отправляю ей. Вот тут зря Кин переживал, конечно. Я умею успокаивать людей – в конце-концов, именно это и есть моя основная специальность. А в людей стрелять – это уже вторичное.

– Хорошо? – уточняю я.

Она с запинкой кивнула.

– У меня есть брат, Иэн. Младший! Наша мама погибла, три года назад всего. Так что это только мы двое. Ему шестнадцать, и он... тяжело переживает, все еще. Он хороший мальчик, но у него сложный период. Я стараюсь, но я – не мама, и я плохо справляюсь. Он попал в плохую компанию. Он, мне казалось, он странный какой-то, а потом мне подруга подсказала, что с ним, и он, я нашла у него наркотики.

Мы сильно поругались. Он обещал бросить. Сказал, это бабловство все, и он может отказаться в любой момент, и все в порядке. А потом, через пару месяцев, оказалось, что все по-прежнему. Он задолжал кучу денег за эту дрянь. Я все отдала! Драгоценности, деньги со всех счетов, чтобы он расплатился.

– И что было дальше?

– Он отдал. Клялся, что все будет хорошо теперь, что он исправится, что все будет по-другому, а вчера он пропал! И я не знаю, что с ним. Понятия не имею.

Я тру шрам и оглядываюсь на Кина. Тот забрал планшет с больше не нужным изображением браслета и что-то нашел там, протянул девушке снова.

– Госпожа Астори, вот, посмотрите, это не Ваш брат?

У нее так расширились глаза, что мне показалось, что она их сейчас потеряет. Они просто выпадут и поскачут по полу, как мячики.

– Иэн, – вскрикнула она, и мне даже интересно стало, кого там показал ей Кин. – Что с ним? Он в порядке? Он жив? Он же в больнице?

– Юноша был опознан как Йохан Герннен, поэтому мы не могли сходу проследить Вашу связь, – прокомментировал Кин.

Я не помню это имя, но тут же запускаю поиск по делу, и несколько секунд пялюсь на лицо на фото – оно мне смутно знакомо, но мне пришлось прочитать несколько строк из со-

проводительного текста, чтобы понять, откуда. Это тот неве-  
зучий парень, который вчера немного об меня ушибся, когда  
я уронил на него ковш.

– Его зовут Иэн Астори, – мотнула головой Сирена. – Я  
понятия не имею, почему у него такие документы. Что с ним  
случилось? Он болен? С ним... все будет нормально?

– Он напал на сотрудников Министерства вместе со своим  
напарником и несколько пострадал от их, – Кин подыскал  
нужное слово, – самообороны.

– Идиот! – с чувством выругалась девушка. – Какой же  
он идиот! Его будут судить? А когда он придет в себя? Он  
сильно пострадал? О, Иэн, Иэн, да я сама его убью, когда  
доберусь!

– Лучше нас о таких намерениях не оповещать, – посовето-  
вал Кин. – Врачи считают, что с Вашим братом все будет  
в порядке. А нам теперь предстоит проверить, откуда у него  
фальшивый идентификатор.

– Зачем – все понятно, – изучаю данные из дела с комма,  
хоть это и не очень удобно – все слишком мелкое. – Если ему  
шестнадцать, нужен был фальшивый ИД для большей сво-  
боды, и все такое. Но такой хороший, чтобы обмануть Ми-  
нистерство, это надо еще постараться сделать. И мы такого  
специалиста знаем.

– Тот? – уточнил Кин, не называя имен при посторон-  
них. – Тогда это, наверное, тупик. Просто купили, и все.

– Но у «того» все равно спросим, – резюмирую я. – Гос-



пожа Астори, пожалуйста, вспомните, называл ли Вам Ваш брат когда-либо какие-то имена, места встреч?

– Он говорил, что они тусуются в «Холмгере», но, может, врал? – сказала девушка очень озабоченно. – Когда мне можно будет его увидеть? Пожалуйста?

– Позвоните в больницу Министерства вечером, – Кин передал ей инфокарту. – И Вам назначат время визита. Утром он был еще без сознания, но его жизнь вне опасности, так что, думаю, в ближайшее время его приведут в норму.

– Спасибо, – она сжала инфокарту в наманикюренном кулачке, чтобы не потерять. Комма-то у нее нет – сдан на вахту. – Спасибо.

– Спасибо Вам, госпожа Астори, – вежливо поблагодарил ее Кин, и на этом мы покинули офис, нежно препровождаемые лучезарной улыбкой фронт-менеджера во все много десятков прекрасных зубов.

– Толку нам с того парня, если он без сознания? – рассудил Кин, когда мы сели во флаер, преодолев сопротивление косной материи в виде лифта. Видимо, придется написать жалобу на это здание, что у них такие отвратительно мелкие, дискриминирующие лифты.

Я даже не сразу реагирую на слова шефа, потому что мысленно уже набрасываю это грозное, укоризненное послание, приправленное щедрыми угрозами в юридическом преследовании.

Но зато потом обдумываю проблему даже более серьезно,

снова обратившись к материалам дела.

– Знаешь что, поехали в больницу. У меня есть подозрение, что они не могут его привести в себя, потому что я его успокаивал, чтобы он не очнулся раньше времени там, когда мы с Дип их брали. Вряд ли они Кольбейна звали, чтобы его разбудить, а больше в Министерстве некому со мной тягаться.

– А ты забыл его привести в чувство.

Я пожимаю плечами.

– Напиши на меня рапорт.

– Кому, себе?

– И сам себе на него ответь.

– Попахивает сумасшествием.

– Сумасшествием попахивает все, что мы делаем, – сообщаю ему я. Мне, конечно, немного совестно за такой прокол, но не очень.

– Ладно, тогда едем под твою ответственность, – решил Кин. – Если ты его не выведешь из состояния полена, я оставляю за собой право укоризненно кряхтеть и всем потом три года рассказывать о том, как ты пропал в просак.

Стариковские фразеологизмы – я уже на них жаловался? Кин ими просто кишит, как недельный труп червями.

– Да на здоровье, – отмахиваюсь я.

В пути нас настиг звонок очередного информанта. Мы уже не прямо таки сильно заинтересованы в его данных, но это, в любом случае, интересный кусочек из занимательной

истории фонда “Дети науки”, который может что-то добавить к общей мозаике. В общем, мне позвонил Флегма.

– Здорово. Можешь говорить?

– Могу, конечно. Как сам?

– Жду предложений о новой работе.

– Я работаю над этим, – я, в самом деле, работаю – я написал сообщение Мейли про Флегму и его интересы, так что подвижек можно ожидать.

– Главное, не забудь, что ты мне обещал, – проворчал Флегма. – Потому что я выпрыгнул из шкуры аж, чтобы добыть тебе инфу.

– Я не забуду, – еще раз терпеливо обещаю я. – Что ты узнал?

– Лазали к нам, совершенно точно. Нашли дырки в защите. Я всех вздрюкнул, конечно, компьютерщиков застрашал. В общем, подменили нам записи видео – стыки-то мы нашли. Но какова наглость-то!

В общем-то, этого мы и ожидали – ничего удивительного. Но Флегма, кажется, еще не закончил.

– В общем, побазарил я с парнями с других космопортов. И парень с КПорта-3 мне вот сказал – там на таможене сплошь крысы на крысах. Они, говорит, «Трек-Аваланш», «Садора» та оттуда же была, так вот, «Трек-Аваланш» они официально задерживают, но по факту никогда особо не проверяют. У них там один парень – Юрген Шотт, он в итоге всех отпускает.

Я вижу, как за кадром мучительно возрадовался Кин. Возрадовался, потому что у нас есть имя, а мучительно – потому что ему, по традиции, дурно во флаере, а повозку с лошадками мы так и не завели себе.

– Это важная информация, – охотно признаю я. – Спасибо, Флегма.

– «Спасибо» не булькает, и на хлеб не намазывается, – проворчал он.

– Зато зарплата на новой работе в это вполне конвертируется. Да и «булькающее» и «намазывательное» могу обеспечить.

– В «Телке» тогда. У меня свободный день через четыре дня.

– Договоримся, я пока не знаю свое расписание, – киваю я. – Может, у тебя еще какие-нибудь золотые данные имеются?

– Вроде, нет. Раскроете свое важное дело теперь?

– Мы постараемся.

– Я тогда хочу благодарность еще. От Министерства, официальную.

– Я посмотрю, что можно про это сделать.

– Да я сам ему благодарность подпишу, – сказал Кин, когда я заканчиваю звонок. – У нас куча дел. Как бы не пришлось Дип срывать и еще запрашивать полицию.

– Я бы в Кпорт-3 без полиции не ездил.

– Думаешь, они настолько безрассудны? Твое Тонкое Чув-

ство Задницы подсказывает?

– Скорее, наоборот. В последнее время все это так и работает: если я ожидаю, что все будет в порядке, то обязательно начинается пальба.

– Зато нюх на крыс тебя не подводит, – Кин был настроен вполне благожелательно. – Не унюхал новых?

– Тут слишком пасет старыми, – демонстративно морщусь я. – И у них везде норы.

Однако, благодаря Флегме у нас есть конкретное имя продажного офицера из таможни, которого мы можем допросить – вероятно, это позволит нам обойти официальное следствие, на которое мы написали запрос, и вытрясти нужного человека, выяснив, кто именно ему платит. И если к этому удастся привязать наших друзей из Созвездия, дело, практически, сделано. По крайней мере, в этой части – нам в любом случае останется еще поймать Коду, потому что он все еще основной исполнитель, да еще и с инициативой.

Что там случилось и почему он, который спокойно выполнял задания Фонда раньше, внезапно взбунтовался и устроил этот демарш с деньгами банков Альянса? Не представляю. Может быть, его в чем-то обманули, и он это выяснил? Или кто-то другой пообещал ему куш побольше?

Мысли крутятся по кругу, и я, пока помню, пишу Бену, чтобы он срочно спросил у Ларри, делал ли тот документы нашему Иэну, когда и при каких обстоятельствах.

– Зачастили мы в больницу, – пожаловался Кин, пока мы

ждем, что нас отведут в палату жертвы агрессии ковша. –  
Насколько я помню, что считается дурной приметой.

– Я такую не знаю.

– Если часто ходишь сюда, потом попадаешь сам.

– А с роддомами это работает?

– Понятия не имею. А твой какой интерес?

Действительно, какой? Я пожимаю плечами.

– Вот, – уже знакомый нам медик проводил нас в палату и небрежным жестом указал на бесчувственного парня с подключенными к нему модулями мониторинга и какой-то капельницей. Несмотря на отсутствие признаков сознания, он также предусмотрительно прикован к кушетке наручниками. – Кормили через зонд сегодня. Он в целом в норме, кроме сотрясения мозга, набора ушибов и пары сломанных ребер, но в себя не приходит. Наш майндхилер считает, что у него какой-то самоблок получился, видимо, от страха.

– Самоблок, – со значением повторил Кин, укоризненно глядя на меня. Не обращая внимания на эту пантомиму, я приближаюсь к своей жертве, кладу руку на его предплечье, чтобы было проще сосредоточиться, и присматриваюсь к ситуации. На самом-то деле, мне уже много лет как не надо касаться человека, чтобы воздействовать на него, но старые привычки так и не торопятся умирать, и мне до сих пор проще работать через прикосновение. А вот Кольбейн, который изначально родился с телепатическим и телекинетическим уровнем 1-4, а не поднялся в течении жизни откуда-нибудь

пониже, никогда никого не лапает для воздействий и проверок.

Ну так я и не Кольбейн.

В самом деле, мои торопливые блоки, хоть и немного ослабевшие, еще на месте. Пожалуй, еще пара дней, и он бы пришел в себя сам, просто потому, что они кончились, но парень нам нужен сейчас, а не когда-то потом. Поэтому кое-кому пора просыпаться.

Я дергаю, он дергается, и одновременно с этим я убираю руку и отшатываюсь.

– О! – обрадовался врач. – Надо же! Господин Герннен, Вы меня слышите? Позвольте я проверю Вас.

Иэн Астори, он же Йохан Герннен, слабо простонал что-то, выпил глоток из предложенного доктором стакана воды, потом сказал уже более внятно:

– Я, вообще, где?

– В ведомственной больнице Министерства Безопасности, – охотно пояснил медик, продолжая изучать показания приборов и ловко осматривая своему пациенту глаза и носоглотку. Думаю, теперь с Вами все в порядке. Я зайду через полчаса, чтобы проверить Ваше состояние.

– Мы пока можем задать пару вопросов? – уточнил Кин таким тоном, что любому ясно – ему плевать, можем или не можем, потому что все равно зададим.

– Конечно, – не стал спорить с судьбой доктор. – Только не переутомляйте господина Герннена, он только что пришел в

себя.

– Спасибо. И напомните охране, пожалуйста, что господину Герненну нужно наблюдение, так как мы пока не готовы с ним расстаться, – вежливо попросил Кин, после чего поворачивается к Иэну/Йохану. – Итак, господин Гернненн, или, вернее, господин Астори. Вы обвиняетесь в незаконном хранении и применении военного вооружения, нападении на сотрудника Министерства и попытке убийства, так что, будьте любезны, начинайте говорить, иначе Вам грозят очень серьезные последствия. Ваша сестра будет очень расстроена, если Вы проведете ближайшие годы в колонии, а затем и в тюрьме.

Парень судя по всему, ошутимо испугался нашей осведомленности – и чувствовал себя дезориентированно, и это хорошо. Меньше будет врать.

– Откуда вы знаете? – дернул прикованной рукой он. – Мне сказали, документы идеальные! Никто не должен был догадаться! Я все проверки проходил.

– Не стоит держать Министерство безопасности за таких беспомощных дураков, которых можно провести фальшивыми ИД, – почти ласково посоветовал ему Кин, открывая на планшете протокол допроса его сообщника. – Так что, господин Астори, мы про Вас знаем много, но нас интересуют не Вы лично, и даже не причины, по которым Вы напали на сотрудников Министерства при исполнении. Нас интересует Гнарк, его связи и другие члены его банды. Им ты уже ничем



не сможешь, так что постарайся помочь хотя бы себе – и своей сестре. Она за тебя переживает, можешь себе представить.

Парень сжал челюсти и поморщился от боли.

– Итак? Ты толкал дурь?

– Нет, мне не давали. Напарник толкал.

– Этот? – Кин показал ему фотографию парня, с которым мы их взяли. – Опустили как Рурка Дженсена, но это, вероятно, тоже подделка.

Узнал, он. Я киваю Кину.

– Хорошо, значит, он.

Он недоверчиво посмотрел на Кина, потом на меня.

– Ты гребаный телепат, да? У меня права есть, между прочим, я знаю, что ты не можешь мне в мозгах копать без разрешения!

– А я и не копаюсь, – отозвался я. – Я просто фиксирую, когда ты говоришь или иначе обозначаешь правду, вот и все. Но если ты будешь молчать, мы быстро получим ордер на псионическое вторжение, потому что речь идет о директиве 22. Слышал про такую?

– Эй, нацбезопасность? Да мы просто зарабатывали немного бабла, вот и все!

– Кому ты был должен денег? – спросил Кин. – Это был Гнарк?

– Я никому не должен был денег.

– А зачем ты тогда сказал сестре, что у тебя долг?

– Мне нужны были бабки, чтобы закупить товар. Я соврал.

– И у кого ты покупал? У Гнарка?

– Нет, у Саммерсета, – буркнул он.

– Кто это?

– Другой дилер. У них с Гнарком дела были.

– Они получали наркотики из одного источника?

– Наверное. Не знаю.

– И как найти этого Саммерсета?

– Он иногда тусуется в «Холмгере». Но не всегда. Я не знаю, как они с Гнарком связывались.

– Как было настоящее имя Гнарка? Гвидо Альтрес?

– Понятия не имею.

Наши эксперты обобрали всю квартиру Альтреса подчистую, и пытались вытащить что-то из его звонков, но, вероятно, он далеко не все свои коммкарты держал при себе, в своей квартире. Но даже и без этой проблемы, копаться в его звонках было все равно, что искать иголку в стоге сена.

– Как настоящее имя Саммерсета?

– Я не знаю.

– Как Вы с ним познакомились?

– Его ребята толкали дурь в школе, – его щека дернулась. – Хорошо башляли. Я тоже так хотел. Взял денег, начал перекупать у Саммерсета и продавать. Но Саммерсет меня ругал, что я почти попался. Потом он меня Гнарку передал, чтобы я с ним лучше работал.

– Как ты связывался с Саммерсетом?

– Если он мне нужен был, я через бармена в «Холмгере» передавал, что надо поговорить. Он мне сам звонил тогда. А сейчас не знаю как, может, уже сменил схему. Он хитрый – хитрее Гнарка, но Гнарк – толком и не торгош, он кулаки.

Это, вероятно, правда – именно Гнарк получил задание на решение проблем с Сорелем, и, вероятно, он же занимался ситуацией с изъятием документов о фирмах-однодневках, предположительно зарегистрированных Кодой.

– Какие задания получал Гнарк в последнее время?

– Эй, я не знаю ничего! Мне говорили только идти туда, делать то. Мы с Тойфи ездили пугнуть нотариуса, чтобы он документы отдал. У нас список был каких-то фирмешек, на которые нужно было информацию забрать. Ну, мы приехали, доков там нет никаких, все уже до нас своровано, а тут Вы, – он кивнул на Кина. – С девицей. Я ее потом живо узнал, когда на пустыре увидел.

– И тогда, у нотариуса, вы испугались, что мы за вами.

– Ну так да. И свалили. А потом вы Гнарка грохнули, так мы хоть отомстить хотели.

– Совсем страх потеряли, – усмехнулся Кин. – Мстить Министерству и Кинслееру лично. Ладно. Запишешь нам имена всех тех, кто продавал наркотики в школе. Это, и все показания тебе придется потом подписать и повторить в суде, но мы не будем предъявлять тебе наркоторговлю и не будем настаивать на жестоком наказании за нападение. Но и ты подумай о своей дальнейшей жизни. Тебе не везет с крими-

налом – в первые же месяцы нарваться на меня и на Иля – не лучший вариант, так что задумайся о смене карьеры.

Видимо, Кин тоже оценил степень невезучести нашего парня Иэна.

– Ты достаточно мягко с ним, – комментирую я, когда мы выходим на парковку к флаеру. – Не предъявлять обвинения в наркоторговле и не настаивать на максимальных карах за нападение – это очень щедро.

– А что, я должен был ему откусить голову?

– Я думал, откусишь. Он же в Дип стрелял, – невинно уточняю я.

Кин некоторое время помолчал, так и эдак обдумывая ответ.

– Таможня, – наконец, сказал он. – А потом «Холмгер». Посмотрим, что Дип за это время нароет на этот бар интересного. Да и вечером больше народу, больше шансов встретить нужных людей. Правильно я рассуждаю?

– И группу огневой поддержки, – поддакнул я. – Шутки шутками, а там мы точно нарвемся. Вряд ли они там все горят желанием сдать, закрыть все свои операции и принести нам на блюдечке своих поставщиков.

– Чуешь крысу?

– Она близко, – обещаю я. – Не думаю, что там больше двух-трех звеньев между кицилосами и продавцами. Но вот подлость всего этого меня поражает. Спасают талантливых детей на отсталых планетах, но губят нормальных детей в

Альянсе. Это, вообще, как у них все в головах укладывается?

– Это сознательное причинение вреда Альянсу, здоровью и безопасности его граждан. Все как по-писаному.

Я расстроено тру шрам, а Кин, не шибко меня стесняюсь, достал свою электронную сигарету и курит, перебарывая дурноту от полета во флаере. Мы уточнили – искомый таможенник сейчас на работе, к счастью – хотя мне он менее интересен, чем Саммерсет и его присные. Я заранее почувствую тяжелый разговор, и не представляю, чем мы особенно можем продавить этого парня. Это вам не шестнадцатилетний сопляк, напуганный донельзя – на таможе слабые люди не задерживаются.

КПорт-3 встречает нас не слишком дружелюбно: служба охраны придирчиво проверяет наши ИД едва не сразу на входе, и долго спорит с Кином по поводу нашего оружия. А я все это время терпеливо молчу.

– Локальный распорядок запрещает проносить оружие такого типа на территорию космопорта. Вы должны сдать оружие и тогда сможете пройти. Вы можете оставить при себе парализаторы.

– Я еще раз вам говорю – мне плевать на ваши локальные распорядки. Я сотрудник министерства, и имею право находиться с оружием лицензированного уровня в любом месте Альянса, за исключением здания Совета в присутствии Совета.

На самом деле, это совершенно очевидно, и все знают это,

и охранники, наверняка, тоже, но, наверное, у них есть инструкции нас задерживать. Или Кина?..

– Погодите, – вмешиваюсь я. – А если я оставлю свой бластер, я могу уже войти?

СБшник смотрит на меня так, словно впервые видит, и что-то в голове у него щелкает туда и сюда, и я смотрю на него в ответ, спокойно и уверенно.

– А Вы, случайно, Флегму не знаете? – это определенный риск, но у нас не так много времени.

СБшник сощурился. Он знал.

– Мы служили с ним, – кривлю душой я. – Он рассказывал про парней с КПорта-3, с которыми иногда зависает.

– Проходите, – внезапно скомандовал парень, преграждавший путь Кину. – Идите уже.

И мы уже идем, причем Кин весьма красноречиво выгнул на меня бровь.

– А ты раньше выступить не мог с этим номером? Мало ли что они за это время спрятали или перепрытали.

– Я не думаю, что они думают, что мы настолько глубоко забрались. Вероятно, это просто обычные меры при попытках властей сунуть сюда нос, – не соглашаюсь я с его мнением.

– Ладно. Сейчас посмотрим, – Кин по пути сунул нос в свои заметки, напоминая себе имена нужных таможенников. – Начнем с начала?

– Начнем с начальства.

Это тоже у нас получается не сразу. Небольшой офис таможенников, прилегающий к объемному складу и отдельной огромной площадки для задержанных кораблей буквально кишит суматошными людьми, и мы несколько минут безрезультатно пытаемся понять, в котором из кабинетов без вывесок нам искать начальство. В итоге мы начали открывать все двери одну за другой. За двумя идут допросы, за третьей досмотр, за четвертой на нас сходу принялись так орать, что я тут же понимаю, что мы пришли по адресу.

– Вон из моего офиса! Кто вас сюда пустил?

– А кто бы нас остановил в вашем бардаке? – резонно уточнил Кин. – А Вы, собственно, кто?

– Я кто? Это кто вы! – огромный, широкий и высокий мужик поднялся из-за своего стола, угрожающе нависая над нами – маленьким Кином в пиджаке с розами и мной в гравикресле. Конечно, он выглядит куда более впечатляюще, чем мы, но я бы на него не поставил ни против одного из нас. – Что за цирк с уродами на выезде?

– Аджантис Кинслеер, – сунул ему в нос свой ИД Кин. – Министерство Безопасности.

– Кинслеер? – мужик осадился. – Я думал, что Вы повыше.

– Так Вы – начальник службы здесь?

– Коннор Энрор, – тот, наконец, протянул руку Кину через стол. – Чем Вам помочь?

– Нам необходимо обсудить с Вами ситуацию в Вашей

службе, – Кин сделал суровое лицо, и на нем это выглядело достаточно забавно, на мой взгляд, а вот Энрору, кажется, не смешно.

– О чем Вы говорите? У меня образцовый отдел.

– У нас есть сведения, что корабли «Трек-Аваланш», даже те, на которые поступают наводки, не проходят у вас должную проверку.

– Они все проходят должную проверку.

– Хорошо, мы можем посмотреть отчеты?

– У Вас есть ордер?

– Это пока дружественный запрос, – со значением сказал Кин.

– Зачастили всякие дружественные проверки, – проворчал Коннор, но на гостевом терминале перед нами появляются отфильтрованные отчеты.

Кин достал планшет, вызывая информацию о задержанных судах, и я наклоняюсь поближе.

– Вот тут – прямая жалоба на неправильную документацию на товары, переданная из промежуточного пункта на Солар-Тридцать, просьба проверить. И что у Вас тут? Прием на таможенную в два-десять, оформление документов в два пятнадцать, выпуск с таможни в два тридцать. Это проверка?

– Что? Погодите-ка!

– Или вот, – Кин выделил другую строку. – Поступила информация от полицейской службы Аллер Вернес о подозрении на перевозку незарегистрированных людей на борту ко-



рабля. И что мы видим?

– Ничего не видим, – резюмирую я. – Прием, проверка и выпуск в течении получаса. Хотя сколько там норматив? Сутки? Пропущена проверка документов экипажа, кстати, что в этой ситуации было обязательно.

– Погодите! Что вы такое говорите?

– Сами проверьте, – довольно шурясь, предложил Кин. – Вы хотите сказать, что ничего об этом не знали?

– Я не имею привычки лезть в работу тех сотрудников, которые хорошо справляются со своими обязанностями и укладываются в нормативы!

– Вы в курсе, что на ваш отдел инициировано расследование? Отправлен запрос. В Ваших интересах проявить инициативу до того, как ее проявят за вас.

– Чего вы хотите?

– Давайте выясним, кто именно из ваших сотрудников Вас подставляет. Я даже могу облегчить Вам работу. У нас есть наводка на Юргена Шотта.

Коннор, пытаясь, начал копаться в файлах. Я буквально вижу клубящиеся вокруг его головы мысли и подозрения, и его яркую, злую ненависть к нашему визиту, и всем прошлым непонятным запросам и обращениям.

Он бухтел долго – Кин, кажется, уже извелся, потому что начал крутить в пальцах под столом свою электронную сигарету, но потом таможенник вывел на гостевой терминал несколько строк.

– Я проверил последние десять случаев «Трек-Аваланш», – сказал он, кривясь. – Ответственные офицеры разные. – Он сделал паузу, словно набираясь храбрости, и продолжил. – Но я знаю, что Шотт дружит вот с этим парнем, – он выделил три строки разом. – Вот тут он был в команде в качестве проверяющего, – еще четыре строки. – А вот тут он сам ставил подпись. Остается три позиции. Но выглядит это не очень хорошо.

– Нам необходимо допросить вашего сотрудника относительно его причастности к контрабанде наркотиков в особо крупных размерах, – подвел итог Кин. – И, я полагаю, вероятно, арестовать его.

– Я приведу вам Шотта сюда, – здоровяк Коннор поднялся с места, тяжело обошел стол и двинулся к дверям. Я провожаю его взглядом и говорю Кину:

– Мне было бы спокойней, если бы ты постоял у двери.

Кин вопросительно выгнул бровь.

– Слушай, Шотт знает, что он по уши замазан в этом дерьме. А если он связан с Созвездием, а он связан, то ему даже есть куда бежать – так что он вполне может попробовать. Мы, в конце-концов, в космопорте. Потом ищи его по всей Галактике.

Кин молча согласился со мной, потому что поменял диспозицию, перемещаясь ближе к двери вместе со стулом.

– И, кстати, Иль? Астори в Дип не стрелял. Только в тебя и меня, – сказал он, когда дверь уже начала открываться снова.

Конечно, я не успеваю ничего ответить. Шотт оказался вполне рекламного вида парнем в сшитой на заказ форме, сидящей на нем просто идеально. Он излучал уверенность и спокойствие, в отличие от уже раздраженного нами Коннора – и, видимо, Коннор не стал его просвещать о причине разговора, так что на меня этот господин сияющей наружности посмотрел несколько вопросительно, а Кина даже сразу не заметил.

– Так вот, Юрген, – сказал Коннор, закрывая дверь. – Эти вот господа хотят с тобой побеседовать, а я хочу побеседовать с тобой, если после беседы с ними ты еще будешь здесь.

Множественное число заставило Шотта обернуться в поисках других, кроме меня, «господ», и тут он увидел Кина. Не могу сказать, что мужик разом спал с лица, но его сияние определенно поблекло, – если меня в роли инструмента борьбы с преступностью еще не все выучили, то Кина узнает практически любая собака – хотя я думаю, что его можно успешно замаскировать, сняв с него яркий пиджак и демонтировав бороду с кудрями. Не факт, что он на это согласится, конечно.

– Господа, – несколько вяло поздоровался Шотт.

– Да Вы садитесь, садитесь, Юрген, – призвал его Коннор, не торопясь занимать свое собственное место и успешно перекрывая своей немалой тушей выход из кабинета.

– Аджантис Кинслер, Управление быстрых решений, – представился Кин. – А это мой коллега и штатный телепат

Иль Гиллернхорн.

Это явная провокация. Кин обычно вообще меня не представляет, или представляет просто «коллегой», но, видимо, он тоже заметил напряженные нервы мужика и решил напярчь их еще больше.

– Мы действительно хотим поговорить с Вами, как со специалистом по кораблям из Созвездия, а, точнее, кораблям компании «Трек-Аваланш». Подскажите, пожалуйста, господин Шотт... да сядьте уже! Спасибо. Подскажите, пожалуйста, каким образом вы убеждаетесь в том, что команда такого корабля не проносит на себе или в себе контрабанду?

– Стандартные процедуры, господа, – попытался найти пошатнувшуюся уверенность он. – Медицинское сканирование. Базовый допрос со штатным телепатом.

– Это не моментальные процедуры. Одно заполнение заключения занимает минут пять-семь, – уточнил Коннор. – Время прохождения как-то маловато у тех, кого Вы проверяли в последнее время.

– Мы стараемся писать все заключения после или использовать стандартные шаблоны, если все в порядке. Это ускоряет оформление.

Я молчу – складываю руки вместе, смотрю на него и молчу.

– Вы сами просили ускорять процесс, чтобы не провисать по показателям. Мы оптимизируемся.

– А вы в курсе, что не-гуманоидные расы плохо поддаются

как сканированию, так и телепатической проверке? – спросил Кин, демонстративно сделав на планшете пометку.

– Мы также в курсе, что недопустимо проявлять неуважение к иным формам жизни, нарушая этикет или нормы общения, принятые с ними.

– То есть, ксеносов вы не досматриваете, так?

– Досматриваем, но с уважением к их обычаям.

– Какие есть нормы досмотра для кицилосов? – спросил Кин у Коннора. От слова «кицилосы» Шотт еще немного сблелнул с лица, так что все мы правильно поняли.

Коннор наморщил лоб, потом все-таки подвинулся на свое место и открыл файлы на терминале, и все это в полной тишине, в которой я и Кин смотрели на Шотта, а он пытался смотреть на нас обоих одновременно, от чего рисковал заработать косоглазие.

– Трехдневный карантин со всеми удобствами, – зачитал Коннор, и я вижу, как у него буквально за пару секунд налились кровью глаза. – Это что? Шотт, это что такое?

– В самом деле? – сделал попытку Шотт. Видимо, обвинение в преступной небрежности ему импонировало больше, чем в коррупции, участии в наркоторговле и созданию условий для причинения вреда Альянсу и его жителям под директивой 22. – Я не видел эту норму. Когда она была введена?

– Вы шутки со мной шутите, Шотт? Можно не помнить все нормы по всем расам, но для этого справочники и суще-

ствуют, – брызгал слюной Коннор.

– Только вот он врет и прекрасно помнит эту норму, – с удовольствием вставляю я. – Господин Шотт, может, наконец, прекратите ломать комедию и расскажете, кто именно и как Вам платил за отсутствие карантина для кицилосов? А то мы с ваших счетов, на которые уже получили ордер, все сами поймем, и Вам нечем будет с нами торговаться.

– Да что вы такое говорите, – начал было он, осекся и внешне сделал рывок к дверям.

Коннор мгновенно подорвался на ноги, но не успел ничего сделать: стратегически расположенный Кин подставил нашему подозреваемому подножку и тот смачно упал, врубаясь носом в пол.

– Нет, господин Шотт, Вам пока придется побыть с нами. Никуда мы Вас не отпустим в такой близости от кучи кораблей, включая Ваш любимый «Трек-Аваланш». Пожалуйста, встаньте.

– Мне нужна медицинская помощь! – громко и отчаянно простонал он, прижимая пальцы к разбитому носу и пытаясь незаметно отползти к двери, чтобы совершить повторный рывок. Кин, прекрасно понимая его действия, встал, передвинул свой стул к двери, блокируя ее полностью, и демонстративно уселся, а Коннор, раздраженно открыв и закрыв пару ящиков, кинул в своего подчиненного упаковкой стерильного бинта.

– Завяжи и лежи, – рявкнул он. – Кому ты продался, пар-

шивец? Кому? Говори!

– Действительно, сотрудничество со следствием на этом этапе может быть для вас выигрышно. Потому что если мы начнем допрашивать Ваших коллег, которых Вы просили об услугах или платили им, они вряд ли будут Вас выгораживать. Они будут спасать себя, что мы и Вам рекомендуем.

– Ну же, Шотт, – поддакнул мне Кин. – Выгородите себя, сдайте своих бенефициаров, и мы что-то придумаем, чтобы немного скостить Вам срок.

– Кто платил Вам за то, чтобы Вы помогали кораблям «Трек-Аваланша» проходить контроль?

Молчит.

– Кто договаривался с Вами об этом?

– Кицилос. Это был кицилос, разрази вас черная дыра. Лсинн, или как-то так. Важный кицилос из международного фонда. Он сказал, что это унижение для его народа, и что он хотел бы обеспечить им спокойствие. Просто уважение и спокойствие!

Я чувствую приятное, теплое ощущение внутри, и Кин, кажется, тоже, потому что его улыбка стала едва ли не мечтательной.

– Так все просто, вот видите, – почти промурлыкал он, и это он явно и мне сказал, тоже. В самом деле – это такая чудесная, простая и надежная ниточка, потянув на которую мы обрушим весь этот карточный домик в один момент. Жаль только, что допрашивать кицилосов слишком проблемно,

а то мы бы узнали все от них. Но ничего, зайдем с другой стороны. – Сейчас мы Вас передадим сотрудникам полиции, и Вы все то же самое расскажете в Управлении быстрых решений нашей милой коллеге и подпишите показания. А Вы, господин Коннор, – продолжает Кин.

– А я иницирую проверку своего гадюшника, – с угнетенной покорностью судьбе продолжил его слова Коннор.

– А Вы, господин Коннор, – упрямо повторил Кин. – Очень нам помогли. Но уж, пожалуйста, в следующий раз не требуйте лишней оптимизации сроков, а то можно вот такой нехороший результат получить.

– Я понял.

– Спасибо за помощь, – вежливо сказал Кин, поднимаясь сам и поднимая Шотта, чтобы стянуть ему руки за спиной для удобства транспортировки. – Вы, господин Шотт, арестованы по подозрению в коррупции, получении взяток и пособничестве трансграничной контрабанды.

– И как, ударим внезапными арестами по мировой преступности? – сверившись с часами, спросил у меня Кин, когда мы сдали Шотта с рук на руки своим коллегам.

– Ты о том, чтобы навестить «Холмгер»?

– Именно.

– Последовательность прерывать нельзя, иначе удачи не будет, – пожимаю плечами я. – Поехали.

– Это какое-то альварское суеверие?

– Нет, космодесантное. И оно работает.



– Ты нормально? – несколько неловко уточнил Кин.

Я смериваю его взглядом, напитанным должной толикой презрения.

– А ты?

– Я-то что?

– А я? Или ты думаешь, что я быстрее устаю, или что-то такое?

– Так да, – нашелся с ответом Кин. – Ты же недавно ранен был, тебе имплант чинили, разве нет?

А я и забыл, в самом-то деле. Кожа уже регенерировала, так что даже в зеркале ничего не напоминает мне о моем не самом удачном опыте общения с информантом.

– Ты так и не вспомнил того парня? Ты говорил, у него голос знакомый?

– Нет, не вспомнил. Но мы каждый день общаемся с таким количеством людей, что не мудрено потерять нюх в этом смысле.

– Увы, раскрыть дело сидя на диване не получится.

– Да, зато сидя в кресле – запросто, – с удовольствием шучу я.

Кин облегченно засмеялся, и мы-таки отправились в «Холмгер», который оказался очередным сомнительным баром в нежно любимой нами старой части города.

– И какой у нас план – просто зайдем туда и разнесем? – спрашиваю я Кина, занятого образцово-показательными страданиями от неудобного его трепетному организму

перемещения во флаере.

– Да, только сначала пробуюсь, и сразу все разнесем, – пообещал он.

– Не надо сначала. Представляешь, какой будет эффект, если ты сделаешь это прямо на них?

– Ты издеваешься.

– Это шикарное биологическое оружие, – не отстаю я. – А если серьезно, ты пробовал ездить на байке? Они менее автоматизированы, так что там надо рулить самому, по большей части, но зато ты, может, не мучился бы так.

– И что, будем на двух техсредствах на все выезды выдвигаться?

– Или на выезды будем ездить в строго определенных составах: ты и Дип, или я и Дип. Байк позволяет брать пассажира, но, конечно, не такого, как я.

– И ты много знаешь о байках потому, что у тебя есть какой-нибудь очередной приятель, король локального подпольного чемпионата.

– Нет, но воображение у тебя отличное. Вообще-то, у нас с Мейли был байк, когда мы еще в школе учились. Мы на него копили несколько лет, но зато потом были самые модные парни на районе.

– И что потом с ним случилось?

– С Мейли? Он вырос и стал финансистом. Они не ездят на байках.

– Нет, с вашим байком.

А, в самом деле, что? Я не интересовался его судьбой с тех пор, как ушел служить.

– Не знаю, наверное, он сбежал в прерии и стал диким байком. Можем попытаться поймать.

– И арестовать, – проворчал Кин.

Но вопрос, в самом деле, интересный. Мне байк, понятно, без надобности, Мейли – тоже, у него чудесный полугоночный флаер, в который не влезает гравикресло. За это Мейли у меня наполовину в черном списке: целиком в черный вставить, увы, не могу, потому что, во-первых, брат, а во-вторых, самый первый удар общения с полусумасшедшим мной после возвращения с Тир-нан-Ога принял именно Мейли. Удар – в прямом смысле, так как я же мебелью кидался, в конце-концов.

А вот если эта адская штука еще на ходу, Кин мог бы хотя бы попробовать прежде, чем ввязываться в сомнительное удовольствие получения прав и отправки запроса на расширение транспортного парка Управления.

По дороге меня настиг звонок с незнакомого номера. Впрочем, мало ли кто может мне звонить? Я отвечаю: на экране – искаженное помехами до неузнаваемости изображение, и голос явно синтезированный.

– Ну?

Впрочем, по остаточным признакам я могу примерно предположить, кто это.

– Привет, Ларри.

– Бен сказал, ты меня искал, а уж извини, второй раз за месяц переезжать не собираюсь из-за вас. Так что в гости не приглашаю.

– Бен мог и напрямую мой вопрос передать.

– Он сказал, что боится напутать. Так что надо, Гиллернхорн?

– Ты делал доки для некого Иэна Астори? На имя Йохана Герненна. И еще одному, на имя Рурка Дженсена. Без претензий, мы просто ищем концы. Тебя никто за это ловить не будет.

– Герненн, Герненн, ща, – его мутное изображение повернулось в сторону, и Кин даже приободрился, отвлекаясь от своих страданий, с интересом слушая наши переговоры.

– Молодой парень, шестнадцать лет. А доки у него с повышением до восемнадцати.

– А, ну точно. Был такой. И Дженсен был. Но первоначальное имя не скажу, извиняй, ты мне не платишь за это.

– А если заплачу?

– Все равно нет. Это надо предварительно платить и много.

– Хотя бы скажи, чей заказ.

– Давай так – ты предложишь, если угадаешь, я подтвержу. А новых для тебя имен я называть не буду даже заради друзей. Не хватало еще, чтобы обо мне слухи пошли, что я сдаю своих Министерству.

– Саммерсет, – тут же предполагаю я.

– Ну, раз ты сам все знаешь, так и что меня спрашивать было?

– Спасибо, Ларри.

– Постарайся отблагодарить меня как следует.

– Это как?

– Это больше никогда и ни за что обо мне не вспоминать.

– А ты не хочешь начать новую карьеру в Министерстве, часом?

– Неееее, – отмахнулся он едва не с ужасом и выключил связь. Но я на всякий случай делаю для себя мысленную пометку потыкать его палочкой еще раз через Бена – хакер-то нам нужен.

«Хольмгер» мне сразу не нравится, вот с первого взгляда не нравится, потому что у них узкое и высокое крыльцо. Нашему подкреплению он не понравился тоже. Высокий офицер в легкой броне, поприветствовавший нас на точке сбора в двух переулках от искомого здания, тут же предупредил.

– Заходить неудобно – крыльцо простреливается. Плюс у них еще три выхода: один на задний двор, второй через магазин справа, третий через канализацию. Надеюсь, мы все их норы нашли, иначе разбегутся, как крысы.

– Мы сначала все-таки попробуем с ними поговорить. Нам нужна информация, а не гора трупов с сомнительной вероятностью оперативно найти некроманта для пост-мортем допроса.

– Смотрите там, осторожней. Броню возьмите, Кинслеер.

Тот отмахнулся.

– Иль, генератор полный? Я больше на твои щиты надеюсь, чем на броню.

– На щиты надейся, а броню не забывай, – предупреждаю его я. – Тебе сказали броню надеть? Надевай.

– У меня под пиджак не влезет, – беззаботно отказался он.

– Подстрелят – жаловаться не приходи. Даже обезболивания не дам, – грожу ему я.

– Ты сам-то броню наденешь?

– Нет, конечно.

– Вот!

– Потому, что я уже, – мстительно добавляю я и расстегиваю тунику на пару сантиметров, демонстрируя матовый блеск бронеткани под ней.

– Только не говори, что ты ее постоянно таскаешь.

– С того момента, как наша жизнь в рамках этого расследования начала становиться слишком интересной. У меня, знаешь ли, планы на остаток этой жизни, и они не включают смерть от случайной пули на ровном месте, просто потому, что я не успел вовремя поднять щит. Броню надень, – повторяю я со значением, взглядом говоря, что если нет – так я немедленно пожалуюсь Дипике.

Уж не знаю, прочитал ли он в моем взоре про Дип, или просто решил далее не позориться спорами с предположительно подчиненным, но Кин все ж таки снял пиджак, натянул и пристегнул броню и напялил сверху пиджак обрат-

но, хотя посадка его, конечно, от этого стала донельзя оригинальна. Комментировать этот факт и лишний раз нарывать-ся я не стал.

– Вы справитесь? – заботливо уточнил офицер. – Может, кого из парней с вами туда отправить?

– Нет, ждите сигнала. Может статься, там и вообще нет нужных нам людей, и мы только зря всех носами в пол разложим.

Офицер еще раз с сомнением на нас посмотрел, вздохнул даже, кажется, про себя, но больше выступать не стал. Моя морда была вполне примелькавшейся – так что он, наверное, прекрасно знал, на самом деле, на какой процент эффективности в боевых условиях я способен.

И мы с Кином таки отправились в логово не то львов, не то гиен. Демонстративно продефилировали по улице, без суеты поднялись по узкому крыльцу, ввалились в бар, и вечерний шум там даже не сильно притих от нашего появления. Ну уж, не такие мы и страшные, видимо – особенно по сравнению с местной публикой. Я безо всякого сканирования замечаю минимум три-четыре бластера и точно больше пяти парализаторов.

Ну, что же – значит, мы попали по адресу. В обычных барах такого изобилия не отыскать.

Мы пробрались к стойке, и бармен даже нам кивнул.

– Сделайте... что-нибудь, – неопределенно попросил Кин. – Мне с алкоголем, ему – без.

Бармен перевел взгляд на меня, и я плююсь на него, некомфортно задевая его мысли своими. От этого он вздрогнул и торопливо выставил на стол пару стаканов, выбирая бутылку.

– А еще мне бы с Саммерсетом надо поговорить, – добавил Кин, когда парень подвинул к нам наши напитки.

– С кем?

– Ты слышал.

– А еще я вижу, что ты – Кинслеер. И, значит, тебе тут разве что выпить, а вот говорить ни с кем не стоит.

– Разве тебе платят так хорошо, чтобы жизнь положил за этих парней? – вежливо поинтересовался Кин, деликатно отпивая из своего стакана.

– Слушайте, мне неприятности не нужны.

– Так и не наживай себе их. Просто скажи Саммерсету, что Кинслеер хочет с ним поговорить – и он уже пусть сам решает, чем он лично готов рискнуть: возможностью быть арестованным за одно или возможностью быть арестованным за другое. Это – его выбор. А твой – нажать или не нажать неприятности с Министерством безопасности вот прямо за две минуты, отказавшись передать информацию.

Смотрел на бармена Кин, но давлению на него я – налегаю на его мысли, рисую мрачные перспективы, подсказываю ужасы, виденные в сериалах и кино. Он медленно побледнел, потом торопливо поставил на стол табличку «техперерыв» и скрылся в сторону служебных помещений.



Его не было, наверное, минуты три – я успеваю испить до дна свое «неалкогольное», очень химическое и достаточно противное, а вот у Кина уровень жидкости в стакане почти не убыл, хотя он демонстративно пил из него. Видимо, просто изображал.

– С вами поговорят, – с явной неохотой сказал бармен, вернувшись. Я полностью уверен по его тону голоса, что он понял, что Саммерсет что-то задумал, и ему не понравился этот план – то ли просто так, то ли потому, что я успел его несколько раздраконить.

– Отлично. Спасибо, – Кин небрежно отставил свой бокал и повернулся следовать за барменом, а я, пользуясь возможностью, отправляю нашей поддержке команду начинать задерживать всех, кто отсюда выходит – особенно тех, кто попытается это сделать тайком.

Бармен проводил нас через небольшой служебный коридор в заднюю секцию здания, и, постучав, открыл перед нами дверь в комнату, откуда явственно пахнет алкоголем и адреналином, как в плохом кино. Выглядело это, в самом деле, как заход в пасть льва.

Кин, впрочем, не впечатлен – он зашел внутрь с присущей ему спокойной непринужденностью, и я следую за ним. В конце-концов, идиотская, простая и глупая храбрость, убивающая менее везучих парней, свойственна именно мне.

Комната большая – скорее зала, и тут человек шесть, занятых своими маленькими делами: кто-то делал вид, что иг-

рает в карты, кто-то наливал себе новый стакан, кто-то пялился на экран комма. Среди них было двое женщин – не менее боевого и тертого вида, чем парни, так что, это вовсе не облегчение в случае драчки.

– Ты хотел поговорить, Кинслеер, – разлепил уста тот, что наливал себе выпивку. – Говори, давай.

– Я хотел поговорить с Саммерсетом. Это ты? – не дожидаясь приглашения, Кин уселся на ближайшее свободное кресло, развернувшись так, чтобы видеть всю честную компанию. Я пристраиваюсь неподалеку, мониторя вход и окна.

– Допустим, это буду я, – кивнул мужчина. Но это не он. Фраза тщательно построена так, чтобы ложь не чувствовалась, но я прекрасно умею читать за строками и за словами, иначе мне место как телепату – на фиксации показаний мелких карманников.

Но кто же из них? Я обвожу их взглядом.

– Ладно, допустим, – Кин, видимо, тоже не очень поверил. – На нас тут повадились нападать забавные парни, некоторые из которых упоминали Гнарка, но Гнарк уже вне игры, а другие – Гнарка и Саммерсета. Не надо скалиться, – когда умираешь, помянешь кого угодно, особенно, когда мечтаешь, чтобы за тебя отомстили. Так вот. Какого ляда, господа? – вежливо закончил он.

– Думаешь, правду тебе сбредхнули, а не накат на нас?

«Саммерсет» ни на кого не оглядывался, ожидая знака для ответа, и это немного странно. Но, может, он их перего-

ворщик, уже привычный говорить «от лица» первого лица? Щиты какие-никакие у него даже есть, потратились на телепата, так что, может, так и есть. Хотя щиты тут, кажется, у всех, хоть и паршивые.

– А у вас люди в последнее время не пропадали, нет? И сколько из них нашлось потом в камерах и в больнице Министерства? – вопросом на вопрос ответил Кин. – Так вот, господа, я спрашиваю вас еще раз, – что конкретно вызвало такое резкое изменение статус-кво?

– Мы на тебя, Кинслеер, не нападали. Ты сам влез. Гнарку велели убрать крысу и подобрать все хвосты, а ты влез, и Гнарка грохнул. Ты или твой долбанный телепат, не важно. К тебе у нас никаких предьяв нет.

– На кого вы работаете? Вы и Гнарк.

– А это дело не твое, Кинслеер. Пока вот сейчас еще уходи, и мы закроем этот вопрос: я тебя не трогал, приказ не отдавал. Если какой рьяный на тебя полез – так это их проблемы, пусть меня не впутывают.

– Ребята, у вас серьезные проблемы, – Кин лучезарно улыбнулся. – У нас тут директива 22 и трансгалактическая преступная сеть, а вы мне поете, что дело тут не мое. Еще как мое. От кого вы получаете товар?

– Дело не твое, – повторил мужик, и одна из дам ласково погладила лежащий на коленях ствол. – Тебе бы сейчас встать, развернуться и уйти, пока цел.

– А может, это вам срочно начать все-все мне рассказы-

вать, пока целы?

– Это ты мне не угрожай, Кинслеер. Еще не известно, кто кого. А на Министерство и его директивы мне знаешь как плевать? С оттягом плевать.

– Кто передает вам наркотики?

– Да его заело, ребят, – лениво сказал один из тех, кто играл в карты.

– Ладно, по хорошему вы не хотите, – заключил Кинслеер, и я принял это как сигнал готовности, вливая энергию в щит. – В таком случае я вынужден вас арестовать.

– Арестовать? – расхохотался один, но я заметил, как та дама с пушкой насторожилась.

– Да вали их уже, – предложил кто-то еще, и разговаривавший с нами мужик поднял бластер.

Первый разряд я принимаю на подскочивший щит, одновременно подавая сигнал тревоги нашим спутникам, и успеваю заметить, как привлекая мое внимание дамочка резко вскочила и, прикрываемая пальбой своих соратников, повалила куда-то в дальний угол комнаты. Наверняка там еще какой-то выход, а дамочка, – если не главная во всей операции, то самая близкая к этому статусу личность.

Кин опрокинул кресло, и я опрокидываю телекинезом стол с картами на игроков, сопровождая это собственной пальбой – и сзади нас, из зала, тоже послышались звуки выстрелов.

– Девица уходит, – коротко сообщаю Кину я, краем гла-

за видя, что она начала что-то колупать на дверце шкафа, скрывающего, видимо, запасной выход.

– Форсируем, держи щит, – приказал он, поднялся во весь рост и пошел вперед, отстреливаясь. Я следую за ним и держу, хотя с такими минимальными расстояниями заряды бластеров бьют так сильно, что энергетическое поле еле фиксируется и искрит, и успеваю даже в кого-то попасть, а потом напор резко стихает. Кин повертел головой, но все наши противники не подавали признаков активности, так что он бросился туда, куда ушла женщина. Он отвалил в сторону раздвижную дверь шкафа, и нам предстал плотно задраенный проход дальше, которого, кажется, на планах и не было совсем.

– Вот же дрянь, – выругался Кин. Дверь явно ударопрочная, без видимых замков – значит, на биометрии или на дистанционном ключе. Мы с Кином переглядываемся, и он передает сигнал тревоги нашей поддержке.

– Кинслеер. Одна ушла, тут проход, которого нет на картах.

– Вас понял, смотрим.

– Толку-то, – ругаюсь я, лихорадочно соображая, что делать. – Кин, бластеры. Вернее, батареи.

– Ты что, взорвать хочешь? – ужаснулся он, но споро начал вытряхивать энергоблоки.

– Одноэтажное знание. Засыпать нас особо нечем, проваливаться толком некуда, точку приложения я прикрою ши-

том. Но нашим, на всякий случай, вели отходить и запри, мать твою, дверь.

– Кинслеер. Немедленно отходите! В здание не входить, выходящих ловить, – сдержанно командует он в комм. – Иль, там могут быть гражданские в зале.

– Выбегут, все сразу не обсыпется, даже в худшем случае, – уверенно заявляю я, соединяя энергоблоки вместе и стратегически размещая их в предположительно критических точках.

– Ты сбрендил.

– Ты тоже, иначе такого бы не допустил, – отрезаю я и шустро отодвигаюсь в другой конец комнаты. В двери начали лупиться, и я стреляю в собранный энергозаряд из своего бластера и сразу же ставлю вокруг своей цели энергощит.

Из-за него бумс получается не такой уж громкий, вернее, совсем не громкий, для меня это был момент белой тишины, удар воздушной волны и дверь буквально вывернуло наружу. Кин стартовал с места в ту же секунду, скрываясь в недрах неизвестных переходов, как гончая, а я развернулся к дверям комнаты, в которые практически сразу же после взрыва начали колотить снова.

Кажется, это уже моя должность – прикрывать уходящего вперед Кина.

Дверь выбили – я им не препятствую, но стоило первой фигуре появиться в проеме, как я начинаю отстреливаться, прикрываясь остатками раздолбанного интерьера.

– Он один там, – проорал кто-то. – Один часовоз! Вперед, давайте!

Пусть идут. У меня запасная батарея, и генератор не до конца сел, и я в порядке – я всегда в порядке.

Я подстреливаю первого, кто пытался прорваться, точно попадая в шею поверх брони, и второго тоже, выпуская разряд ему прямо в лицо, и остальным, наверное, стало немного боязно просто так подходить к «беспомощному инвалиду». Пользуясь передышкой, я выпускаю, как спрут чернила, вокруг себя ощущение страха и паники, и скорой смерти, позволяя нападающим как-то оповестить меня о себе, чтобы мне проще было их зацепить.

– Да он там окопался намертво.

– Хер с ним, может? Там снаружи кишит полицией, уходить надо.

– Да, Аспен ушел, сук, поймали его. Тут один выход не перекрыт, и он там, сукан, засел.

– Броня есть? Полная броня у кого?

– Да ни у кого. Шлем есть?

Это будет забавно. Я устраиваюсь поудобней, не опуская бластер и сосредотачиваюсь, собирая ментальные силы для удара, но мне, конечно же, мешают.

– Кинслеер. Штурм, – внезапно отобразилось на комме.

Вдали поднялся шум, суматоха, возня, истерические вопли, и мне навстречу из двери все-таки вывалился парень в полной защите. Я с удовольствием вываливаю на него мен-

тальный заряд, приготовленный для отключения всей толпы под дверями, и он упал, как подкошенный, а следующих за ним зайцев-попрыгайцев в кусках брони я снимаю уже как получается.

Это знакомый хаос: пахло паленой плотью и расплавленным пластиком, орали и стонали подранки, и примерно в эпицентре всего этого, за сбором чужого оружия, меня и застал ворвавшийся очень даже вскоре спецназ.

– В порядке? – уточнил их лидер.

– Да. Кин поймал ту женщину?

– Да. Сказал, что она, наверное, и есть Саммерсет.

Я воздерживаюсь от комментариев – скорее всего, «Саммерсетов» просто-напросто несколько, но с нас довольно и одного, главное, чтобы она могла сдать поставщика. При чем, достаточно только возможности – без желания можно и обойтись в таком случае. Скорее всего, ради такой ситуации Кольбейн плюнет на большую часть моральных норм и расчекрыжит ей мозги лично. Хорошо, если не пообедает ими.

Как ни странно (или совсем не странно, потому что я молодец), но мой тщательно проконтролированный взрыв ничуть не повредил остальное здание. Оно даже не сильно осыпается, и по залу не боязно идти (если, конечно, не обращать внимание на трупы и раненых, вокруг которых уже бегают полевые медики).

А на улице уже стемнело, и Кин с энтузиазмом сдирал с себя броник, пока кто-то из штурмового отряда вежливо



придерживал на всякий случай его пленницу за наручники, чтобы не уткнула в неизвестном направлении.

В общем-то, кажется, все у нас получилось. Или почти.

## Глава 9. Straight on

Я успеваю появиться в Управлении до того, как там начинается самое интересное. Собственно, я даже встаю на полчаса раньше исключительно ради этого. Какое только насилие над личностью не претерпишь ради интересных событий! Собственно, дверь в пространство, отведенное для Управления распахнулась прямо у меня перед лицом и на встречу мне вылетели сразу оба – и Дип, и Кин.

– Пойдем, пойдем, Старик пошел сам допрашивать наших, – Дип даже схватила меня за что поймала – за волосы и шарф – и потянула за собой так, что гравикресло повернулось вокруг своей оси.

– Да согласен, согласен, не тащи, – хихикаю я. – Что, прямо с утра в гуще событий?

– Ну так! Старик вчера просмотрел наши недоотчеты, обрадовался и еле дождался утра, чтобы самому постращать преступников. По-моему, если бы ему позволили, он бы сам бегал по задержаниям, и срать он хотел на свой почтенный возраст.

Я все еще смеюсь, отчетливо представляя себе Старика в его регалиях адмирала, с Кином на прицепе, лезущего допрашивать мелких жуликов.

– Он что, разрешил нам присутствовать?

– Конечно, нет! Но мы посмотрим из обсервации.

– Потому что не запрещали, – пояснил Кин. Он выглядел достаточно довольным – видимо, первоначальные допросы нашей вчерашней добычи не способствовали развалу дела, а наоборот. – Заходите, – он открыл дверь своей ИД, пропускающая нас, и за бронестеклом мы тут же увидели Кольбейна, расхаживающего по комнате допросов, как тигр вокруг жертвы, и его крайне спокойного адъютанта за столом напротив допрашиваемого.

Кольбейн – впечатляющий старикан. Думаю, мое поколение таких монстров уже не произвело, они остались там, 150-200 лет назад, когда появились все эти титаны, на чьих плечах стоит сейчас Альянс, Созвездие, да и СОНМ тоже. Мы все пожиже и труба пониже, а вот эти – да. В общем, если бы это вокруг меня там расхаживал Старик, я бы точно все рассказал, и еще и приврал бы про то, что он хочет услышать.

Кин удобно устроился в кресле и включил звук.

– Имя! – рявкнул Кольбейн своим знаменитым телепатическим басом. Он обычно орал с шикарным псионическим резонансом, что позволяло унижать людей в два раза эффективней. Изначально эта привычка имела своим происхождением корабли с плохой звукоизоляцией, когда надо было доораться до нужного человека в интерком или через зал, но на почти-гражданке она превратилась в замечательный инструмент запугивания.

– Шотт, – едва слышно по сравнению с ним ответила его

несчастливая жертва. – Юргенс Шотт.

– Место работы?

– Таможенная служба КПорт-3. Старший инспектор.

– Тут в протоколе сказано, что ты, господин, наркотики в Альянс провозить помогал, так?

– Я помогал кицилосам избежать длительных проверок. Я понятия не имел, что они носят в своих мешках для коллекций наркотики!

– Ах, не имел понятия? – Кольбейн оперся своими руками о стол, наклоня седую кудлатую голову. – А предполагал?

– Немного, – сглотнул Шотт.

– И в чем же был фокус с кицилосами? Что как там работает?

– Они могут внутри себя носить свои ценности. В мешке. Но это у них чувствительная тема. Ко мне пришел кицилос из, – он снова нервно сглотнул. – Фонда «Дети Науки». Лсинн. И попросил, чтобы я помогал им проходить быстрее, потому что они стесняются, когда их застают во время отрывания из мешков. А они долго не могут там ничего носить, и могут начать выплевывать прямо посреди досмотра.

– А этих спр... – Кольбейн осекся, вспоминая о записи и срочно заменил слово. – Этих ксеносов велено долго мариновать, потому что на просвет их не просветишь, так? Только ждать, пока выплюнут все.

– Да, – несчастным голосом ответил Шотт.

– И как тебе платили?

– На счет в Созвездии. У меня там счет.

– Так и запиши, – кивнул Кольбейн своему помощнику. –

Нарушение постановления о гражданской государственной службе в Альянсе. Пункт... какой-то там, сообрази сам. И следующего мне.

– А я? – судорожно уточнил Шотт. – А со мной что?

– Присядешь, – с удовольствием пообещал Кольбейн. – Радуйся, что живой.

Адъютант, демонстрируя армейскую выправку, закрыл свои записи, аккуратно помог Шотту подняться и под локоток вывел его прочь.

Кольбейн повернулся к разделяющему нас стеклу, завел руки за спину и покачался с носка на пятку и обратно. Можно было подумать, что он любит свое отражение, но я-то знаю лучше.

Включаю интеркомм.

– Добрый день, сэр.

– И тебе поздорову, сынок, – отозвался он. Мы ему все «сынки», когда он нами доволен, и «козодои сраные» – когда нет. – Кинслеер тоже там?

– Да.

– И девочка?

– И девочка.

– Хорошо, – прокомментировал он и обернулся на дверь. Там появилась наша вторая добыча – вчерашняя шустрая да-

мочка.

– Мадам, – залихватски поприветствовал ее Старик, когда она совсем не грациозно плюхнулась на стул. Адъютант невозмутимо занял свое прежнее место снова. – Кто Вы будете, мадам?

– Чтоб я тебе еще что сказала, старик, – отозвалась она злобно. Зря, зря.

– Вы раните мое сердце, мадам. Но директива 22 предполагает, что в случае достаточных косвенных доказательств я мог совершить вторжение в вашу премилую голову и без решения суда.

И – нет, он не запугивал. Он просто безо всякого перехода и дальнейших предостережений впился в ее сознание своим, и даже я морщусь от неприятных ощущений, которые это породило вокруг. Вообще-то это считается экстракцией воспоминаний, и, да, теоретически разрешено к применению при допросах. Но когда подготовленный 1-х делает это над человеком с щитами, это больше похоже на пытку.

Женщина, кажется, орала, но нам ничего не слышно, потому что Старик не иначе как выключил ей и звук, и контроль над телом.

Дипика вздрогнула и поморщилась, и Кин уставился куда-то в угол, и только я жду продолжения, не отводя глаз.

– Мадам, – повторил Кольбейн, пока она судорожно и громко хватала ртом воздух, выпучивая налитые кровью глаза. – Повторите, пожалуйста, вслух, кто Вы такая.

– Лаис Санти, – сказала она так хрипло, словно у нее горло растрескалось от крика.

– Являетесь ли Вы, мадам, частью организованной группировки под названием «Саммерсет»?

– Да.

– Какое положение Вы занимаете среди этих людей?

– Она из Саммерсет-три. Лидеров.

– Прекрасно. Мне стало известно из показаний одного из ваших людей, что Вы занимаетесь распространением запрещенных веществ, в том числе, в школах и других учебных заведениях. Так?

– Да, – после паузы ответила она.

– Сколько человек на вас работает?

– Двести восемьдесят. Или около того.

– Хорошо, – хотя это, конечно, вовсе не хорошо. – Мне нужны будут все имена, которые вы вспомните, а лучше и записи. Кто ваши поставщики?

– Ксу варим сами. Зябу и Холу нам возят. Я не знаю имени, к нам пришел мужик несколько лет назад. Предложил чистый товар. Мы должны были забирать в обозначенных местах у курьеров.

– Вы нам эти места, конечно, покажете. Но я рад сообщить, что образцы наркотиков, найденные при вас, совпадают с теми, что сегодня ночью изъяли у кициллоса с только что прибывшего корабля «Трек-Аваланш». Что за «мужик» к вам приходил, как вы с ним связывались, и как отдавали

деньги?

– От него приезжали курьеры, он в Сумсети задания им давал. Они с нами встречались на обмен.

– Вы сможете опознать того человека, который говорил с Вами в первый раз?

– Да? Наверное. Может быть.

Кольбейн кивнул, и его адъютант вывел на планшет какие-то изображения и показал допрашиваемой.

– Вот это он, – она уверенно ткнула пальцем в одно из фото. Я дергаюсь, но с моей точки зрения никак не видно, что же там было, а Кольбейн делиться пока не торопился.

– Кто там у него? – нетерпеливо спрашиваю я у Кина и Дип. Они переглянулись, потом, видимо, оба догадались одновременно и одновременно же от меня отмахнулись.

– Да погоди ты!

Ну ладно же.

– Что же, спасибо, – кивнул Кольбейн и бросил своему адъютанту. – Запиши: нападение на сотрудников Министерства, препятствование аресту, организация наркоторговли, создание организованной преступной группировки. Дальше мне веди по списку.

– Сэр, кого она опознала? – не выдерживаю я, когда адъютант вывел еле идущую после экстракции воспоминаний женщину.

– Не торопись, сынок, – добродушно проворчал это жуткое чудовище. – Имей немного терпения.



Человек, которого ввели в комнату следующим, мне незнаком. Я могу примерно прикинуть его статус и род деятельности. У него дорогой, хорошо сшитый, хорошо сидящий, хоть и мятый после, видимо, камеры, костюм, но ужасно скучный, совершенно без харизмы или особого настроения. Такие скучные и дорогие вещи обычно носят люди, которые должны вызывать чувства солидности и некой консервативности. Например: банкиры, бухгалтеры, финансисты. Даже у Мейли есть пара скучных костюмов – правда, у всех них очень веселые подкладки. Одна, например, розовая, с рисованными женскими грудями.

Правда, сомневаюсь, что скучный костюмчик жертвы скрывал что-то подобное. Кого же это выловил Старик?

– Ваше имя? – небрежно спросил он.

– А то Вы не в курсе, – огрызнулся мужчина. Ему, наверное, лет сорок? Немного постарше меня.

– Не провоцируйте меня, – пожурил его Кольбейн. – Имя?

– Лахезрис. Кловис Аррераис.

Ну и имя – хрен запомнить и хрен выговорить. И именно поэтому я его и вспоминаю – это тот персонаж, которого упоминал Сорель. Аудитор, или что-то такое. Но когда он успел попасться?

Я оборачиваюсь на Дип и строго смотрю на нее, а она показала мне победный жест.

– Твоя работа?

– Да! Моя и ребят из полиции. Поймали, пока вы бежали

за химерами.

– Итак, Кловис, – Старик явно выбрал наиболее произносимое слово из трех. – Ваш помощник, так неудачно убитый в перестрелке, причем почему-то выстрелом со спины, был опознан как опасный преступник, участник контрабандной схемы, связанной со ввозом в Альянс наркотиков в особо крупных размерах.

– Это отвратительно, но я не понимаю, причем тут я. Я о его делишках и не подозревал! Более того, я и не обязан был, свою-то работу он выполнял прекрасно.

– Увы, Ваша история не выдерживает проверки. Мы опечатали Ваш терминал и изъяли с него некоторые расчетные документы. Знаете, не тот терминал, который стоял в вашем офисе, а тот, который в гараже.

Кловис несколько сбледнул с лица, и я злорадствую.

– Я понятия не имею, о чем вы. У Дина был доступ ко всему моему имуществу. Я не представляю, зачем он так подставил меня!

– И снова – не выдерживает проверки. На терминале были только Ваши отпечатки, – с деланным сочувствием покачал головой Кольбейн. – Поэтому советую Вам начинать сдавать своих хозяев со всей возможной скоростью, и Вам еще может повезти. Итак, начнем с начала. На кого Вы работаете, а конкретней – на кого работаете в той части, когда организуете поставки наркотиков и сбор денег за них.

Он попытался прожечь Колбейна ненавидящим взглядом,

но Старика таким, конечно, не проймешь.

– Я хочу сделку. Моя безопасность и анонимность взамен на все, что я знаю.

– Сынок, – хмыкнул Старик. – Сынок, ты еще не понял? Никаких сделок. Ты рассказываешь мне все, что знаешь, а я решаю, как тебя за это наказать. Итак? Я слушаю тебя.

– Я работаю на «Детей науки». На Горун. Она все придумала! Она и ее сраный ручной осьминог.

– Пока вы бегали за химерами, – победоносно сказала Дип. – Я притащила Старика ключевую фигуру.

– Тихо, сотрудник месяца, – добродушно утихомирил ее Кин.

– Какова именно твоя роль?

– Я распределял задания. Вызывал курьеров по Сумсети. Передавал товар, забирал деньги. Прикрывал задницы.

– Какие задания, кроме курьерских, ты давал по Сумсети?

– Отмывали деньги. Платили хакеру, который вводил прибыль в виде пожертвований.

– Какой хакер на вас там работал?

– Кода.

– Ты когда-нибудь встречался с ним лично?

– Нет. Он всегда берет задания дистанционно.

– Давал ли ты задание Коде совершить взлом банковской системы или информационных систем Министерств?

– Нет, конечно.

– Почему тогда на счета вашего, мягко говоря, фонда,

ушло, не много ни мало, а пять миллиардов кредитов со счетов самых надежных банков Альянса?

– Что-то пошло не так. Мы платили Коде последний раз за ввод трехсот сорока тысяч. Зачем он сделал то, что сделал, если это он, – мы не в курсе. Но Горун кричала, что его убьет, потому что он привлек к нам внимание, и ваши цепные псы пошли всех трясти. Им всем, допустим, ничего не грозит, но они теряют налаженный бизнес тут и многих, кто на них здесь работал. И все придется начинать сначала, и это будет труднее, потому что надо придумать что-то новое.

Не грозит – вот это уверенность в силах и связях. Разве Тир не обещал наказать и своих, если они виноваты? Хотя, зная Тира – он не самый здравомыслящий парень. В конце-концов, это он устроил себе дикие каникулы на отсталой планете с очередной любовью всей жизни, за которые едва не поплатилось все Созвездие и весь Альянс, но, «к счастью», дело обошлось несколько изломанными телами и жизнями меня и моих спутников.

Кольбейн неодобрительно покачал седой головой.

– Вы платили Коде за взлом систем космопортов?

– Однажды. За «Урадру» – там задержали наш корабль, и кицилос мог выплюнуть товар в любой момент. Пришлось связываться с ним, чтобы помог пройти и забрать товар.

– Кто туда ходил?

– Дин. Мой помощник. Так я могу рассчитывать на снисхождение?

– Ты можешь рассчитывать на справедливость. Если твои показания помогут припереть к стенке этих троих, или четверых, сколько их там? Тогда, конечно, мы тебя вывернем информатором, не сомневайся. А пока что запиши, – Кольбейн продиктовал своему помощнику. – Обвиняется в организации преступной схемы по контрабанде и сбыту наркотиков. А также в измене государству и созданию угрозы национальной безопасности по директиве 22.

– Измене?.. Но я же все рассказал!

– Ты также все это сделал, сынок. Не все верят в Альянс так, как я, да это и не нужно. Но если меняешь стороны, будь готов к тому, что тебя возьмут за мягкое место. Уведи его. А вы, ребята, – он вернулся к стеклу. – Пойдемте-ка ко мне в кабинет. Обсудим ваше расследование и позвоним куда надо.

С этим он развернулся и покинул комнату допросов, и мы заторопились следом, создав нехилый затор на выходе из обсервации, когда попытались выйти все разом. В итоге Кин легко перемахнул через меня, устремляясь вперед, а Дип была вынуждена следовать после меня. Впрочем, все мы все равно отстали, потому что Кольбейн, несмотря на свой возраст, всегда двигается с самой что ни на есть крейсерской скоростью, а огромный рост дает ему изрядное преимущество в ширине шага по сравнению с не менее шустрым, но куда менее высоким Кином. Так что, когда мы зашли в его приемную, а за ней – в гостеприимно распахнутые двери ка-

бинета, Старик уже уселся за своим столом и начал перебирать документы на планшете своего помощника с таким видом, словно был здесь все утро.

– Закройте двери, сынки, – добродушно проворчал он. – А ты, девонька, садись. Ты молодец – это же ты взяла этого чудно поющего Кловиса?

– Да, сэр. Но его не было ни в каких документах – наводку мы получили от Эндера Сореля, которого разговорил и спас Иль. Гиллернхорн.

Старик махнул рукой, мол, называй, как удобно.

– Все молодцы. Вот только, ребята, а Кода-то где?

– Еще не поймали, – скривился Кин. – Но делаем все, что в наших силах.

– Делайте, делайте. Пусть Лад и его парни тоже постараются, а то после такого прокола у меня есть желание их всех под корень сменить. Но нет, нельзя. Сами понимаете почему?

– Эти уже накололись, – комментирую я. – И больше на такую подставу не попадут.

– Точно, – подтвердил Кольбейн. – Так что пусть Лад работает, я его подтолкну еще маленько. Так сказать, промотивирую. Но и вы продолжайте рыть, потому что оставлять такую угрозу нельзя. Сегодня он взломал внешнюю нашу сеть, завтра подберет ключи и к внутренней. Нехорошо!

– Да, сэр, – без споров согласился Кин. Не пойманный Кода, в самом деле, не порядок, но у меня есть серьезные со-

мнения в том, что мы вообще его сможем поймать.

– Есть идеи, почему он решил дать этому фонду больше денег, чем они просили?

– Судя по его поведению, он пытался сделать именно то, что сказал этот Кловис, – сказал Кин. – Привлечь наше внимание к деятельности Фонда.

– Мы сейчас о котором поведении?

– Атака уведомлениями, когда зарплата сотрудников Министерства приходила по частям и сообщением «фонд», а также, Иль считает, что он помог им с Сорелем выжить, когда на них напали.

– Даже так?

Я пожимаю плечами.

– Даже так. Что ж, ловите дальше. Рано или поздно он проколется, и тогда он наш. За такие шалости, как у него, нужно отвечать.

– Есть, сэр.

– А теперь, раз у нас есть все документы и протоколы допросов наших ключевых фигурантов, думаю, самое время поговорить с Тир-ар-Ллеа.

– Вы хотите, чтобы мы присутствовали, сэр?

– Вы заслужили момент триумфа. Все ж таки успели вы раскрыть дело, хоть и немного не то, и найти виноватых – хоть и немного не в том, – с удовольствием поддел нас Старик, включая дозвон по межпространству, пока мы все старательно убирались с угла обзора камеры.

– Кольбейн, – Тир на короткой записи выглядел вполне довольным и спокойным – вероятно, до текущего момента у него все складывалось в жизни сегодня хорошо. – Какие-то проблемы?

– Да, ар-Ллеа, – важно кивнул Старик. Вообще-то, эти двое друг друга основательно не любят, хоть и знакомы куда больше, чем полжизни, и для этого есть все основания. Да, в общем-то, у Тира вообще полно недо-врагов и почти не-друзей из-за его склонности чудить по полной. Впрочем, наверное, это следствие его гениальности. – У нас серьезные проблемы с несколькими гражданами Созвездия. Собственно, с теми, против кого ты так просил прекратить расследования.

– Не просил, а требовал, – выгнул бровь Тир. Из-за цвета его брови выглядят скорее как горизонтальные раны на лице при плохом качестве связи, и это ничуть не улучшает мое настроение и ассоциативные реакции. – И какие же у вас могли там возникнуть с ними проблемы, если вы выполнили мои требования, как говорили?

– Это другое дело, ар-Ллеа. Твои ребята в самом деле не виноваты во взломе наших банков, и эти деньги себе не переводили. Но зато оказалось, что они устроили целую нарко-империю у нас тут под носом, прикрываясь благими целями. Я передаю тебе копии всех файлов расследования. Если ты хочешь посомневаться в моей честности, – усмехнулся Старик. – То у меня есть подтверждения Иля Гиллернхорна на все ходы, так как он был одним из тех, кто вел дело.



– Иль? – снова поднял бровь Тир, и меня почти тошнит, как Кина во флаере. Видимо, это заметно, потому что Дип успокаивающе положила руку мне на плечо. – Я ознакомлюсь с материалами.

Он отключился, и мы переглянулись, а Кольбейн почти удовлетворенно откинулся в своем кресле.

– Хоть подергается, гаденыш, – неполиткорректно прокомментировал он. – Идите пока что. У вас еще Кода не пойман, а я, вообще-то, хочу увидеть его в комнате допросов, и в глаза наглые взглянуть. Я вас позову, если этот опять объявится.

– Иль, а ты почитал про «Соджорн»? – совершенно невинным тоном уточнила Дип, когда мы вернулись в свое логово.

– Начал, – не признаюсь я. – Почитаю обязательно, Дип, не надо меня торопить.

– Кажется, тоже самое ты мне сказал три дня назад. Или когда это было?

– Не помню, но у нас последние дни выдались жарковатыми, так что просто не было времени.

– А ночь тебе зачем?

– А ночь мне чтобы спать, а тебе?

– Чтобы работать, конечно, – возмущенно ответила она. Впрочем, если эти двое проводят ночное время вместе, это может сойти за внеплановое совещание. Интересно, они про материалы дела и в таких ситуациях разговаривают?

– Кин, у тебя тоже ночь для работы? – невинно уточняю я.

– Конечно, а что еще делать-то? Сон для слабаков, детей и инвалидов.

Я кидаю в него стулом, не прикоснувшись к нему, Кин сначала ловко увернулся на полном автомате, несколько секунд посообразал, что это было, и только потом рассмеялся.

– Так вот оно – знаменитое стулометание! Ты же говорил, что прекратил?

– Прекратил делать это публично. А в тебя я кинул стулом чисто по-дружески.

– Какая честь! – продолжил громко радоваться Кин, пока оборачивался на доску и стирал с нее все, что касалось Фонда, но не касалось Коды. – Ладно. Что у нас, в итоге, на Коду? какие-то ниточки остались?

– Кроме того, что Иль считает, что его знает – никаких. Ну и мы так и не добрались до Эландефорса, которого хотели опросить.

– Можно попробовать надавить на Свифта, чтобы он собрал нам данные всех курьеров, которые выполняли задания Коды.

– С учетом того, что он, похоже, в самом деле не занимался базой пользователей и защитой доступа, вряд ли он нам поможет в этом.

– Он занимался системой торгов. Может быть, можно его мотивировать на то, чтобы он подкрутил эту систему так, чтобы подловить Коду на чем-то?

– А он согласится?

– А он может не согласиться?

– Можно заставить его выдать исходный код Ладу, чтобы копался он.

– Это, может, более надежно. Но как можно узнать что-то о Коде через торги?

– Это пусть уже программисты сами разбираются. Может, можно через торги и систему безопасности их взломать.

– Честно сказать, я чувствую себя беспомощным, – пожаловался Кин. – Потому что вот тут я уже мало что понимаю.

– Наше дело – социальная инженерия. Сконнектировать возможности и знания Джерри Кейвина и предполагаемую преданность Лада и его парней, чтобы добраться до этого хитрого Коды. И его хитрых кодов.

Я задумчиво тру шрам. Мне почему-то кажется, что Кода сейчас развернется к нам броневой боком и вообще на чистом уйдет со «Внутримира». И сам новый аукцион сделает, только бы нас оставить с носом.

– Иль, не куксись. Идеальных преступлений не бывает. И идеальных преступников тоже. Рано или поздно, но мы его поймаем. Главное, не оставлять попыток.

Но в кои-то веки у нас выдалось несколько спокойных часов: мы продолжаем перебирать идеи, одну хуже другой, приносим кофе из кофейни, заказываем еду в офис и дописываем все отчеты, потому что на более активные действия уже и сил особо нет после всей этой гонки.

А потом Кольбейн вызвал нас снова, и мы, теряя кто

обувь, а кто и баланс, несемся обратно к нему, уж больно интересно узнать, что же имеет о происшедшем сказать Тир.

– Кольбейн, – сейчас сидхе выглядел куда менее довольным, чем в прошлый раз. – Я ознакомился с материалами. И что же ты хочешь?

– На основании собранных доказательств я требую выдачи этих людей, совершивших серьезные преступления против Альянса. Что я еще могу требовать?

– Дело, вне всякого сомнения, серьезное, – с весьма постыдным лицом сказал Тир на следующей записи, и я отчетливо и обреченно понимаю, что никого он нам не отдаст. – Но требует разбирательств с нашей стороны. В конце-концов, я не могу просто так поверить, что мой друг детства внезапно решил подзаработать денег на запрещенных веществах. Хотя Забрин у нас не запрещен, кстати.

– Мы полагаем, что деньги от наркоторговли использовались для финансирования ваших всяких там социальных проектов в Созвездии. Разве можно одобрять тот факт, что вы строите свое благополучие на страданиях и бедствиях людей Альянса?

– Меня, в общем-то, больше интересуют мои собственные люди, Кольбейн. Я, без сомнения, благодарен вам всем за проведенную работу, и я поговорю с Кирсом и его коллегами, но просто так выдать вам тех, кто много лет беспрестанно работает на благо моей страны, я не могу. Поэтому я, конечно, вынужден отказать вам в выдаче.

– Будешь покрывать преступников, ар-Ллеа?

– Буду поддерживать своих людей, Кольбейн. То, что и ты, и я делаем всегда, всю жизнь. И, да, передай от меня личную благодарность за расследование Илю, – и он отключился.

– Личную благодарность! Каков наглец, – пробубнил Кольбейн, глядя в ту точку, где была голограмма Тира, с такой ненавистью, что пол едва не дымился. – Как будто мои сотрудники ради его просьб работают!

Мы переглядываемся и молчим, чтобы не попасть под горячую руку. Это я, когда бешусь, могу кинуть мебель, а Кольбейн скорее взорвет мозги всем окружающим напрочь. То есть, мне не взорвет, и причинить вред своей команде я не позволю, но зачем нам лишние проблемы и разборки?

– Не выдаст он! – продолжил бурчать Старик. – Своих людей, мать его разедак! Козлодой паршивый! Нет, вы его слышали?

– Вы будете обращаться с официальным запросом в Созвездие по этому поводу?

– Конечно. Но результат уже сейчас можно предсказать. Если лично Тир не выдаст – его Совет точно хвост подожмет. Никто из них против своего божества голосовать не станет.

– Значит, мы ничего не можем сделать.

– Официально, нет, – Старик явно попытался успокоиться и начал делать знакомые мне дыхательные упражнения, которые способствуют снижению уровня эмоциональной вовлеченности. Мне их регулярно рекомендовали некоторое

время назад, но постепенно эмоциональный фон выровнялся, и я куда менее вспыльчив, чем бывало. – Официально, – повторил он и посмотрел на меня. – На фоне этого Кода меня интересует намного меньше. Я, в целом, даже надеялся, что Тир проявит благоразумие и справедливость, особенно после всех громких заявлений.

– Я не думаю, что неофициальный запрос чем-то поможет, – морщусь нос я.

Кольбейн кивнул, и мне даже не надо напрягаться, чтобы услышать его ментальный голос, не надо устанавливать связь, потому что он почти кричал.

«Значит, надо сделать неофициальный не-запрос. Дай мне знать, если нужен будет отгул или что-то такое».

– Да уж, – сказал он вслух. – Свободны.

– Каков мерзавец! – возмутилась Дип, плюхаясь в свое кресло.

– А чего мы, собственно, ждали? – скептически проговорил Кин. – Это его люди, его страна. Они причиняли вред Альянсу, а не Созвездию, и пускали все эти средства не на личное обогащение, а на пользу своей стране. Так что, чего ему их выдавать? Это его ручной криминалитет. Я не удивлюсь, если он был в курсе – хотя бы частично.

Я молчу, но открываю материалы дела и начинаю перебирать заново в поисках чего-то, что помогло бы мне выполнить неофициальное распоряжение руководства.

– Это все ужасно несправедливо. Они нам тут развезли

грязюку на всю Тайрену, втянули кучу людей в свое дерьмо, посадили кучу школьников на свою дрянь, и – все? Спасибо за бабки, мы скоро вернемся с новыми гастролями?

– Кстати, надо узнать, что там с отловом конечных дилеров, – спохватился Кин. – Не хватало еще, чтобы кто-то остался не выкорчеванным.

– Да уж, – Дип включила терминал и со вздохом пошла открывать файлы. – Ваша вчерашняя девица все еще дает показания. Сдала уже кучу всего, ну и Иэн уже постарался – его список я отдала ребятам для арестов. Думаю, в ближайшие дни у всех тут будет ой как горячо.

– Мы поработали – пусть и остальные поработают, – пробурчал Кин, явно крайне недовольный. – И все зря.

– Ну, да. Эту схему им сломали, но такие хитрожопые всегда возвращаются с новыми. Особенно, если ушли безнаказанными.

– Мы запрашивали оперативную группу в Созвездии об точке принятия сигнала при разговоре с Горун и прочими? – прерываю их страдания я.

– Да, а зачем тебе?

– А они ответили? Я не нашел это в материалах дела.

– Ответили, но я не стала включать, потому что это не имело отношения к расследованию. Как и «Соджорн», который ты так и не посмотрел!

– Можно мне данные?

– Так зачем тебе?

– В самом деле, Иль? Зачем?

– А ты уверен, что тебе стоит знать? – смотрю на него в упор я. – Ты штатный сотрудник Министерства, а я нет.

Он встретил мой взгляд, хмурясь.

– Стоит знать.

– Ты все понял.

– Но как ты собираешься?..

– Я еще думаю над этим вопросом.

– Я переслала, Иль, – сказала Дип. – Но там не очень точная метка. Плюс-минус километр.

– Поищи в бухгалтерии Фонда, которая у нас есть, любые оплаты, хотя бы отдаленно связанные с этой точкой. Если Кин разрешает, конечно. Или дай мне данные, я поищу сам.

– Ой, да ладно, – Дипика открыла что-то на терминале, быстро нащелкала что-то, и я слышу звук приходящего сообщения у Кина на комме.

– Отгул? – уточнил Кин, прочитав присланное.

– С момента сейчас, – подтвердила Дипика и открыла бухгалтерские простыни Фонда.

Кин почесал нос, размышляя, завизировал ее заявление и начал набивать что-то сам.

– Надеюсь, Старик не прикует меня к работе чисто из вредности.

– Не прикует, – обещаю я. – Еще и печенек с собой завернет.

– Ради этого стоит жить, – пошутил Кин. – Такой чести я



еще не достаивался.

– Но это будут неофициальные печенки.

– Знаешь, если печенки введут в официальный список поощрений, я удивлюсь.

– Специально для тебя внесу такое предложение, – ерничаю я, и получается почти весело, потому что я, кажется, нашел то, что мне было надо. – Итак, конкурс на лучшее знание материалов дела. Кому, кроме нас, Хастингс покоя не дает?

Дип даже оторвалась от своей бухгалтерской археологии.

– СОНМу. За опыты над детьми. Эй! – дошло до нее. – Ты же не собираешься сдать его им, нет? И откуда ты знаешь, что сдашь именно его? Что они все там были в одном доме, не означает, что они там все сейчас сидят и ждут. И кто тебе в СОНМе поверит? И вообще, если поверят, а этих там нет?

– А я не собираюсь действовать официально, – потираю шрам я. – Что до «сдать»... Дип, ты сама посуди. Вот если мы сами их поймаем, куда мы их денем? Если мы проникнем на территорию Созвездия и выкрадем оттуда этих граждан, а потом они проявятся тут, это такой скандал, что не отмыться. И отличный повод порушить все, чего Альянс и Созвездие с таким трудом добились по части мирного сосуществования. А вот если свою жертву заберут откуда угодно бешеные головорезы СОНМа?.. Мы будем ни при чем.

– И что же, даже не посмотрим? – расстроилась Дип.

– Обязательно посмотрим, – обещаю я. – Что там с данными?

– Есть оплата какой-то просрочки за энергию. Здание в частичной собственности Фонда на Картии-два. Это рекреационная планета почти на границе с Альянсом. Достаточно дорогая.

– Давай данные, – уверенно отвечаю я. Хотя хотел бы быть настолько уверен, как это звучит. – Где у нас господа Кловис и Сорель?

– Кловис в КПЗ, Сорель вроде кукует в пятой допросной. По нему решают, вводить его в защиту свидетелей или нет. Наверное, введут.

– Напиши, чтобы ввели, я все-таки ему обещал, – говорю я.

– Ты куда собрался?

– В одиночку штурмовать Картию, – отмахнулся я. – Мне надо уточнить информацию.

Сорель нервно вскинул голову, когда я распахиваю дверь, но тут же успокоился, узнав меня.

– Добрый день, – сказал он почти ровным голосом. – По мне что-то решили?

– Нет, но решат. Я просил включить тебя в защиту свидетелей. Думаю, все будет хорошо.

– Хорошо. Я чем-то помочь могу?

– Может быть. Мы нашли в счетах фонда одну интересную собственность, и я хотел спросить, может, ты в курсе, что там.

Он нахмурился.

– Не могу обещать, я не про все владения основного офиса знаю.

Я протягиваю ему планшет.

– Картия-два. Рекреационная планета. Оплата была от вашего филиала.

Он изучил собранную Дип справку, морща лоб.

– Я помню этот эпизод. Мне передали счет, сказали, что свободные средства только у нас, и чтобы мы оплатили. Вроде как это лагерь для детей, которые восстанавливаются после своих недружелюбных родин. Но вообще-то для лагеря счет за энергию маловат.

– Как узнать конкретный адрес дома? Здесь внутренний учетный номер по Созвездию, нам это ничего не говорит.

– Мне тоже. Но я там не был никогда.

– А этот ваш Клозис мог быть?

Сорель подумал несколько секунд, напрягая память и размышляя.

– Мог.

– Спасибо. Не переживай, все будет нормально. Даже Кольбейн в курсе, что ты меня спас, так что у тебя особый статус.

– Ума не приложу, как это меня угораздило, – нашел в себе силы съязвить он. Это верный знак, что в самом деле с ним все будет хорошо и моральная поддержка ему не нужна, так что я отправляюсь пытаться Клозиса, всерьез опасаясь, что это может оказаться не просто фигурой речи. Господин

с непроизносимой фамилией вызвал у меня впечатление тяжелого экземпляра.

– Господин Лахезрис, – приветствую его я в камере предварительного заключения, когда охранник закрывает за мной скрин-дверь и отходит на пару шагов.

– А Вы кто еще такой? А. Вы тот парень, который спас Тир-ар-Ллеа. Гиллернхорн. И что Вам-то от меня нужно?

Я прямо-таки слышу, как мои собственные мысли делают круг, прощелкивая варианты. Парень не патриот ни Альянса, ни Созвездия. Он, с наибольшей вероятностью, просто жадный и неглупый, и не упускает представляющиеся возможности.

– Скажите, Вы заинтересованы в том, чтобы сохранить свои счета в Созвездии и получить к ним доступ после освобождения здесь?

– Тир все-таки решил нас всех сдать?

– Конечно. Но не только Кирс-ло-Ланнренн – его друг детства, знаете ли. Есть и другие друзья, в том числе, в Альянсе, и эти связи показались ему важнее.

– Ублюдок. Вот знал я, что доверять ему не надо, а надо счет делать где-то еще. В СОНМе, да хоть в Империи, – с отвращением сказал он. – Что Вы мне хотите предложить? И что я могу Вам предложить? Вряд ли Вам нужны деньги.

– Вы в курсе, что маворсы и альвары – кровные враги? – импровизирую я.

– Конечно.

– Можете представить, у меня есть родственный счет в связи с этим к госпоже Горун. Мне надо ее найти до того, как до нее доберутся силы Альянса. А в обмен я готов предложить Вам сохранность Ваших счетов в Созвездии.

Его счета и так никто не тронет, но он про это не знает, так что я почти честен в этой части.

– Я не знаю, где она сейчас конкретно. Но была на Картии-два. У них там благоустроенное логово для высших лиц.

– Можете дать мне адрес?

– Могу дать Вам воспоминание. А уж Вы как хотите, так и используйте. Только пообещайте, что мои деньги меня дождутся.

– Дождутся. Обещаю.

– Хорошо, берите, – он сосредоточился на блоке воспоминаний, и я легко черпаю его практически с поверхности. Расположение дома, точки адресов, гостиная, да мне больше ничего и не надо.

– Мы договорились, – еще раз подтверждаю наше соглашение я и удаляюсь вполне довольный, чего нельзя сказать о Кловисе. Что же, он в самом деле выбрал свою сторону, а я выбрал свою.

Моя сторона встретила меня с нетерпеливым интересом. По крайней мере, Дип едва не выпрыгнула со своего места. Кин более сдержан, но его вопросительный взгляд можно было продавать вразвес.

– Нам понадобится очень серьезный план, космический

корабль, десант и минимум три дня времени, потому что иначе до Картии мы не успеем.

– «Атенрей»? Военный корабль Альянса? Независимый челнок какой-нибудь мелкой сошки? – тут же оживилась Дип, но я осаживаю ее.

– Это мои проблемы. Ваши с Кином – быть готовыми к вылету в течении двадцати четырех часов. Когда конкретно – не знаю, просто будьте готовы. Если, конечно, вы хотите лично увидеть весь цирк.

– Я не против, если только Старик нас потом про это допрашивать не будет. Потому что ну никак не получится от него спрятать, если что.

– Не будет. Но последнюю историю поиска у себя, будь добра, сотри, – прошу ее я и разворачиваюсь на выход. У меня внезапно столько дел, что даже подумать страшно.

Первая в моем списке – ключевая фигура. Тот самый человек, без которого ничего и никак не получится, потому что нам нужен СОНМ, чтобы свалить на него всю вину, и СОНМ, чтобы эффектно угнать потенциальных пленников прочь.

Чем хорош СОНМ – они отморозки. Самые настоящие, полные, безумные отморозки, с которыми никто в здравом уме связываться не будет. По сравнению с Альянсом, СОНМ занимает очень маленькую территорию, но все представители этого Союза могут считаться альтернативно одаренными в смысле взглядов на жизнь, смерть и справедливость.

Во-первых, СОНМ существует куда дольше, чем все остальные космические федерации. Во-вторых, не растет уже много столетий. В-третьих, все это время ими правит один и тот же предводитель – вполне бессмертный, вполне безумный и практически лишенный адекватности. Некоторые народы знают его под именем Вотан, другие – как Одина, и этот одноглазый тиран последние пару тысяч лет упорно занят подготовкой к концу света. Это предполагает постоянное наращивание военных сил, а войска нужно держать в тонусе. А вот как этого достичь, если с тобой уже давно никто не хочет воевать? Как результат, рейдеры и простые, так сказать, граждане СОНМа в индивидуальном порядке повадились наемничать в нейтральных зонах, да и в Альянсе, в общем-то тоже. У нас в космофлоте, бывает, служат дисы – раса внушительных дев-воительниц с родной планеты Одина, и бывает, хоть это и не афишируется особенно громко, что они, транслируя волю своего бога-короля, вербуют себе на службу граждан Альянса (и других планет), делая их эйнхериями – воинами Одина. Альянс рассматривает это все как форму гражданской измены, хотя по факту в жизни эйнхерия может ничего и не изменится. Диса может никогда и не призвать его на службу, потому что конец света откладывается уже несколько тысяч лет по техническим причинам.

Я знаю одну дису. Ладно, не одну дису! Я знаю их достаточно много, но позвонить в любой момент могу только одной.

– Привет, Нери!

– О, божэ, – демонстративно и с преувеличенным ужасом процитировала она моих коллег. – Что бы ты не предложил, я в этом не участвую.

– Да ладно. Не настолько я ужасен, – деланно обижаюсь я. – И вообще-то я хотел предложить тебе заработать роду Илвастарр пару баллов в глазах вашего одноглазого безумца.

– Обычно это в результате «минус баллы», потому что твои схематозы больны схематозами, – фыркнула она, но потом добавила со вздохом. – Вываливай.

– У вас лет пятьдесят как не пойман один преступник – фамилия его Хастингс.

– Не помню такого.

– Да ты всех кузин запомнить не можешь, куда уж упомнить всех, на кого висит награда?

– Как раз их и стоит запоминать, в отличие от кузин, – не согласилась она. – И что там с ним?

– Я знаю, где поймать его и его сообщников, которые помогают ему в его дьявольских экспериментах.

– И ты хочешь его сдать нам потому?..

– Потому, что сам сожрать не могу. Нам Тир не позволяет.

– Ага, а нас, значит, под Тира подставить – легко.

– А вам не пофиг ли? Один ему пошлет виденье своего копыя, черепа и воронья, и у Тира резко пропадет всякое желание за вами бегать.

– Насколько это все опасно?



– Я планирую сделать не опасно. Я даже возьму с собой Нэда, и мы сами расчистим вам дорогу.

– Ты спятил?

– Я всегда такой был. Ты не замечала? Давай, соглашайся, кто еще предложит тебе такое развлечение на выходных?

– Ох, Иль. Если я не соглашусь, ты все равно туда пойдешь, да? Только без нас.

– Конечно. Тут принципиальный вопрос.

– Что, такие гадкие люди?

– Ты представляешь, каким надо быть гадом, чтобы Один тебя таковым во всеуслышание объявил и не снимал награду с твоей головы полсотни лет?

– Вообще-то, он злопамятный. Так что можно и не быть гадом, – признала Нери. – Достаточно ему сильно не понравиться.

– Не тот случай. Хастингс ставил опыты на детях из СОН-МА, пытаясь повторить примерно то, что сделали когда-то с альварами. Думаешь, это все очень этично?

– С учетом того, какое гавно получилось в результате этих опытов – я тебя имею ввиду! То не очень.

– Я передам Совету Альянса твое мнение о прекрасной и могучей системообразующей расе нашей федерации, – обещаю я немного угрожающе, хотя мы оба знаем, что, во-первых, ничего не передам, и, во-вторых, она на самом деле так не думает.

– Ладно. Какой у тебя план?

– Для начала нам нужен корабль «Трек-Аваланш», свежезахваченный, чтобы еще не числился как пропавший.

– Я смотрю, ты не ищешь легких путей, – вздохнула она. – Ладно. Давай придумаем, что делать.

Примерно на этом месте я понимаю, что хитрый пасьянс все-таки сложится, и перестаю нервничать уж слишком сильно.

С «моей стороны» в лице Кина и Дип мы встретились снова уже на «Урадре». Невозмутимый Флегма, уже отработавший последние дни в этом заведении, сопроводил их мимо всех проверок до сектора кораблей «Атенрей».

– Иль! – Дип в темной куртке и штанах, видимо, соответствующих ее представлениям о конспирации, все-таки наклонилась ко мне, чтобы торопливо обнять. – Это наша лоханка?

Кин пожал мне руку, и из корабля, похлопывая перчатками по руке, вышла Хисс в форме пилота в сопровождении длинного мосластого рыжего парня с унылым лицом.

– Это не лоханка, а кораблянка, правда, она почти списанная, так да нам недалеко. Ой, мамочки, это ты кто такой, Кинслеер, что ли? Иль, мать твою, во что ты меня ввязываешь, детка? Хотя, нет, я не хочу знать! Меньше знаю, лучше сплю и меньше могу сдать на допросе. Мое дело маленькое – поднять вас на орбиту, скакнуть до точки и сделать вид, что мы ой как поломались.

– Именно, – поддерживаю ее я. – Знакомьтесь, это Дипика

и Кинслеер, мои коллеги по работе. Это Хисс – самый важный, на самом деле, человек в «Атенрей», а это Нэд, он же Фонарщик – мой напарник.

И, нет, не бывший напарник – они бывшими не бывают.

– Это вся наша огневая мощь?

– Пока да.

– Как было мудро сказано – чем меньше мы знаем, тем лучше спим, – ввернула Дип.

– Поэтому давайте, поднимайтесь. Времени у нас мало, и еще меньше люфта для ошибок. Чтобы не вызывать подозрений, придется полную хрень творить.

– Поднимешься сам? – заботливо уточнил Нэд, и я торжественно показал ему неприличный жест. Мы забираемся в крошечный курьерский корабль, предназначенный для коротких переходов, и поэтому лишенный полноценных кают и автоматизированный до такой степени, что один более или менее рукастый человек мог справиться со всем один.

Мы разместились в рубке, Нэд, не обращая внимания на мой сарказм, пристегнул по инструкции гравикресло к фиксированным конструкциям, а Хисс, не теряя времени, запросила разрешение на взлет у диспетчерской.

– ЛКК «Оторва», компания «Атенрей», беспосадочный полет до станции «Ксантис».

– В казино играть едете, мадемуазель?

– Ото же! – весело отозвалась Хисс. – Пустите, дяденька.

– Документы в порядке, смотрите, не проиграйтесь.

– Спасибочки, – весело ответила Хисс и запустила двигатели. Она средний пилот, но, по большому счету, нам сгодился бы и кицилос, если бы у меня был кицилос, которому я доверяю. Но с лицензией пилота у меня из близких друзей только Нэд и Хисс, а Нэд нам будет нужен во время штурма.

– «Ксантис» – это в двух прыжках, – прокомментировал Кин. – Только, по-моему, совсем не в том направлении.

– Зато это безвизовая зона, на которую нам не нужно оформлять никаких документов. Расслабься, Кин. Я все продумал.

– Именно с таких слов начинались самые страшные авантюры, которые он затевал, – засвидетельствовал Нэд, откидываясь в своем кресле, вытягивая ноги под приборную панель и прикрывая лицо книжкой.

– Нэд, а Вы служили с ним?

– «Ты». И, да, – он не поднял книжку с лица, зато сложил на груди руки, и металлические жетоны с инфокартами брякнули по комму. – Но на Тир-Нан-Ог он меня не взял, от этого все беды, чесслово.

– Думаешь, я не пожалел?

– Думаю, пожалел.

– И в нашей экспедиции ты в роли кого?

– В роли себя, – Нэд вслепую указал в угол, где под чехлами угадывалось тщательно закрепленное оборудование выше человеческого роста. – Иль сказал, там охрана, так что

нужна огневая поддержка. Я – отличная огневая поддержка!

– Я, вообще-то, тоже, – засопел Кин несколько обиженно.

– Нэд лицензированный пилот роботизированной экзоброни. Если все будет гладко, два экзобойца вынесут к херам собачьим любую гражданскую охрану. Если не очень гладко – сильно облегчат любое сопротивление. Рисковать тем, чтобы ты или Дип явились на службу из отгула с ранениями я не собираюсь, так что ваше дело в этот раз – тыловое.

– Нам с тобой сказали, Кин, – ласково пропела Дип. – Что мы – тыловые крысы!

– Самая тыловая крыса – я! – радостно помахала рукой Хисс. – Я вообще останусь болтаться как гавно в проруби посредине космоса. Держись, мы прыгаем.

Хисс сымитировала сбой навигационной системы с тщательностью, достойной лучших страховых мошенников.

– Ой, ай, – театрально сказала она. – Кажется, увы мне, мы попали куда-то не туда.

– Не пугай, – буркнул Нэд. – Не туда по плану или не туда против плана? А то бы лучше меня за руль пустила, чесслово, свистопелка.

– Конечно, по плану, дурак, – обиделась она. – Вот та точка – ваше такси, кажется, – она глянула на радар, потом набрала код связи. – Эгей, на «Вонючке», это там вы?

– Это там мы, – раздался веселый голос в ответ. – Готовы?

– Да, только давайте эти тяжелые экзоштуки кто-то от вас придет и заберет? У нас все кроме одного дуболома такие

хрупкие.

– Ничего, у меня полный корабль сраных дис и их эйнхериев, кто-нибудь да затащит.

– Диск и эйнхериев, – повторил Кин со значением.

– А ты кого ожидал увидеть в штурмовом отряде СОНМа? – спрашиваю я, пока корабль на экранах медленно увеличивался в размерах.

Вот его уже можно разглядеть – и на борту у него написано, конечно, не «Вонючка», а «Ваниар», а опознавательные знаки вообще совсем не от Альянса, и даже не от СОНМа, а от Созвездия. Даже метка «Трек-Аваланш» под названием имелась. Да и обводы были донельзя похожи на злополучные «Схайо».

– Это не патруль СОНМа, – на всякий случай уточнила Дип. – По-моему, это корабль «Трек-Аваланш».

– Частично. Был, – Хисс начала маневрировать для стыковки. – «Ваниар» еще даже не записали в пропавшие.

– Его бомбанули сегодня ночью. Так что это легит, если не считать того, что команда там другая и у нас совершенно нет кицилоса, чтобы изобразить пилота. Чего не нашел, того не нашел, – каюсь я.

– А что сделали с командой? – уточнила Дип.

– Вероятно, захватили в плен и будут требовать выкуп.

– То есть, погоди, это что, пираты? А что у них на корабле делают диски с СОНМа?

– Как что? Готовятся захватывать своего врага, на кото-

рого выписан ордер.

– Иль, ты что тут натворил?

– Запутал так, что больше никто не распутает и нас не поймает, – обещаю я.

Стыковка, наконец, завершена, но я не тороплюсь. Шлюзы открылись синхронно, и в наш челнок запрыгнула пара дюжих парней варварского вида. Они схватили зачехленную экзоброню, едва не схватили Хисс (за что получили по рукам Нэдовой книжкой) и на всех парах удалились обратно.

– Класс, теперь им остается только отшвартоваться, сбегав с нашим имуществом, чесслово, – порадовался Нэд, отстегивая мое кресло. – Попыхтели вперед, ребята.

– Хисс?

– Все будет хорошо, детка. Я вижу на краю радара рейдер СОНМа, как договаривались. Они там кружат, так что отобьют если что.

– И все друг другу доверяют, – прокомментировал Кин, поднимаясь и направляясь к шлюзам. – Поразительно.

– Как бы все мы странно не выглядели, на самом деле, мы одна семья, – торжественно выдаю ему свою главную тайну я, но он, конечно, ничего не понимает.

– Все зашли? – проорал с капитанского мостика сидхе в затрепанном комбинезоне механика.

– Да, капитан! – отозвался еще один оборванец, фиксируя люк.

– Тогда по местам, дерьмоеды, и поехали.

Этот корабль побольше челнока, нас спешно рассовали по местам, и я успеваю пересчитать всех присутствующих: две дысы, два диковатого вида бойца с ними, медик, четыре человека команды корабля. Предводительница отряда СОН-Ма, подойдя ко мне, хлопнула меня по плечу тяжелой ладонью и присела рядом.

– Ну и чего, план какой дальше? А, привет, вы с Илем оба? Ты Кинслеер, рожа знакомая. У тебя тоже знакомая – ты Дипика.

– Ладно Кин, а я – то откуда?

– А у Иля дома доска есть с фотками, он туда свою коллекцию людей вывешивает. Вы там оба есть.

– Ого. А ты?

– И я, конечно, – гордо отвечает она. – Я Нери Илвастарр, чтоб вы знали. Или мне не полагалось говорить? Иль?

– Все нормально, – улыбаюсь я.

– Как сказал Иль – мы все тут одна семья, – проворчал Кин, но достаточно добродушно. – Так какой план?

– Мы заходим на орбиту планеты, запрашиваем посадку, после чего изображаем начало падения, и маневрируем в сторону нужного места. Там огромные сады, так что эффектно свалиться есть где. После этого, пока спасательные службы сообщают, как нам помочь, бригада захвата отправляется в особняк, убирает охрану – там их, как минимум, пять-шесть носов, захватывает наших друзей и уходит. В бой идут дысы со своими парнями, мы с Нэдом как основная удар-



ная сила, Кин и Дип прикрывают сзади. Уважаемый капитан ждет нас, в случае чего дурит мозги спасателям и затем вывозит нас отсюда. Возвращаемся к Хисс, капитан переправляет дис и добычу на рейдер. Все счастливо разлетаются по сторонам, конец.

– Хорошо, я все запомнила. Идти, куда идет Иль, действовать по обстоятельствам, – с юмором резюмировала Нери.

– Много ума не надо. У вас есть какая-то форма, или что-то вроде? Чтобы мы с Кином не выделялись?

– Сейчас комбезы дам, – пообещала Нери.

В целом я уверен в своем плане. В соратниках – тоже. В себе – железобетонно. И от этого немного стремно, потому что именно в таких ситуациях и возникают такие сбои, что и представить себе сложно. Тем не менее, времени на запасные варианты у нас нет – и так шансы того, что мы застанем Хастингса, Горун и ло-Лланнренна в одном гнезде, убывают с каждой минутой.

Нэд помог мне влезть в броню, и от этого, внезапно снова ростом даже не со среднего человека, а выше из-за высокой базы внизу, я чувствую себя немного лучше. Мое хорошее настроение еще немного восстанавливается, когда наш добрый капитан начал глумиться над сотрудниками местной диспетчерской службы.

– Эй, эй, это «Ванюар», слышите? Земля! Слышите? «Во-ниар»! «Трек-Аваланш»! Прием! У нас пилота тошнит из неподходящих мест! Слышите? Дайте нам посадку! Хера лы-

сого я умею, не умею! Какие бортовые огни?! Посадку давайте, слышите?

Выключив интерком, он долго и беспомощно ржал, старательно изображая неумелое пилотирование с выключенным автопилотом, нас мотало, как овощи в сковородке, но это даже весело. Гоготали даже хмурые и борзые эйнхерии, и обе дисы.

– На прямом курсе, – предупредил нас капитан с оттенком серьезности. – Пять минут и мы треснемся.

– Ты поосторожней сажай, нам еще обратно на этом лететь.

– Ну, щас, осторожней они не поверят, что авария. Не переживай, взлетит это гавно еще разок, а больше и не на...

Его оборвал удар о землю пуза корабля, и еще один, и еще, нас бросило в одну сторону, в другую сторону, и – бах!

– ... до, – невозмутимо закончил капитан.

– Эй, Иль, – позвала меня Нери, когда мы с Нэдом уже ждали открытия выходного шлюза, чтобы первыми выскокить наружу.

– А?

– Все будет хорошо. Не дергайся. Вперед! Пошел, пошел!

И мы пошли. Я наслаждаюсь чувством свободного движения, почти полной иллюзией здоровья, пока мы с Нэдом огромными усиленными прыжками неслись к виднеющемуся неподалеку красивому зданию. В нас даже стреляли – на периметре, внутрь которого мы так красиво свалились, есть

вышки охраны, и Нэд развернулся к ближайшей на бегу и выстрелил из низкочастотной пушки. Вышка задрожала и просела, оттуда как вопящий горох повыпадала пара человек, один даже поднялся и понесся к нам наперерез. Однако молча и спокойно бегущие на некотором отдалении от нас эйнхерии сняли его точными выстрелами. Информация, видимо, пошла распространяться дальше, потому что охранники начали набегать волнами. Их было намного больше шести, а прямо у здания нас встретил заслон из настоящих кадровых военных Созвездия, разве что знаки отличия сняты. Значит, Тир успел прислать защиту – умно, и вовремя, да только бесполезно. Своих разработок по экзоброне у них нет, потому что Тиру не до того, а, значит, им всем до нас далеко. Да и диски больше похожи на хренов каток, чем на нормальных живых существ.

Наперерез нам с Нэдом, прикрываемый шквальным огнем, из-за угла выскочил бронированный флаер, паля из плазмы. Мы оба отскочили, развернулись спиной к спине и начали палить в ответ, вверх и вбок, пока диски и их спутники, засев за оградой из густого кустарника, точечными выстрелами разбирались с менее тяжеловооруженными противниками.

У меня плазменная пушка, не низкочастотная: мы с Нэдом дополняем друг друга в этом. Увиливая от его менее дальнобойного оружия, флаер в конце-концов попал под мое правым двигательным отсеком, который тут же заискрил и

успел вспыхнуть на короткий момент, прежде, чем у него сработала противопожарная система. Флаер просел на одну сторону, и Нэд победоносно пробил его еще разок, после чего мы с ним одновременно прыгнули на импровизированные баррикады защитников. Это все почти как раньше, мы вдвоем против всего мира и любого противника, и от этого я чувствую себя очень живым. Мы с Нэдом оба победоносно заорали в интерком, глуша друг друга, когда смели сопротивление, и, оставляя дис разбирать за собой бардак, устремились вперед, в здание.

Пространства тут уже, мельче, мы замедлились, осматривая по очереди комнаты. Одна за другой, шикарные анфилады, красиво оформленные. Нашли и хромакейную студию, на фоне которой, видимо, и проходили все звонки.

– Где они? – спросил Нэд, немного похлупывая носом. – Ты их чувствуешь?

– Наверху. Все трое, – отвечаю я, прислушиваясь к ментальному фону. – Разве кто-то из них телепат?

– Откуда мне знать? А что там, проблемы?

– Кто-то сильный, не пойму, – я чувствую странный псионический фон, словно синтезированный или объединенное сознание, что-то достаточно болезненное, гнилое, но все еще сильное. Мне это не нравится, но что делать? Нам все равно туда идти, и идти первыми.

– Подождем дам?

– Стоило бы.

– Но нет?

– Но нет, – подтверждаю я, и мы несемся по лестнице вверх.

Я иду первым – я всегда шел первым в нашей паре, но, наверное, не стоило этого делать сейчас, потому, что я уже кучу лет как на гражданке. Потому что я иду вперед, и именно я получаю прямой, горячий, совершенно чудовищный разряд псионической энергии прямо по куполу. Я успеваю развернуть щит, отражая удар, пытаюсь прикрыть Нэда, защитить его от того, что попало по мне, ценой чего угодно, и операция по захвату кончается для меня несколько преждевременно.

## Эпилог. Story ain't over

Когда я, наконец, снова открываю глаза, то сначала радуюсь, конечно же, что все-таки их снова открываю. А потом радуюсь еще раз, потому что вижу над собой не что-нибудь подозрительное, а очень даже знакомый потолок с очень даже знакомыми красивыми узорами. Это, если никто не шутит с моей вменяемостью, та самая частная клиника, где меня обычно собирают из запчастей обратно.

Чувствую я себя достаточно неплохо, или же, может быть, мне всадили конскую дозу обезболивания? Так как я почти не ощущаю себя ни в одном месте, второе предположение кажется мне похожим на правду. Голова как колокол – пустая и гудит, хоть и не болит, и малейшее прикосновение к псионической энергии вызывает оборванные неврологические сигналы. Видимо, опять перестарался.

Ради пробы я поднимаю руку и разглядываю ее – она цела, двигается и выглядит нормально, даже ободрашек особо нет, и почти сразу же в поле моего зрения появляется серьезное, собранное, темное лицо, неуловимо напоминающее элитный гоночный каток для льда. Однако же это не доктор Дар, потому что лицо, для начала, снабжено волосами, а мой драгоценный хирург бреется наголо. А потом, эти волосы – белые, и такие я бы точно запомнил, потому что маворсы очень болезненно относятся к детишкам с таким колером. Считают

их вестниками зла и все такое. Так что, нет, беловолосого маворса я бы точно срисовал, если бы видел когда-то раньше.

– Привет, – пробно говорю я.

– Привет, Гиллернхорн.

У меня есть догадка, и я закрываю глаза.

– Повтори.

– Привет, Гиллернхорн?

И вот так голос я узнаю, как ни странно. Снова смотрю на него, поворачивая через силу голову, уже с новым осознанием, а он немного отодвигается, так что в кадр теперь влезает больше – не только лицо, но и идеально сидящее, явно на заказ сшитое пальто с яркой булавкой на лацкане, неприлично дорогая рубашка. Его руки, сложенные на коленях, кажутся мне странными, пока до меня не доходит, что он в тонких перчатках – почти того же цвета, что его собственная темная кожа, но, все-таки, в перчатках.

– Ты – Кода.

– Что же меня выдало, – с сарказмом спрашивает он. – Неужели попытки помочь с расследованием?

– Ты нас сыграл, разве не так? – спрашиваю я.

Наверняка камеры все смотрят в другую сторону, и связь врач-пациент выключена, но даже если у меня нет шансов поймать его, может, я могу получить какие-то ответы.

Однако, все это не значит, что я не попытаюсь.

– Сыграл, – он внезапно зубасто улыбается, и от этого выглядит совершенно не маворсом. – Понравилось?

– Не очень. Кроме того, я не слишком люблю, когда меня используют, я не понял, зачем, и не до конца понял, как.

– Да все ты понял. Давай, предположи.

– Ты работал на Фонд, отмывал им деньги, используя ворованные данные и счета. Однако кражу денег из банков Альянса они не заказывали, и, вероятно, были в недоумении и бешенстве, когда ты вывалил на них пять миллиардов.

Он улыбается, как довольный кот, только вибрисс не хватает.

– Да. Бесились на отлично.

– И зачем ты это сделал? Просто, чтобы позлить?

– Частично.

– Сомневаюсь, что это было основной причиной.

– У тебя когда-нибудь было такое, чтобы обстоятельства казались тебе невероятно несправедливыми, но сделать сам ты с ними ничего не можешь, и приходится приспособливаться?

– Было, – соглашаюсь я, потому что такое случилось не только тогда, когда я был вынужден смириться с последствиями своей травмы, но и вот совсем недавно, когда Тир наотрез отказался выдать нам изрядно наследивших у нас глав Фонда. – Буквально только что такое было.

– Тогда ты понимаешь, – едва заметно кивает Кода, щуря свои волчьи глаза. – Пока это была просто отмывка денег, это работа. Это ерунда – обводить вокруг пальца тупых и жадных налоговиков и финансистов, – скорее подвиг. Я дол-



го понятия не имел, что это за деньги, откуда, зачем, и меня это устраивало. И устраивало бы дальше.

– Но что-то случилось.

– Догадаешься?

Я перебираю в голове все известные мне факты и делаю обоснованное предположение.

– Случилась «Садора», которую стопнули на «Урадре», и тебя попросили обеспечить доступ к кораблю на карантине, чтобы протащить контрабанду.

– Точно. Я смотрел за ними, и этот спрут начал прямо там блевать пакетами с наркотой.

– И это тебя так травмировало? – я не уверен, тяну ли я время, чтобы кто-то, может, успел заметить вмешательство в приборы или систему безопасности и прийти меня проверить, или же просто разговариваю с ним.

– Меня травмировало то, что это наркотики. И я сделал то, что не следовало делать.

– Выяснил, откуда деньги.

– И оказалось, что оттуда.

– И ты настолько принципиален, что решил их всех сдать.

Вернее, подставить под нас.

– Я попытался сначала навести на них полицию, но никто не стал копать достаточно глубоко, и все заглохло. Мне нужно было что-то, кто-то кто это все разматает, и кого станут слушать, даже если правда будет неудобной. Ты был идеальным кандидатом.

– Я, не Кин, – уточняю я.

– Кинслеер не спасал Тира, и не обладает какими-либо связями вне Тайрены. Это тут он почти бог, а выйди на орбиту, и все его влияния иссякают. Мне нужен был более универсальный инструмент.

– И ты использовал меня.

– А ты использовал всех остальных. Кстати, неплохо использовал. Могу поаплодировать.

– Спасибо, не стоит.

– И я даже сожалею, что ты пострадал из-за этого расследования. Это не входило в план. Но, вообще-то, ты сам виноват. Надо было быть осторожней.

Я хмыкаю. Как это все знакомо: конечно, нам очень жаль, что ты не будешь ходить, Иль, но тебе стоило проявить больше осторожности. Тебя же предупреждали, что это опасная операция!

– Дважды.

– Дважды, – спокойно соглашается он.

– Чем, кстати, все закончилось?

– Не могу сказать точно, спроси у своих. Ты внезапно появился в этой больнице, а Горун, Хастингс и ло-Лланнренн объявлены в розыск в Созвездии, как, предположительно, похищенные. Тир-ар-Леа рвет и мечет, но расследование пока что указывает на СОНМ, а не на Альянс. Полагаю, это твоя работа.

Я делаю вид, что не слышу таких инкриминирующих

предположений, но я доволен. В самом деле доволен, если эти господа пропали, значит, как минимум, до них добрались, несмотря на мою отключку. Осталось только выяснить, все ли участники спецоперации целыми вернулись домой, но я могу выяснить это и чуть позже – не спрашивать же у Коды, в самом деле.

– Мы все еще не закрыли дело о взломе систем безопасности Министерства и краже пяти миллиардов, – говорю я вместо этого.

– Удачи, – щурится он. – Тут она вам потребуется.

– И ты все-таки украл те деньги, которые должен был перевести в последнем задании, я прав?

– Это был налог на восстановление справедливости, – косвенно признает мое предположение он.

– Не хочешь вместо этого поработать на Министерство, случайно?

– Я? На правительство? Отчитываться за каждый чих, копаться в мусоре за другими хакерами? Не смей!

– Зато тут стабильная зарплата и соцпакет.

– Соцпакет? Ха.

– Не стоит недооценивать соцпакет. Посмотрим, что ты будешь думать про это лет через сто.

– Вот лет через сто и спрашивай.

– Мы поймаем тебя быстрее.

– Сначала найдите себе нормального хакера, детишки, – ухмыляется он.

– И зачем ты вообще приходил, на самом деле?

– Наверное, сказать «спасибо» за хорошо сыгранную партию. И извиниться за очевидные, но не предвиденные последствия, – он неопределенно взмахивает рукой вокруг. – Ты оказался умнее, чем я надеялся, хитрее, и куда лучшим бойцом, учитывая все обстоятельства. Но я как-то вообще не рассчитывал, что ты сам будешь лезть во все перестрелки.

Я кривлюсь. Нет, это, конечно, мое тайное оружие – неожиданность, но каждый раз почему-то как-то неприятно осознавать, что твоя предполагаемая беспомощность фигурирует в чужих расчетах.

– Собственно, мне бы пригодился надежный парень, знающий, с какой стороны держать бластер. Не заинтересован?

– Я предпочитаю соцпакет.

– Спрошу тебя через сотню лет.

– Договорились.

Он протягивает мне руку для пожатия, и я медлю.

– Ты же в курсе, что я телепат? Не боишься, что прочитаю?

– Я также в курсе, что сейчас ты не можешь дотянуться даже до края кровати, потому что тебя шарахнуло псионической пушкой.

Справедливо.

Я пожимаю его руку и отпускаю, потому что, в самом деле, он правильно все рассчитал – сейчас я слабее котенка.

Он тоже знает, что я знаю – и от этого на его лице господ-

ствует самодовольное, упрямое выражение, которое я могу прочесть даже несмотря на его маворские черты.

Он протягивает руку в изголовье моего больничного одра, берет оттуда роскошную полированную трость, которая там, видимо, была припаркована на время беседы – достойный аксессуар к образу, ничего не скажешь – поднимается на ноги и, самую малость прихрамывая, идет к выходу.

И тут я, разорви меня Великая Алхимия, его узнаю.

– Лангда, – окликаю его я, и он оборачивается. – Так это ты был?

– А ты только меня узнал? – кажется, я все-таки умудрился его удивить. – А я-то боялся, что ты меня опознаешь и придешь громить кофейню. Ну ты и девочка с Давоса!

Я бессильно смеюсь, и он, прежде, чем идти дальше, усмеяется тоже.

– Эй, Кода, – снова окликаю я его, и он снова чуть оборачивается. – Я тебя все равно поймаю.

– Давай, попробуй, Гиллернхорн.

Кнопка связи с врачом срабатывает только через десять минут после его ухода. Ну, в самом деле! А если бы мне стало плохо за это время? Никакого уважения к поверженному противнику. А пока это именно поражение, потому что он даже не обыграл нас вчистую – он сыграл нас и сыграл нами, как бы ни было паршиво это признавать.

Зато на мой вызов торопливым летящим шагом прибыл не только доктор Дар, но и целая орава встревоженных лиц.

Меня это все ужасно возмущает – вот все они тут, а Кода приперся как к себе домой, и ушел точно так же, и никто даже ухом не повел.

– Наконец, ты очнулся, – поприветствовал меня доктор Дар, присаживаясь на подвинутый Кодой стул и назойливо проверяя мне склеры, нос и гортань.

– Очнулся уже давно. Но кто-то, не будем показывать пальцами, взломал вашу информационную систему.

– Чего-чего? – выглянул у доктора из-за плеча Кин. Его роста как раз хватило для этого, потому что доктор Дар, как и все маворсы, длинный, как жердь. Впрочем, дисы еще выше – рядом с той же Нери Кин вообще выглядит ребенком.

– То, что тут был Кода, а вы проморгали.

– Ты шутишь?

– Нет, не шучу.

– У него галлюцинации? – уточнила Дипика у доктора Дара крайне озабоченно. – Такое может быть от того, что в него из этой пушки попало?

– Может, – тревожно ответил тот, но на всякий случай вывел на терминал, запросив с пульта, запись из моей палаты. – И где тут твой Кода? Это вот пятнадцать минут назад. А вот двадцать. А вот перед нашим появлением.

На записи, конечно же, ничего.

– Только он тут был, – не соглашаюсь я. – Он подменил запись, вот и все. Покадрово просмотри.

– Он бредит?

– Нет, – с сомнением ответил Дар. – Он просто такой.

– Покадрово посмотрите, – повторяю я. – Там видно склейку. Лежу, лежу, потом бац и руки по-другому лежат.

Доктор Дар сдался и, чтобы не спорить, запустил видео в замедленном режиме, и они все прилипли к экрану, пытаюсь рассмотреть.

– Ну, да, – признала Дип с сомнением. – Либо запись лагнула, либо заменена.

– Нам жизненно необходим хакер. Хотя бы уровня Свифта, – печально подытоживаю я. – Теперь верите?

– Ладно, допустим, он тут был. А зачем, что ему было надо?

– Он тебе не повредил? – переспросила более заботливая Дип.

– Только моему самолюбию. Он приходил поговорить. Обсудить тот факт, как красиво он подставил своих бывших подельников под нас этой операцией с банками.

– То есть, он делает вид, что он такой благородный разбойник?

– Не такой уж благородный, про свой карман он не забыл. Те деньги, помните? Которые сначала исчезли, потом появились. Он фактически признал, что присвоил их.

– С учетом того, что деньги банкам возвращены, получается, что обворовал он Фонд, а их претензии вряд ли будут рассматриваться.

– Хитрая скотина, – одобрительно сказал Кин. – Но его

все равно надо будет поймать.

– Я примерно это ему и сказал, но он не впечатлился. Кстати, чем все закончилось на Картии? И чем меня так ша-рахнуло?

– Новой разработкой Созвездия, которой им теперь не ви-дать, потому что Хастингса уволокли твои диски, а опытный образец мы забрали себе.

– И что это было?

– Видимо, слухи про опыты с псионическими возможно-стями были правдивы. Это псионическая пушка, основанная на экстрагированных тканях мозга телепатов.

Это даже звучит ужасно противно.

– И мы, что, планируем это использовать?

– Мы не планируем. Мы сдали это Кольбейну, неофици-ально. И он неофициально это забрал. Так что дальше о судь-бе этой адской машины можешь узнать от него, но ее эффек-тивность ограничена, что ты уже успешно доказал.

– Нэд в порядке?

– Да. Заряд ударил в тебя, ты его отразил, пушка пере-грелась и остановилась, и Нэд там прошелся, как танк. Соб-ственно, я не уверен, что Хастингс вообще выживет, потому что это он стрелял, а Нэд это принял уж очень персонально.

Узнаю старого, доброго Фонарщика.

– А дальше?

– Что, дальше. Всех повязали, диски взяли пленников, Нэд – тебя, и огородами ушли обратно к кораблю. В полете тобой



занимался тот стремный старый фейри, который был с дисами. Он, кстати, сразу сказал, что ты в норме, просто надо отдохнуть. А Дар сначала паниковал.

– Я не паниковал, я принимал срочные меры, – не согласился тот.

– Кстати, раз уж мы про срочные меры. Физиономия нашего доброго капитана показалась мне какой-то знакомой. Я потом проверил – он в розыске за космический разбой. Тебя это не смущает?

– Совершенно нет. Меня не волнует, кого там дисы на хвосте приволокли.

– Помнится, ты как-то говорил мне, что среди твоих друзей есть космический пират.

– Возможно, и говорил, – соглашаюсь я.

– Кажется, я очень хочу посмотреть на эту твою Стену Славы, о которой рассказывала Нери, – хихикнула Дип. – Наверное, там половина рож из списка самых разыскиваемых преступников!

– А я вот уже не хочу вам ее показывать, – мстительно отвечаю я. Впрочем, я, конечно, не всерьез – в конце-концов, физиономии Кина и Дип тоже там. А даже если там и затесалась пара межгалактических пиратов – так что делать, наверняка, им тоже не нравится там находиться рядом, например, с Кольбейном.

– Ладно, вызывай Лада, – вздохнул Кин. – Раз уж тут очередной взлом имени Святого Коды. Будем пытаться поймать

его.

– Это уже становится какой-то дурацкой традицией, – хмыкнула Дип.

– Надо же чем-то заменять традицию приносить кофе, – вставляю я. – Раз уж с ней точно пора завязывать.

– А что не так с кофе?

– То, что Кода полгода варил нам кофе, вот что. Своей собственной персоной. И именно так он и оставил свое управляющее устройство в Министерстве.

– Погоди. Тот парень в кофейне?

– Именно.

– Но?..

– Именно.

– Но?!

– Даже не спрашивай. Вероятно, придется покупать кофемашину и варить кофе самим.

– Наверное, это будет самый безопасный вариант.

– Главное, чтобы Кода предварительно не сунул жучок в эту самую кофемашину, иначе она порботит мир, пока мы будем доливать молоко.

– Давайте мы Кольбейну только этого всего не скажем, – предложила Дип.

Научиться варить кофе и поймать Коду, чем не прекрасный план на ближайшее будущее?